

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 16

**Москва
2001**

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:
д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. —
Вып. 16. — 116 с.

ISBN 5-317-00177-3

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-00177-3

© Авторы статей, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Красных В. В.</i> Точки над і или многоточие?.. (к вопросу о современной научной парадигме).....	5
<i>Ружицкий И. В.</i> Модальные частицы как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности.....	13
<i>Митева Н. В.</i> Модальность комментирующих предложений	20
<i>Изотов А. И.</i> Чешские перформативные глаголы в побудительном высказывании	23
<i>Белюсова В. В.</i> Bobík, manažer, džípař...или Co je nového? (заметки на полях чешского словаря неологизмов)	32
<i>Чой Юн Хи (Республика Корея)</i> Проблемы сопоставления внутренней формы фразеологизмов (на примере соматических фразеологических единиц, образованных на основе слова «глаз» в русском и корейском языках)	37
<i>Полищук Е. В.</i> Management: менеджмент или управление? К проблеме перевода американской управленческой лексики на русский язык.....	50
<i>Изотова А. А.</i> Метасемиотика описания в романе Айрис Мердок «Замок на песке».....	54
<i>Колесник Н. В.</i> К вопросу о категории числа в английском и русском языках.....	59
<i>Рогозная Н. Н., Мацура Аки (Япония)</i> Японские невербальные средства общения.....	66

ЛИНГВОПОЭТИКА

Сорокин Ю. А. О чем прошумела «Гроза» А. Н. Островского?.....77

Грекова О. К. Сознание и язык. О явлениях динамики и статики
в языке М. Цветаевой81

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Кулибина Н. В. Эстетическая деятельность
читателя художественной литературы
и её методическая интерпретация86

Рябоконева А. В. Как обеспечить средствами самоучителя
ориентацию автолингводидакта
в условиях его деятельности?103

Белуsoва В. В. Категория модальности в современном чешском
языке: программа спецкурса.....110

Белуsoва В. В. Средства выражения модальности
в современном чешском языке: программа спецсеминара113

ЛИНГВИСТИКА

Точки над і или многоточие?.. (к вопросу о современной научной парадигме)

© доктор филологических наук В. В. Красных, 2001

О необходимости изучения национального языкового сознания говорят уже давно, и в последние десятилетия появилась масса трудов, посвященных данной тематике и проблематике и с блеском доказывающих, что сегодня невозможно уже идти дальше и развивать лингвистическую науку, не выходя за рамки традиционной сосюррианской парадигмы (как ее понимают многие “традиционные” лингвисты). В последнее время бурное развитие переживают те направления, которые так или иначе связаны с человеком говорящим как конкретным субъектом коммуникации, носителем языкового сознания, представителем той или иной культуры. Но как всегда бывает в таких случаях, когда какое-то направление начинает бурно развиваться, образуется много “шелухи” и “пены”. С сожалением вынуждена констатировать, что в наши дни термины “дискурс, концепт, когнитивность, языковая личность, ментально-лингвальный комплекс, лингвокультурология, этнопсихолингвистика, межкультурная коммуникация”, даже введенные относительно недавно научным семинаром “Текст и коммуникация (ТиК)”¹ “когнитивная база” и “прецедентные феномены”, равно как и масса других терминов того же “поля” мелькают в речи ученых дам и мужей, как модные аксессуары, без которых уже невозможно показаться “в приличном обществе”. Причем зачастую употребление этих понятий ничем не оправдано (кроме как данью моде) и не имеет никакого реального отношения к предмету, о котором говорит тот или иной автор.

В связи с этим со всей очевидностью, на мой взгляд, назрела острая необходимость расставить точки над і и все-таки определить более точно ту парадигму, которая складывается сейчас и в которой работает современная гуманитарная наука (как наука о человеке), ядром которой является наука о языке, т. е. лингвистика. Разумеется, я не претендую, во-первых, на категоричное утверждение, что центром гуманитарной науки так таковой всегда должна быть лингвистика (возможны и другие подходы в зависимости от научных пристрастий и научной базы конкретного

¹ Основоположники и постоянные участники семинара: д.ф.н. Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и автор настоящей статьи.

исследователя), во-вторых, на то, что предлагаемая концепция даже в рамках лингвистических изысканий является единственно “правильной” и возможной.

В данной статье я предлагаю свою точку зрения, которую во многом (если не полностью) разделяют мои коллеги по семинару “Тик”. Я прекрасно понимаю, что в рамках одной короткой статьи невозможно изложить свое мнение по всему широчайшему спектру вопросов, связанных с современной парадигмой лингвистических (и шире — гуманитарных) исследований. Свою задачу в данном случае я вижу в том, чтобы открыть дискуссию, в которой, я надеюсь, примут участие многие коллеги: те, кто давно и плодотворно работает в рамках данной парадигмы, и те, кто не разделяет изложенных мною взглядов, кто давно и плодотворно работает в другой парадигме и имеет совершенно другое представление о будущем лингвистической науки.

И открыть эту дискуссию я хотела бы с того, чтобы представить цели и задачи исследований, которые представляются мне наиболее актуальными и значимыми сегодня, и уточнить понятийно-терминологический аппарат того фрагмента современной парадигмы, которым я оперирую и который так или иначе используется в работах других исследователей. Особо подчеркну, что я никоим образом не претендую на авторство всех терминов и понятий, используемых мною, тем более что многие из них имеют своих признанных “родителей” и стали уже частью научного обихода.

Итак, на сегодняшний день одной из самых насущных задач современной науки я считаю следующее: необходимо исследовать и описать мир “глазами русских”, мир, в котором обитают русские, в его взаимодействии с русским дискурсом, т. е., с одной стороны, рассмотреть сквозь призму русского языка мир во всем его разнообразии, а с другой — системно описать отражение “русского мира и мировидения” в языке и дискурсе.

Позволю себе сразу привести свое определение дискурса, дабы избежать неточного понимания: *дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами.* При рассмотрении дискурса с точки зрения результата дискурс предстает как совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации. При анализе дискурса как процесса дискурс являет собой вербализуемую речемыслительную деятельность. Дискурс имеет 2 плана — собственно-лингвистический и лингво-когнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение и восприятие текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс) [2, 4].

Более узкая, прагматическая цель — выявить универсальные и специфические черты русского культурного пространства и зоны возможных его несовпадений с инокультурными пространствами (зоны потенциальных неудач), что позволит 1) предотвратить ряд конфликтов в условиях какого бы то ни было коммуникативного контакта при межкультурной коммуникации и 2) во многом облегчить сам процесс общения представителей различных национально-лингво-культурных сообществ. По мнению Д. Б. Гудкова, предлагаемый подход имеет еще одну прагматическую цель — он будет способствовать культурному самоопределению русских. С этим трудно не согласиться, поскольку подобное исследование, выявление и описание действительно может помочь русским как национально-лингво-культурному сообществу осуществить собственную культурную самоидентификацию.

Для того, чтобы осуществить указанные цели и задачи, необходимо определиться с тем, что же мы изучаем. Основным объектом исследования в данном случае выступает русское культурное пространство (РКП). Позволю себе напомнить определение РКП, данное несколько лет тому назад участниками “Тик”: РКП — “форма существования культуры в сознании человека”, оно “включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-культурного сообщества” [3]. Иначе говоря, РКП — это совокупность всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств.

Напомню, как определяются когнитивные пространства в рамках концепции “Тик”: *индивидуальное когнитивное пространство — определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый человек говорящий; коллективное когнитивное пространство — определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум.*

Национальное культурное пространство как таковое — это информационно-эмоциональное (“этническое”) поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится “ощутимым” при столкновении с явлениями иной культуры. “Ядром” всех когнитивных пространств является когнитивная база (КБ), служащая тем стержнем, который “скрепляет” все когнитивные пространства и предопределяет их национальную специфику.

Сразу же напомню уже признанное определение КБ, предложенное участниками “Тик”: *КБ — определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, ментально-лингвального комплекса.*

Следовательно, КБ является “ядром” и культурного пространства. Русская когнитивная база проецируется на РКП и входит в него как неотъемлемая часть. С другой стороны, само РКП “отражается” в русской КБ в редуцированном, минимизированном виде. Однако это не просто “эффект бинокля” (ближе/дальше; больше/меньше), поскольку РКП — это все многообразие знаний и представлений носителей русского ментально-лингвального комплекса, в то время как русская КБ — это не просто сокращенный вариант некоторого списка феноменов. Минимизация осуществляется не путем уменьшения “объема”, но через “качественное редуцирование”, через создание инварианта восприятия того или иного культурного предмета. В этом состоит одно из отличий культурного пространства от когнитивной базы, которая включает в себя не все многообразие феноменов, но лишь те, которые являются (национально) прецедентными.

Напомню, как определяются в рамках концепции “ТиК” прецедентные феномены [1]. В основе данной дефиниции лежит определение прецедентного текста, данное Ю. Н. Карауловым.

Прецедентные феномены: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном плане; 3) апелляция к которым постоянно возобновляется в национальном дискурсе. Среди прецедентных феноменов выделяются: прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентная ситуация и прецедентное высказывание.

Что же входит в русское культурное пространство? Какими содержательными единицами оно формируется? И что именно, какие феномены в конце концов являются объектом нашего внимания и изучения? Ответ и прост, и сложен одновременно. Прост, поскольку краток и как бы лежит по поверхности: феномены, о которых мы говорим, суть *ментефакты*. А сложен ответ потому, что сразу возникает целый ряд вопросов, важнейший и простейший из которых: а что такое ментефакты? А чтобы ответить на этот вопрос, нужно разобраться в том, что такое сознание и действительность и как эти феномены между собой соотносятся. Не имея возможности подробно останавливаться на этом вопросе, изложу основные положения.

В понимании того, что есть сознание, я исхожу из постулатов отечественных школ психологии и психолингвистики (А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев и др.). Если говорить коротко, то *сознание* есть специфически человеческая форма отражения действительности и высший тип психики (А. Н. Леонтьев). *Действительность* — это все сущее, материальное и идеальное, реально существующее и воображаемое (в виде, например, воспоминаний о прошлом, мечтаний о будущем, плодов воображения и фантазий), принадлежащее сознанию и лежащее вне его (не за границами сознания, а именно вне его, т. е. материальный мир, который может восприниматься по пяти чувственным каналам).

Соотношение сознания и действительности может быть определено следующим образом (хотя это, возможно, и прозвучит слишком категорично): сознание входит в действительность. Однако это не отношения части и целого. Если само сознание — отражение действительности, то “содержание” сознания — идеальная сторона действительности. Проведу следующую аналогию: представьте себе аквариум, в котором плавают рыбки. Рыбки могут жить без воды? Нет. Рыбки и вода — одно и то же? Нет. Так вот, аквариум — это сознание, вода — идеальная сторона действительности, а рыбки — это ментефакты. Другими словами, *ментефакты* суть элементы “содержания” сознания (более подробно — см. [4, 5]). Будучи таковыми, ментефакты составляют “плоть и кровь” национального культурного пространства (в нашем случае — РКП).

Итак, основное внимание исследований, выполняемых в рамках описываемого подхода, должно быть обращено на выявление и описание основных важнейших ментефактов русского культурного пространства (и тем самым — русского языкового сознания). Каким образом это можно сделать? На мой взгляд, существует несколько взаимодополняющих путей: во-первых, это выявление архетипов русской культуры и представлений, бытующих в современном языковом сознании, восходящих к архетипам и сохраняющих архетипические черты; во-вторых, выявление, описание основных мифо-поэтических образов (от духов и фольклорных персонажей до сказочных “артефактов”) и концептов (*судьба, грех, воля, совесть* и др.); в-третьих, исследование и описание базисных фрейм-структур русского языкового сознания, например, прецедентных феноменов и стереотипов-представлений (далее — стереотипов).

Для того, чтобы было более понятно, что именно я имею в виду, приведу определения использованных терминов.

Напомню свое понимание таких терминов, как концепт, фрейм-структура сознания и стереотип [2, 4].

Концепт может быть определен как *самая обшая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея “предмета” в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью* [2, 4].

Фрейм-структура есть когнитивная единица, формируемая клише / штампами сознания и представляющая собой “тучок” предсказуемых валентных связей (слов), векторов направленных ассоциаций. Предсказуемой является ассоциативная связь, в основе которой лежит некоторый когнитивный феномен — культурный предмет, репрезентированный сознанию и кристаллизованный в виде клише и штампов.

Стереотип есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа-представления] нацио-

нально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций). С точки зрения “содержания” стереотип есть фрагмент концептуальной картины мира, устойчивый, минимизированно-инвариантный, обусловленный национально-культурной спецификой образ-представление о предмете или о ситуации, причем не о конкретном предмете или конкретной ситуации, когда-либо имевших место и приобретших статус прецедентного феномена, но о предмете или ситуации “в целом”.

Что такое ментефакты, я уже говорила: это содержательные элементы языкового сознания, ментальные образы и понятия. Ментефакты могут классифицироваться и систематизироваться на разных основаниях. Я предлагаю следующую систему ментефактов, которая имеет несколько рангов разбиения. Первый ранг представлен шкалой “информативность ↔ образность”, он дает триаду “знания — концепты — представления”.

Полосы этой шкалы — знания и представления — различаются по целому ряду параметров (представлены информационными единицами или образами; коллективны или индивидуальны; “объективны” или “субъективны”; требуют или не требуют “доказательств”; хранятся в “развернутом” или “свернутом” виде; не включают или включают коннотации и оценки; требуют работы памяти или интеллектуально-творческой работы) [2, 4]. Концепты занимают на указанной шкале срединное положение: они в значительной степени принадлежат сфере “рацио” и лишены образной прототипичности (сближаются со знаниями), но в то же время они включают в себя коннотации (сближаются с представлениями).

Знания — это некие “информационные”, “содержательные” единицы, совокупность которых представляет собой определенным образом структурированную и иерархизованную систему (напр., математические и физические правила, химические формулы, местоположение географических объектов, место и даты событий и т. п.). Среди наиболее важных, основных, или, пользуясь выражением Ю. С. Степанова, ключевых концептов следует назвать такие, как *судьба, воля, грех, совесть, закон, правда* и т. д. Знания и концепты являются “терминальными” элементами предлагаемой системы и не подвергаются дальнейшему членению (хотя в принципе это возможно).

Представления включают в себя собственно представления и образы, а также связанные с ними оценки и коннотации. Они поддаются дальнейшему членению на основе критерия, формируемого двумя основополагающими признаками: единичность vs множественность и прототипичность vs отсутствие таковой (наличие / отсутствие изначального образа предмета). Приведу примеры полярных феноменов, во-первых, именно потому, что они полярны и в них эти признаки проявляются максимально ярко и рельефно, во-вторых, потому, что эти феномены лучше всего изучены в свете предлагаемого подхода. Итак, прецедентные феномены всегда единичны и уникальны: *Пушкин* всегда один и уникален, равно, как

“*Анна Каренина*”, *Колобок*, *Иван Сусанин* или “*счастливые часов не наблюдают*”. Среди стереотипов мы не найдем ни одного, прототипом которого послужил бы единичный, уникальный феномен.

Итак, второй ранг разбиения феноменов дает четыре элемента системы: прецедентные феномены (ПФ), духи, артефакты, стереотипы. Посмотрим, как разграничиваются данные феномены по указанному критерию — сочетанию признаков.

Прецедентные феномены единичны и прототипичны.

Духи не единичны и не прототипичны, косвенным доказательством чего может служить множественность образов, в которых они предстают человеку (*леший* — старое дерево, небольшой старичок, мужик выше леса; *домовой* — вообще невидим, может принимать образ отсутствующего члена семьи, животного и т. д.; *русалка* — прозрачное существо, обитающее в воде, может выходить на берег в виде молодой девушки; *водяной* — старик, который может оборачиваться камнем, корягой, плывущим по воде яблоком, даже туманом и т. д.).

Артефакты и *стереотипы* — не единичны, но прототипичны. Разница заключается в том, что изначальный образ артефакта основывается на реалии с последующим наращением качеств и свойств предмета (*скатерть-самобранка* = предмет + дополнительные свойства; *ковер-самолет* = предмет + дополнительное свойство; *избушка на курьих ножках* = предмет + дополнительный признак + дополнительное свойство и т. д.).

В самом термине “стереотип” заложена “полифоничность” предметов, это собирательный образ. В отличие от артефактов, где идет наращение, здесь происходит редуцирование качеств и свойств предмета до значимого минимума (значимого прежде всего в когнитивном и дифференциальном планах).

Среди стереотипов выделяются стереотипы-ситуации (*очередь*, *транспорт* и т. д.) и стереотипы-образы. Среди последних на основе того, к какому фрагменту мира принадлежит “предмет”, можно выделить “мир флоры и фауны” (*дуб*, *аист*, *крыса*), “мир человека” (напр., этнические стереотипы — *англичанин*, *немец*, *француз*; профессиональные — *учительница*, *банкир*, *геолог*; социумные — *новый русский*, *бомж*) и др.

Предлагаемая система, как любая система вообще, представляет лишь “скелетные” составляющие. В реальности, безусловно, есть зоны сближения, пересечения и переходов, периферийные феномены, находящиеся у границ своей группы. Приведу лишь несколько примеров. Так, *Баба-Яга*, с одной стороны, будучи прецедентным именем, обнаруживает те же признаки, что и *Колобок* и *Суворов*, но с другой стороны, она явно сближается с *домовым*. *Аист*, входящий в ту же группу стереотипов, что и, например, *крыса*, обнаруживает определенные сходства со *скатертью-самобранкой*.

И последнее замечание. Все указанные представления могут выступать или не выступать в роли эталонов. Но какие именно представления могут выполнять эту функцию, почему и как на этой основе разграничиваются феномены — предмет отдельного рассмотрения.

А сейчас вернемся к разговору о том, какие направления исследований являются, на мой взгляд, наиболее актуальными на сегодняшний день. Крайне необходимым представляется изучить представление о человеке как микрокосме и человеке как части макрокосма. Перспективными в этом плане видятся следующие исследования: изучение представлений о теле человека и символических функциях органов человека в зеркале лингвокультурологии и, соответственно, изучение и описание как самих представлений, так и языковых средств, их выражающих; изучение и описание способов языкового выражения стереотипов поведения и невербальных средств коммуникации; системное описание языковых средств, обслуживающих духовную сферу человека; изучение и описание способов языкового выражения антропостремительных (В. Н. Телия) и антропоцентрических представлений о времени и пространстве; исследование представлений о строении мира, выявление, изучение и описание данных бытующих в русском языковом сознании представлений, восходящих к архетипам русской культуры, а также их отражения в языке и дискурсе; изучение и описание представлений о месте, статусе, социальных ролях, межличностных отношениях и т. д., бытующих в современном русском языковом сознании и восходящих к архетипам русской культуры, а также системное описание проявления социальных отношений в дискурсе и языковых средств, обслуживающих данную сферу.

В заключение еще раз подчеркну, что настоящая статья не ставит своей целью закрыть какую бы то ни было тему. Напротив, я очень надеюсь, что эта публикация послужит поводом для дальнейшего обсуждения как поставленных вопросов, так и проблем, не затронутых в данной работе.

Литература

1. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, № 3. С. 62-85.
2. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация.): Научная монография. М., 1998.
3. Гудков Д. Б., Красных В. В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Научные доклады филологического факультета. М., 1998. Вып. 2. С. 124-133.
4. Красных В. В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999.
5. Красных В. В. Виртуальна или реальна виртуальная реальность? (постановка проблемы) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 13. М., 2000. С. 5-11.

Модальные частицы как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности

© кандидат филологических наук *И. В. Ружицкий, 2001*

Воспринимая чужую речь, мы, как правило, стремимся понять не только то, что означают слова, но и то, что пишущий или говорящий хотел нам сообщить. Изучение намерений говорящего или пишущего является предметом прагматики, науки, изучающей язык в его отношении к тем, кто его использует [Stalmer 1972: 419]. Если мы видим в газете фразу FALL BABY SALE, то, конечно, не воспринимаем её как призыв покупать детей. Для нас абсолютно ясно, что речь идёт о детской одежде, хотя само слово «одежда» в этом тексте рекламы не используется. Возможность понимания здесь обеспечивает не языковой, а «физический» контекст, т. е. разного вида условия, в которых данный текст был произведён, а именно: время и место, где мы находимся в момент восприятия, а также намерения говорящего или пишущего, его мнение, ожидание, интересы и т. п. О влиянии «физического» контекста на взаимопонимание М. М. Бахтин писал ещё в 1926 году, приводя следующую пример: «Двое сидят в комнате. Молчат. Один говорит: «Так». Другой ничего не отвечает. Для нас, не находившихся в комнате в момент беседы, весь этот «разговор» совершенно непонятен <...> Но тем не менее эта своеобразная беседа двоих, состоящая из одного только, правда, выразительно проинтонированного слова, полна смысла <...>. Сколько бы мы ни возились с чисто словесной частью высказывания, как бы тонко мы ни определили фонетический, морфологический, семантический момент слова “так”, – мы ни на один шаг не приблизимся к пониманию целостного смысла беседы. Чего же нам не хватает? – Того «внесловесного» контекста», в котором осмысленно звучит слово «так» для слушателя. Этот внесловесный контекст высказывания складывается из трёх моментов: 1) из общего для говорящих пространственного кругозора (единство видимого – комната, окно и проч.); 2) из общего же для обоих знания и понимания положения, наконец, 3) из общей для них оценки этого положения» [Волошинов 1926: 249-250]. Только зная этот внесловесный контекст, мы можем понять смысл высказывания «так» и его интонацию. То, что говорящий (пишущий) предполагает как истинное или как известное для слушателя (читателя), называется пресуппозицией. Так, если кто-то говорит: «Ваш друг ждёт вас на улице», то очевидна пресуппозиция, что у вас есть друг и что вы знаете, какую улицу имеет в виду говорящий». Если у вас спрашивают: «Почему вы опоздали?», то пресуппозицией является сам факт вашего опоздания.

Любой участник речевого контекста может быть субъектом пресуппозиции, определяющейся в результате рефлексии над утверждениями, которые он делает, вопросов, которые он задаёт, и т. п. Решающую роль в понимании (взаимопонимании) играет наличие общего набора пресуппозиций у говорящего и слушающего, пишущего и читателя, а также способность человека к рефлексии, т. е. соотнесения нового предмета с уже известной моделью этого предмета, опознания настоящего с позиций сведений, накопленных в прошлом. Рефлексия в нашем понимании – это обращение к себе, к своему опыту, к своим знаниям, это диалог с самим собой, содержание которого сводится примерно к следующему: «Я знаю что-то, но что я знаю?». Если говорить о читателе, воспринимающем письменный текст, то он тоже постоянно в ходе чтения анализирует этот текст, особым образом воспринимает порождённые этим текстом образы, даёт им оценку, делает прогнозы их дальнейших действий. Такие действия читателя также всегда так или иначе, но основаны на рефлексии, которая, в конечном счёте, и ведёт к пониманию.

В соответствии с концепцией Ю. Н. Караулова [Караулов 1987: 38-87, 211] языковая личность представляет собой иерархическую структуру, нулевой уровень которой характеризуется лексико-грамматической системой языка, первый уровень – когнитивный, это уровень картины мира, а второй уровень – мотивационный, уровень прагматики. Нас в данном случае интересует мотивационный уровень языковой личности. Его основные единицы – это представления о цели и смысле жизни, идеи и мотивы, прецедентные тексты (т. е. значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении тексты, имеющие надличностный характер, известные широкому окружению данной личности, обращение к которым неоднократно возобновляется), композиция текста, мена точек зрения в развёртывании повествования, разговорные интонации изложения, немотивированность переходов от внутренней речи персонажей к внешней и затем к авторскому тексту, приёмы аргументации в дискурсе персонажей, формы ритуального обращения, языковые игры и т. д. Нам представляется, что все вышеупомянутые единицы прагматикона связаны с рефлексией и пресуппозицией. Так, восприятие какой-либо части текста всегда основано на рефлексии над предыдущими частями. Сама же композиция связана со временем и местом действия, т. е. с пресуппозицией. Понимание разговорных интонаций изложения также возможно только в результате рефлексии над нормативным стилем. Рефлексией является и внутренняя речь персонажей, внутренний диалог. Приёмы аргументации также связаны с рефлексией и пресуппозицией, так как сама ситуация спора всегда основана как на обращении к собеседнику, так и на обращении к самому

себе. Что касается форм ритуального общения, то их понимание без знания пресуппозиции также невозможно.

Мотивационный уровень языковой личности является не только определяющим, но и наиболее трудным для исследования, поскольку все его единицы основаны на эмоциях, языковое выражение которых изучено недостаточно. Одним из способов языкового выражения мотивационного уровня языковой личности мы считаем модальные частицы русской речи.

Во время одной научно-методической конференции между участником конференции и горничной в гостинице состоялся следующий диалог: – *О чём конференция-то?* – *Да вот, думаем, как надо учить русскому языку.* – *А-а, училки, значит.* Как мы видим, это совершенно обычный диалог. С аналогичными мы встречаемся ежедневно. Сравним этот диалог с другим, гипотетическим, который, казалось бы, по своему содержанию абсолютно идентичен первому и который также мог бы иметь место: – *Скажите, чему посвящена конференция?* – *Эта конференция на тему «Эстетическая природа художественного текста».* – *А, понятно.* В чём различия между этими диалогами? Прежде всего в том, что в первом мы действительно видим понимание собеседниками друг друга, а во втором, несмотря на «понятно», мы имеем дело с псевдопониманием, после которого дальнейшее общение вряд ли возможно. Точно такое же, дефектное, понимание произойдёт и в том случае, если первый диалог будет воспринимать иностранец, даже вполне прилично владеющий русским языком. Непонятым останется очень многое, которое, возможно, не менее важно, чем понятное. Иностранец при восприятии этого диалога просто пропускает частицы, не понимая значение этих «маленьких слов», как сами иностранные учащиеся часто их называют. Что означает частица **-то** в вопросе «О чём конференция-то?», и, вообще, можно ли в данном случае говорить о значении? Чем отличается этот вопрос от такого же, но без частицы? На этот вопрос вряд ли смогут ответить даже многие носители русского языка. Конечно, пресуппозиция «общие знания о конференции» играет в данном случае ключевую роль для понимания и вообще для того, чтобы состоялась коммуникация. Однако пресуппозиция не ограничивается только этими знаниями. У горничной есть информация, что в этом номере живёт участник конференции. Возможна также рефлексия собеседника горничной: «Гостиница новая, участники научной конференции, по всей видимости, живут здесь впервые, а значит, и работники гостиницы впервые с ними встречаются. Отсюда и их интерес». Участник конференции может также предположить, что интерес горничной вызван тем, что конференция международная, поэтому работники гостиницы получили дополнительную работу. Отсюда и повышенный интерес к тому, с чего

бы это такой переполох. Можно предположить, что использование частицы **-то** в вопросе как раз и вызвано этими мотивами, которые, если мы ходим объяснить значение **-то**, также следует прокомментировать: 1. Почему в гостинице такой переполох? Почему дают дополнительную работу? 2. Желание просто пообщаться с человеком, который отчасти причастен к этому переполоху. Наличие данных мотивов как раз и выражается использованием частицы **-то**, а то, что ответ на этот вопрос также начинается с частицы (**да вот**), означает прежде всего желание говорящего общаться на том же языке, поддержать общение, сделать свой ответ действительно понятным. Совершенно абсурдно прозвучала бы фраза «Да вот, конференция на тему “Эстетическая природа художественного текста”». Здесь рефлексия уже вполне осознанная, так как отвечающий на вопрос понимает мотивы, вызвавшие его, ищет доступную форму ответа и находит ее, что подтверждает ответная реплика «А-а, училки, значит». Если бы в ответной реплике прозвучало традиционное «понятно», то, скорее всего, в данной ситуации мы имели бы дело с псевдопониманием.

Выше мы высказали предположение, что все единицы мотивационного уровня языковой личности так или иначе связаны с пресуппозицией и рефлексией, а одним из способов языкового выражения мотивационного уровня являются модальные частицы, значение которых мы и предлагаем описывать через рефлексию и пресуппозицию. В результате описание модальной частицы **же** в нижеприведённом предложении может выглядеть примерно следующим образом: *Ты же знаешь об этом! = Я знаю, что ты об этом знаешь (рефлексия) + напоминание об общности этого знания (пресуппозиция)*. Частица **ведь**, например, в предложениях: *На самом деле ведь понятно, что вопрос стоит о контроле. Западные политики ведь зависят от общественного мнения. = Я знаю, что ты об этом знаешь (рефлексия) + другие тоже знают об этом (пресуппозиция, общность знания)*.

Анализ функционирования модальных частиц в повести Л. Н. Толстого “Хаджи-Мурат” подтвердил изначальное предположение о том, что частицы используются в основном в речи носителей русского языка, причём не аристократов, которые часто в ходе диалога переключаются с русского языка на французский. Вспомним, что в России XIX века в среде аристократов существовало своеобразное русско-французское двуязычие. Интересны те случаи, где использование той или иной частицы как бы само по себе напрашивается в том или ином высказывании: – *Ну простите его! – улыбаясь сказала Марья Васильевна. – Видите, я вам говорила.* (Звучало бы естественнее *Я же вам говорила*) – *Да вы совсем не то говорили (Да вы ведь совсем не то говорили)*. Хотя следует отметить, что в первом предложении используется части-

ца ну. Среди персонажей-чеченцев – единичные случаи употребления модальных частиц в речи (*Ламорет – горец <...> В горах-то и живут люди. Что же предложила?*). Можно предположить, что автор повести постоянно бессознательно “перенастраивался” на языковую личность того или иного персонажа. Точно так же актёр, получивший роль иностранца, первоначально чувствует себя на сцене очень скованно, иногда начинает говорить с акцентом (он тоже, как и автор художественного текста, вживается в образ). Что касается модальных частиц, то их отношение к специфически русским явлениям отчасти подтверждается тем, что они представляют большие сложности для изучающих русский язык, а перевод модальных частиц на другие языки чрезвычайно затруднён. Проведённое нами анкетирование, целью которого было выявление значения той или иной модальной частицы, используемой в контексте, взятом из повести “Хаджи-Мурат”, также ничего, кроме очередного доказательства размытости значения данных языковых единиц, не дало. Респондентам предлагалось сравнить предложения с частицей и без неё и определить их различия. Приведём некоторые из ответов.

<i>А ведь и есть – потерял... либо забыл, либо выскочила дорогой.</i>	усиление сожаления, уточнение, выражение обманутой надежды, констатация факта, выражение эмоционального отношения к тому, о чём говорится, подчёркивание уверенности, констатация факта
<i>Чего ищешь-то?</i>	смягчение вопроса, уточнение вопроса, нет никаких различий с предложением без частицы, разница есть, но незначительная, усиление интереса, сочувствие, участие, желание помочь, соучастие
<i>Чубук-то цел?</i>	в вопросе надежда, сдержанность вопроса, сожаление, подчёркнутое отношение к предмету
<i>Эка молодчина Авдеев! Прокурат малый. Ну-ка?</i>	неопределённость, «что ещё скажешь?», больше отеческой любви к собеседнику
<i>А сказывали, ротный-то опять в ящик залез.</i>	усиление утверждения, нет никаких различий с предложением без частицы, безразличие, подчёркивание значения события, усиление значения слова «ротный», фокусирование отрицательного действия одного и того же лица
<i>Я тогда деньги-то пропил, ведь это всё от скуки.</i>	сожаление, уточнение причины, виноватость, «пропил – и ладно», сожаление, но одновременно и оправдание поступка, усиление эмоциональной нагрузки
<i>– Да с чего скукаешь-то? – Я-то? Да по дому скукаю. – Что ж, богато жили?</i>	уточнение, сожаление, разница есть, но незначительная, сильное желание узнать причину, элемент душевности, конкретизация причины

<i>Ведь я охотой за брата пошёл.</i>	усиление высказывания, предложение с частицей выражает большую уверенность, подчёркивание значимости, усиление значения слова «я», подчёркивание обстоятельств, побудивших к действию, звучит более убедительно, чем без частицы
<i>Что же, сдали? – спросил Панов.</i>	смягчение вопроса, усиление интереса, досада, надежда, смягчение вопроса, более сильное выражение интереса
<i>– Сдали.</i>	

Как это нетрудно заметить, разброс ответов настолько высок, что использовать такую методику для выявления значений модальных частиц представляется весьма проблематичным. Таким образом, мы приходим к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: значения модальных частиц, являющихся, как мы уже отметили, реализацией прагматического уровня языковой личности, выявляются путём интраспекции, филологической рефлексии над мотивами персонажей (участников дискурса), а также анализа широкого контекста. В результате возможен такой подход к описанию значений частиц: – *А что, Антоныч, бывает тебе скучно? – Какая же скука? – неохотно отвечал Панов* (отрицательный ответ + обращение не только к собеседнику, но и к самому себе, **рефлексия**, воспоминание о том, почему не бывает скучно); *Что ж, сдали?* (пленных чеченцев) (**пресуппозиция**, общее знание ситуации + «смягчение» вопроса, на который в данной ситуации ответа не требуется, однако сама ситуация требует того, чтобы вопрос был задан). Именно частица **же** вносит данный оттенок значения (ср. с вопросом без **же**: *Что, сдали?*).

Рискнём сделать предположение, что модальные частицы являются реализацией одной из национальных составляющих русской языковой личности, а именно: стремлением русского человека к рефлексии, самоанализу (не случайна, по всей видимости, парадигма *ведать / ведь / совесть*) и неосознанным стремлением создать в ходе общения с собеседником некий общий фон, эмоциональные связующие нити, чем и является в данном случае пресуппозиция. Конечно, модальные частицы нельзя в данном случае рассматривать отдельно от интонационного оформления высказывания, а также от функционирования других (дискурсивных) слов.

В заключение отметим, что мы далеки от того, чтобы предложить единую классификацию значений модальных частиц, даже если она теоретически и представляется возможной. В данном случае модальные частицы нас интересуют как один из способов реализации прагматического уровня русской языковой личности, единицы которого связаны с рефлексией и пресуппозицией, а соответственно, и их описание возможно через рефлексивную и пресуппозиционную. Отметим, что такой подход

ни в коем случае не противоречит другим подходам, например, А. Н. Васильевой, А. Н. Баранова [Vasilyeva 1972], [Дискурсивные слова... 1998].

Л и т е р а т у р а

1. *Stalmer R. C. Pragmatics // Semantics of natural language. Dordrecht-Holland, 1972.*
Цит. по: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI.
2. *Волошинов В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Звезда, 1926. № 6.*
3. *Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.*
4. *Vasilyeva A. N. Particles in colloquial Russian. M., 1972.*
5. *Дискурсивные слова русского языка / Под редакцией К. Киселёвой и Д. Пайяра. М., 1998.*

Модальность комментирующих предложений

© кандидат филологических наук Н. В. Митева, 2001

Введение субъективно-модального значения в общую категорию модальности представляется важным этапом в расширении рамок грамматического анализа предложения и служит мостиком, переброшенным от предложения к тексту. Говоря о значении комментирующих предложений в обобщенном виде, то необходимо отметить, что они так или иначе характеризуют сообщаемое с позиции пишущего, выражают отношение пишущего к сообщаемому. Они являются лексическим обозначением тех отношений, оценок, которые связаны по своей семантической природе с категорией модальности. Модальность понимается, как правило, широко, как любые замечания по акту сообщения. Сюда включаются комментирующие предложения, устанавливающие связь между мыслями, приведенными в данном и предыдущим или последующими высказываниями, указывающими на то, какая часть текста выступает как уточнение, сомнение, пояснение и т.п.

The advertisement at the beginning of this chapter carries a further implication: that when you learn a language, you don't need to know any grammatical terminology. That language school's teaching, it would seem, is 'oral' approach; their students will not be spending time learning English rules by heart and then trying to turn these rule into spontaneous speech («Oh dear, how can I say anything if I can't remember my irregular verb's problem»). The hope is that, by giving the students lots of time to practice speaking, they will «pick up» the right forms of expression, and gradually develop a sense of what the rules are — without anyone formally having to tell them. (D. Crystal)

Таким образом, комментирующие предложения парентетического свойства могут включаться в семантическую и синтаксическую структуру предложения в качестве своеобразных модально-вводных членов.

В идеале письменное изложение представляется в виде плавной развертываемой цепи и комментирующие предложения являются ее неотъемлемой частью, без них содержание научного изложения обеднело бы исчезли бы второстепенные детали, подтверждающие правоту и важность основной информации, или наоборот, исчезла бы в определенной степени та модальная уверенность, когда автор убеждает в своей точке зрения, или, наоборот, некоторая неуверенность, дающая возмож-

ность читающему делать свои выводы. Основная цель комментирующих предложений — сделать текст доступным и ясным для читателя. Как показывает материал исследования употребление комментирующих предложений неразрывно связано с выражением различных оттенков отношения автора научного изложения к тому, о чем пишется, к самому высказыванию. Именно наличие в предложении комментирующего предложения переводит его в иной модальный «план».

Одна из основных модальных функций, которая реализуется во всех случаях употребления данных синтаксических единиц, заключается в снижении категоричности высказывания. Осуществлению этой функции способствует логическое противопоставление содержания комментирующего предложения содержанию основной, коммуникативно более важной части сообщения, по отношению к которой она обычно является комментарием.

*Dr. A. Bernays, who was professor of German language in King's College, London, and, was, **I believe**, more successful in the combination of language and literature than is always the case, began to publish his helps for the study of German about 1830.* (H. Sweet)

Как мы можем увидеть из этих примеров, такие комментирующие предложения не информируют нас о том, что думает или предполагает автор, они лишь смягчают категоричность написанного, показывают стремление автора уклониться от прямых объективных положений.

Другая модальная функция реализуется при использовании комментирующих предложений для создания впечатления непринужденности, естественности хода формирования мысли, который обычно сопровождается возникновением различных ассоциаций.

*The English language has suffered badly at the hands of the grammarians over the centuries. Many people have left school with the impression that English grammar is dull, boring and pointless subject — simply because it was presented to them in a dull, boring and pointless way. They may even say that they don't know any grammar, or **as already noted**, that don't know the correct grammar. They feel insecure and defensive. Something is wrong when this is happen.* (D. Crystal)

При анализе специфики использования комментирующих предложений можно отметить, что комментирующая часть, как правило, вносит информацию, возникшую в сознании пишущего не заранее, а уже по ходу написания. Именно в силу этого содержание комментирующих предложений не оказывает существенного влияния на развитие

основной мысли, не меняет ее направление, хотя и прерывает ее плавное течение.

Кроме того, комментирующие предложения обычно вносят сведения, уже известные из предыдущего изложения, необходимые для того, чтобы вызвать в памяти читающего соответствующую ассоциацию и таким образом четко обозначить коммуникативную цель.

Чешские перформативные глаголы в побудительном высказывании¹

© кандидат филологических наук А. И. Изотов, 2001

Перформативными принято называть глаголы, для которых возможно «такое употребление формы первого лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива, которое равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом действия» [Апресян 1995. Т. II: 199].

Вслед за создателем термина «перформатив» Дж. Л. Остином мы различаем *эксплицитные* перформативные высказывания типа *Я прошу вас дать мне воды!* и функционально эквивалентные им *имплицитные* (скрытые) перформативные высказывания типа *Воды!*². Удачной представляется концепция Й. Крекича, относящего к эксплицитным побудительным перформативам (включая косвенно-эксплицитные) побудительные высказывания, содержащие перформативный глагол в той или иной форме либо его производное [Крекич 1993: 10-11].

Как показывает материал, и в чешском, и русском речепотреблении наиболее узуальными являются эксплицитные побудительные высказывания, образованные по моделям, в которых отчетливо выделяется «модусная» часть, содержащая форму 1 л. ед. ч. индикатива настоящего времени перформативного глагола (*Прошу садиться*), и «диктумная» часть, содержащая инфинитив (*Прошу садиться*), либо придаточное предложение (*Я требую, чтоб улыбнулся ты*), либо существительное (прежде всего отглагольное существительное со значением действия — *Прошу прощения*)³. При этом употребительность той или иной модели в сопоставляемых языках будет неодинаковой: в то время как в чешском наиболее употребительной моделью является модель с оформленным

¹ Автор выражает признательность сотрудникам Института Чешского национального корпуса при философском факультете Карлова университета в Праге за любезно предоставленную возможность пользоваться собранным ими и хранящимся в компьютерном виде фактическим материалом, прежде всего подкорпусом SYN2000 (около 100 млн. словоформ, представляющих основные функциональные стили современного чешского литературного языка), см. <http://ucnk.ff.cuni.cz/>

² Ср.: «Любое высказывание, являющееся в действительности перформативным, должно обладать свойством раскладываться или раскрываться в такой форме, которая содержит глагол в первом лице единственного числа настоящего времени действительного грамматического залога изъявительного наклонения. <...> Поэтому «С поля» эквивалентно «Я объявляю, провозглашаю, выставляю или выкликаю вас с поля». <...> «Вас предупреждают, что бык опасен», эквивалентно высказыванию «Я, Джон Джонс, предупреждаю вас, что бык опасен» или «Этот бык опасен. Джон Джонс (подпись)» [Остин 1986: 62-63].

³ Если «диктум» очевиден из ситуации и контекста, он может редуцироваться до местоимения или даже до нуля, ср. чешск. *To neradím* и русск. *Не советую, гражданин, не советую*.

кондиционалом придаточным предложением в «диктумной» части перформативного высказывания, для русского речеупотребления более узальной является модель с инфинитивом, ср. [Изотов 2000].

В обоих сопоставляемых языках в составе названных моделей способно употребляться абсолютное большинство побудительных перформативных глаголов.

Так, в соответствии с обследованным материалом и по свидетельству опроса информантов, в современном чешском речеупотреблении в составе названных моделей теоретически допустимыми являются следующие глаголы: *doporučovat* 'рекомендовать, советовать'; *dovolovat* 'позволять, разрешать'; *nabádat* 'побуждать, призывать'; *nabízet* 'предлагать'; *napomínat* 'делать замечание'; *nařizovat* 'предписывать, приказывать, давать распоряжение'; *navrhovat* 'предлагать'; *obsílat* 'вызывать'; *odporučovat* 'не рекомендовать'; *robízet* 'побуждать, понукать'; *poroučet* 'приказывать, командовать, распоряжаться'; *rověřovat* 'уполномочивать'; *prosit* 'просить'; *přikazovat* 'приказывать, распоряжаться'; *přimlouvat se* 'ходатайствовать'; *radit* 'советовать'; *rozkazovat* 'приказывать, велесть'; *schvalovat* 'одобрять, соглашаться, утверждать'; *ukládat* 'поручать'; *upozorňovat* 'предупреждать, предупреждать'; *varovat* 'предостерегать, предупреждать'; *velet* 'командовать'; *vybízet* 'предлагать'; *vyptávat si* 'выпрашивать, испрашивать'; *vyzývat* 'вызывать, призывать, приглашать, требовать'; *zakazovat* 'запрещать, воспрещать'; *zapovídat* 'запрещать, воспрещать'; *zapřísahat* 'заклинать, умолять'; *žádat* 'просить, требовать', ср. предлагаемую таблицу, в которой знаком '+' отмечены глаголы, уверенно называемые всеми информантами в качестве возможных, знаком '-' — в качестве невозможных, знаком '+/-' — глаголы, в употребительности которых информант не уверен, либо глаголы, по поводу которого мнения разных информантов разделились; информантам предлагались глаголы, перформативные конструкции с которыми были нами встречены в обследованных текстах XIX-XX вв.; серым выделены глаголы, рассматриваемые модели с которыми были нами обнаружены в электронном «Чешском национальном корпусе»:

перформативный глагол	Модель с кондиционалом	Модель с инфинитивом	Модель с существительным
<i>doporučovat</i>	+	+	+
<i>dovolovat</i>	+	+	+
<i>nabádat</i>	-	+/-	-
<i>nabízet</i>	+/-	+/-	+/-
<i>napomínat</i>	-	-	-
<i>nařizovat</i>	+	+	+/-
<i>navrhovat</i>	+	+	+/-
<i>obsílat</i>	-	-	-
<i>odporučovat</i>	-	-	-

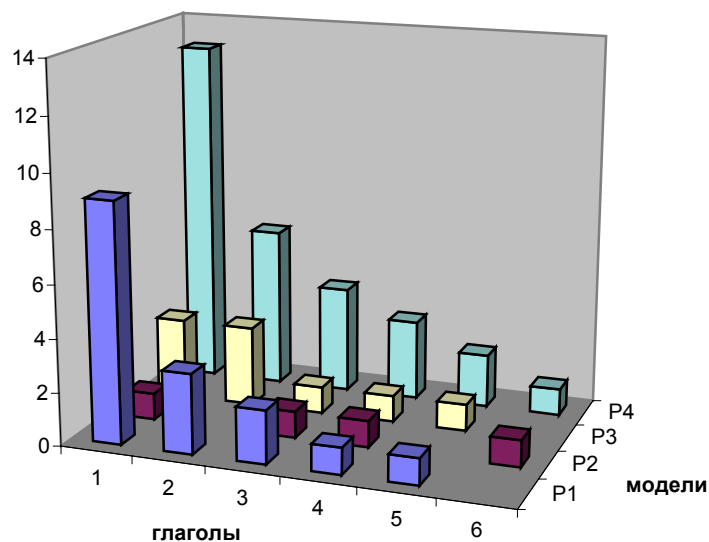
pobízet	-	+/-	-
poroučet	+	+	-
prosit	+	+	+
přikazovat	+	+	-
přimlouvav se	+	-	+
radit	+	+	-
rozkazovat	+	+	-
schvalovat	+	+/-	+
ukládat	+/-	+	+/-
upozorňovat	-	-	-
varovat	-/+	+	+
velet	+/-	+/-	-
volat	-	-	+/-
vybízet	+/-	+/-	+
vyprošovat si	+	+/-	+
vyzývat	+	+	+
zakazovat	+	+	+
zaklínat	+/-	-	-
zapovídat	+/-	+	+
zapřísahat	+/-	+	-
žádat	+	+	+

Примечание к таблице: Таким образом, по мнению современных носителей чешского языка, в составе названных перформативных конструкций уже не могут быть использованы формы глаголов *napomínat*, *obsílat*, *odporučovat*, *upozorňovat*, использовавшиеся в их составе в художественных текстах XIX-начала XX вв., ср.: *Jednou, dvakrát, do třikrát napomínám vás, kdo jste se provinil, abyste mi to vyznali!* (Z. Winter. Mistr Kampanus); [герольд на рыночной площади:] *My Karel, z Boží milosti kníže vladař domu Lichtenštejnského, <...> obsíláme vás, Hendrychu Matese hrabě z Thurmu, Bohuchvale Berko, Václave z Roupova, Joachime hrabě Šliku, <...> Obsíláme vás, abyste v šesti nedělích osobně před námi zde v Praze se postavili a toho, co vám procesem právním za příčinou vašich zpronevěřilých rebelských, nad ctí a přísahou zapomenulých spáchaných skutků vyměřeno bude, doslychali!* (Z. Winter. Mistr Kampanus); *Ponevadž pan Brouček ve svém kritickém postavení nemohl se věnovati zevrubnému bádání archeologickému a leccos asi přehlédl nebo nesprávně si zapamatoval, odporučuji citovanou knihu všem, kdož by hledali obsírnějšího poučení o staročeském bytu a jeho zařízení.* (S. Čech. Nový epochální výlet pana Broučka...); *Upozorňuji vás ještě jednou, abyste se přiznal.* (J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka).

Однако и потенциально возможные формы в современных художественных текстах встречаются отнюдь не регулярно. Так, в массиве подвергнутого нами сплошной выборке чешского материала (около 5 тысяч побудительных высказываний, эксцерпированных из произве-

дений современных чешских авторов) в составе рассматриваемых конструкций нам встретились формы всего лишь шести из тридцати названных выше перформативных глаголов (*prosit; žádat; navrhovat; doporučovat; radit; zakazovat*), относительная употребительность которых иллюстрируется следующей диаграммой:

Частотность чешских перформативных глаголов в составе базовых перформативных моделей

Модели:

- Ряд P1 — модель с кондиционалом.
- Ряд P2 — модель с инфинитивом.
- Ряд P3 — модель с существительным.
- Ряд P4 — общее число по всем трем моделям

Глаголы:

- 1) *prosit*; 2) *žadat*; 3) *navrhovat*; 4) *doporučovat*; 5) *radit*; 6) *zakazovat*

В чешском языке, в отличие от русского, в составе побудительных эксплицитных перформативных высказываний с кондиционалом возможно употребление глагола речи *povídat*, ср.:

Povídám, abyste odnesl ty kufry do pokoje (film Dobrý voják Švejk) ‘Отнесите эти чемоданы в комнаты, говорят вам! [букв. *Я говорю, чтобы вы отнесли...]’

В русском языке конструкции типа *говорю тебе/вам* возможны лишь в качестве эмфатического «приложения» к высказыванию, ср. *Говорю тебе, садись! Садись, говорю тебе!* Как полагает Ю. Д. Апресян, вопреки распространенному мнению не относящий русский глагол *говорить* к перформативным, такие повторные эмфатические высказывания могут претендовать разве что «на полуперформативный статус» [Апресян 1995. Т. II: 210].

Лидирующий по употребительности среди чешских перформативных глаголов глагол *prosít* (в электронном «Чешском национальном корпусе» примеры с этим глаголом составляют около трети от общего числа примеров на «базовые» модели) способен употребляться также и в составе побудительных эксплицитных перформативных высказываний, «диктумная» часть которых оформлена в виде придаточного предложения с союзом *zda*, ср.:

Proto Vás prosím, zda byste mohli potvrdit psaní velkých písmen v následujících názvech ulic: ... (Český národní korpus <doc S\SCI\199g\naserec><s 003-p3s3>) ‘И поэтому я вас прошу подтвердить [букв. прошу, не могли бы вы подтвердить] правильность написания заглавных букв в следующих названиях улиц: ...’

В обоих сопоставляемых языках некоторые глаголы способны образовывать эксплицитные перформативные побудительные высказывания, «диктумная» часть которых оформлена в виде придаточного предложения, присоединенного к «модусной» части с помощью изъяснительного союза, а именно чешского союза *že* и русского союза *что*. Речь идет о чешских глаголах *nabízet, upozorňovat, varovat* и русском глаголе *предупреждать*, ср.:

Nabízím tě, že tě tam doprovodím (пример из [Mluvnice češtiny 1987: 325]) ‘Я могу тебя туда проводить’ [букв. *Я предлагаю тебе, что я тебя туда провожу]

Půjdete rovnou tam. Kdybyste si to náhodou rozmyslela a chtěla návštěvu, kterou jsem vám doporučil, odložit, upozorňuji vás, že vás mohu dát předvolat. (V. Erben. Bláznova smrt) ‘Вы пойдете прямо туда. Если вы вдруг передумаете и захотите отложить это рекомендуемое мной посещение, предупреждаю, что я могу вызвать вас повесткой’.

И в чешском, и в русском возможны своего рода эллиптические варианты данных эксплицитных перформативных высказываний с пропуском союза, ср.:

<i>Já tě varuji, — už zase křičel Karel, — [že] já už takhle nemůžu dál. Když odtud nepůjdeš se mnou, půjdu sám. (J. Procházka. Vrah se skrývá v poli)</i>	<i>«Я предупреждаю тебя, — снова кричал Карел, — [что] я дальше так не могу. Если ты не поедешь со мной, я уеду один»⁴.</i>
--	--

Особенностью высказываний данного типа, отличающей их от высказываний с кондиционалом / сослагательным наклонением, является то обстоятельство, что каузируемое действие не *эксплицируется* «диктумом», а *имплицуруется* им. Так, в случае с предложением «подвезти собеседника куда-либо» имплицуруются некоторые его действия, связанные принятием предлагаемой услуги (при этом очевидно, что речь не идет о «просьбе о разрешении», поскольку подобный речевой акт не маркирован по соответствующим признакам). В случае же с *предостережением* имплицуруются некоторые действия, невыполнение которых собеседником приведут к эксплицируемым «диктумом» неблагоприятным для собеседника последствиям⁴.

Кроме того, очевидно, что речь идет о гибридных речевых актах, совмещающих в себе признаки директивов и комиссивов — одним и тем же речевым актом говорящий не только побуждает собеседника к некоторому действию, но и берет на себя некоторые обязательства.

В обоих сопоставляемых языках представлены глаголы, способные образовывать побудительные эксплицитные перформативные высказывания, «модусная» часть которых содержит в себе (полностью или частично) и «диктумное» значение. Речь идет о чешских глаголах *omlouvát se, zvat, volat* и лексически соотносительных с ними русских глаголах *извиняться, призывать, вызывать, звать*.

Наиболее характерными в этом плане являются конструкции с чешским возвратным глаголом *omlouvát se* и русским возвратным глаголом *извиняться*. Выражая *извинение* — социально значимый подтип *просьбы*, эксплицитные перформативные конструкции типа чешск. *omlouvám se* и русск. типа *я извиняюсь* явно соотносятся с рассмотренными выше эксплицитными перформативными моделями типа чешск. *prosím, abyste mě omluvil; prosím za odpuštění / prominutí* и русск. *прошу меня простить / извинить; прошу прощения / извинения*. При этом стилистическая значимость подобных конструкций в сопоставляемых языках неравная.

⁴ Естественно, что высказывание данного типа, имплицурующее некоторое действие собеседника, может дублировать экспликацию этого же действия предыдущим высказыванием либо дублироваться его экспликацией высказыванием последующим, что и происходит в приведенных примерах.

В русском речепотреблении конструкции с формой *извиняюсь* характерны, как правило, для стилистически сниженного способа выражения, ср.: «Пardon! — отозвался Фагот. — Я **извиняюсь**, здесь разоблачать нечего, все ясно!» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Перенос данного перформатива из стилистически сниженной сферы речепотребления возможен с помощью распространения его зависимыми словами, ср.: Прошу прощения, Александр Иванович, я вас так обеспокоил. Еще раз **решительно извиняюсь** и немедленно вас покидаю. (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

В то же время в речепотреблении чешском подобные конструкции стилистически нейтральны, ср. некоторые примеры из романов В. Эрбена, которые нельзя стилистически адекватно перевести на русский язык «буквально», т. е. конструкцией *извиняюсь* (говорящий — рафинированный молодой человек, выражающийся, как правило, подчеркнуто литературно):

Omlouvám se, že volám příliš pozdě.

„**Omlouvám se**,“ řekl Exner, „a nerad bych vás dlouho zdržoval.“

Omlouvám se vám, že jsem obtěžoval...

Omlouvám se. Velmi spěchám.

Omlouvám se. Na shledanou.

‘Простите, что звоню так поздно.’

‘«Я приношу свои извинения, — сказал Экнер, — и не буду вас долго задерживать».’

‘Простите, что занял ваше время...’

‘Извините, я очень спешу.’

‘Приношу свои извинения. До свидания.’

Прочие глаголы данной группы (чешские глаголы *zvat, volat* и русские глаголы *призывать, вызывать, звать*) используются в составе побудительных эксплицитных перформативных конструкций довольно редко и характерны практически исключительно для подчеркнуто официального общения, ср.:

„Ve jménu krále,“ opakoval vůdce, „**zvu** tebe, Jene ze Smojna, před soud nejjasnějšího císaře a krále!“ (P. Chocholoušek. Jan Pancéř)

Občané a občanky, drazí přátelé!
Volám vás všechny k bdělosti a pohotovosti! (J. Procházka. Hon na lišku)

‘«Именем короля, — повторил предводитель, — я **зову** / **вызываю** тебя, Ян из Смойна, на суд всемилостивейшего [букв. светлейшего] императора и короля!»’

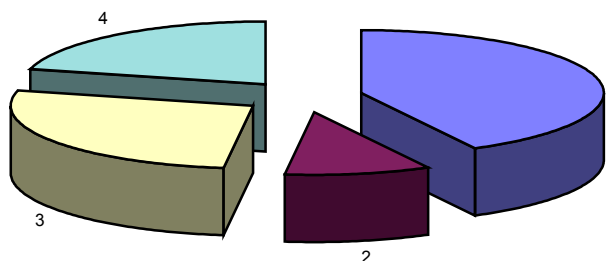
‘Граждане, дорогие друзья! Я **призываю** вас всех к бдительности и готовности!’

В рассмотренных выше высказываниях «диктумное» значение проникло в «модусную» часть эксплицитного перформативного высказывания. Однако в обоих сопоставляемых языках возможно и альтернативное перераспределение «диктумного» и «модусного» значений. Речь

идет о довольно распространенных и традиционно рассматриваемых в общей массе эксплицитных перформативных высказываний случаях, когда перформативный предикат выступает в роли своего рода комментария к побуждению, выраженному обычной императивной конструкцией или как-либо иначе, ср. чешск. *Ale sama za ním nechod'te, radím vám dobře* и русск. *Примите меры, доктор, умоляю!*

В электронном «Чешском национальном корпусе» в составе подобных конструкций нами были обнаружены следующие глаголы (перечисляются по мере убывания частотности): *prosit, zapřísahat, radit, varovat, nařizovat, navrhnout, poroučet, žádat, vyzývat, vyprošovat, zaklinat, vybízet, nabízet, napomínat*. Следует отметить, что относительная употребительность подобных конструкций (даже без учета высказываний, содержащих форму *prosím*) довольно высока и сопоставима с употребительностью «базовых» эксплицитных перформативных моделей, ср. предлагаемую ниже диаграмму, иллюстрирующую относительную употребительность высказываний с «комментирующим» перформативом и высказываний, построенных по «базовым» эксплицитным перформативным моделям в электронном «Чешском национальном корпусе»:

Эксплицитные перформативы в электронном Чешском национальном корпусе

Примечания к диаграмме: 1 — примеры базовых эксплицитных перформативных конструкций с кондиционалом, 2 — с инфинитивом, 3 — с существительным, 4 — примеры с «комментирующим» перформативом.

Диаграмма построена без учета высказываний с глаголами *prosit* и *nabízet*, так как представленное в «Корпусе...» число примеров с любым

из них многократно превышает общее число примеров со всеми прочими перформативными глаголами. Высокая частотность примеров с глаголом *nabízet* обусловлена обилием газетных объявлений типа *Nabízím služby 'Предлагаю услуги'* («Корпус...» содержит, помимо всего прочего, материал электронных версий чешских газет и журналов за истекшее десятилетие), что же касается изобилия примеров с глаголом *prosít*, то оно объясняется способностью формы *prosím* десемантизироваться и функционировать в качестве формального экспликатора вежливости (аналогично русскому *пожалуйста*). Более того, процессы делексикализации и деграмматикализации⁵ часто приводят к тому, что словоформа *prosím* превращается в полифункциональную частицу с широчайшим спектром ситуаций ее употребления, ср. идущие подряд примеры из романа М. Капека *A je to gól! Prosím tě, pojd' sem!* (s. 8) 'Пожалуйста, подойди сюда!', *Prosím tě, kde?* (s. 10) 'Боже мой, где?', *Ano, prosím, taky tady tu stavbu vedle vás* (s. 11) 'Да-да, и эту стройку рядом с вами', *My, prosím, v žádném případě nejdem z kopce.* 'У нас, знаете ли, в любом случае всё в порядке'.

О десемантизации и деграмматикализации можно говорить в случае абсолютного большинства примеров со словоформой *prosím*, содержащихся в «Корпусе...». Так, в 29% примеров эта словоформа выступает в качестве показателя формальной вежливости, а еще в 66% случаев — в качестве полифункциональной частицы.

Литература

- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. I. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. 2-е изд. 472 с.; Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
- Изотов А. И.* Об иллокутивно специализированном побуждении в современных чешском и русском языках // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2000. Вып. 15. С. 62-70.
- Крекич Й.* Побудительные перформативные высказывания. Szeged: Jgytf Kiadó, 1993. 241 с.
- Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 22-130.
- Широкова А. Г.* Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 10-99.
- Широкова А. Г.* Декатегоризация и делексикализация как один из источников образования новых форм и частей речи // *Slavia, Ročník 68.* Praha, 1999. S. 107-113.

⁵ Процессы декатегоризации и делексикализации словоформы *prosím* анализируются в [Широкова 1998: 60-62], [Широкова 1999].

Vobík, manažer, džípař...или Со je nového? (заметки на полях чешского словаря неологизмов)

© кандидат филологических наук В. В. Белоусова, 2001

Конец XX века стал временем глобальных перемен в обществе. А как известно, именно в периоды политических, экономических и социальных потрясений происходит «убыстрение темпа языковой жизни». Ежедневно сталкиваясь с новшествами и изменениями в речи, мы порой не успеваем даже осознать их, а просто «берём на вооружение» и используем ...если, конечно, понимаем, что они означают. Бывает ведь, что даже смысл произнесённого на родном языке слова не всегда ясен, не говоря уж о «модной» лексике языка иностранного! А бывает и наоборот, иностранное слово воспринимается лучше, чем его перевод. Как правило, это происходит, если слова приходят вместе с реалиями «другой» жизни. Вот почему во многих языках сейчас так распространены заимствования из английского.

Общественная потребность реагировать на новую действительность может реализоваться в разных языках более или менее похожим образом. «Возвращающаяся в Европу»¹ Чехия и открывающаяся миру Россия становятся особенно восприимчивыми ко всему, что связано с основными ценностями западного образа жизни, как то: бизнес, политика, телекоммуникации, интернет, спорт, музыка, кино, видео...

Из 4600 лексем чешского «Словаря неологизмов»² около 1500 (включая компьютерную лексику) — заимствования из английского языка. Мы не ставим перед собой задачу дать им полную формальную, семантическую и функционально-стилистическую характеристику, а хотим поделиться некоторыми наблюдениями, возникшими у носителя русского языка при знакомстве с этим словарём.

Начнём с цитаты: «Obchodní, počítačová čeština se dnes anglicizuje...»³. Действительно, слова *broker* (брокер), *dealer* (дилер), *monitoring* (мониторинг), *management* (менеджмент), *rating* (рейтинг), *mail* (e-mail), *demoverze* (демо-версия) стали привычными, но «англизируется» не только коммерческая или компьютерная лексика: *hamburger* (гамбургер), *image* (имидж), *charter* (чартер), *digest* (дайджест), *bestseller* (бестселлер), *jogging* (джоггинг) тоже не вызывают затруднений ни в произношении, ни в написании⁴.

¹ Návrat do Evropy (o postkomunistických zemích střední a východní Evropy) – začlenění mezi evropské demokratické státy.

² „Nová slova v češtině. Slovník neologizmů“. Praha, 1998. (далее SN).,

³ Anglizovat se – podléhat vlivu angličtiny (подвергаться влиянию английского языка)[SN,29]

⁴ Чешский язык в этом случае сохраняет оригинальное написание.

Гораздо больший интерес представляют для нас английские слова, по-разному адаптированные к чешскому и русскому языку.

Кто такие *bobík* и *džípař*? Почему человек, занимающийся *management* 'ом называется *manažer*? Что такое *čenzírna*? Чем *reket* отличается от *racketeering*'а? Подобные вопросы обязательно возникнут при внимательном чтении словаря. И, прежде чем смотреть толкование слова, „проницательный читатель“ может попытаться сам разобраться в особенностях роčešťování⁵ английских слов⁶, а мы приведем примеры словоупотребления:

Proti neukázněným fanouškům zasáhli *bobíci*.
Zpěvák měl u sebe osobního *bobíka*.
Při oslavě osvobození jeli v průvodu i *džípaři*.
Na ulici se to hemží *čenzírnami*.
Máme opravdu i u nás tuto rusko-americkou „vymoženost“ – *reket*?
Zdemolování prodejny může souviset s *racketeeringem*.

Если новое слово оформляется по схеме «английская основа + чешский суффикс», то в некоторых случаях определить его значение можно, исходя из значений каждого компонента схемы. Так, чешский суффикс *-ista* используется для «названия лица по роду деятельности, по принадлежности к общественному течению, направлению...». Ср.:

*bestsellerista*⁷ – do Prahy přijel známý bestsellerista A. Hailey [SN,41]
*hifista*⁸ – sestava by uspokojila jen nenáročné uživatele, nikoli však hifisty [SN,103]
*know-howista*⁹ — know-howisté všeho [SN,129]
*internetista*¹⁰ – internetista nemusí ani opustit židli u svého počítače, aby poznával jiné lidi [SN,117].

Однако, ориентируясь на значение форманта – *ák*¹¹ – «название лица по роду занятия, по профессии»: *interneták* (*интернетчик*), *feťák* (*наркоман*), *homelessák* (*бомж*), *grínpisák*¹² (*гринписовец*) — догадаться о том, что *multák* — это *мультивитамины*, можно не сразу.

⁵ Роčešťování – чехизация [ČRS, 44]

⁶ *Bobík* – z angl. Bobby – policista, osobní strážce [SN, 47].

Džípař – majitel nebo řidič džípu [SN, 75].

Reket/racketeering – (organizované) vydírání podnikatelů [SN, 239, 245].

Čenzírna – směnárna [SN, 57].

⁷ Автор бестселлеров.

⁸ Тот, кто использует аудиоаппаратуру высокого класса.

⁹ Человек, знающий ответ на любой вопрос.

¹⁰ «Продвинутый» пользователь Интернета.

¹¹ В современном чешском языке этот суффикс особенно продуктивен при образовании экспрессивной лексики.

¹² В такой форме это слово используется как стилистически маркированное, экспрессивное: *jsem založením grínpisák* [SN, 100]. В нейтральном контексте английская

Существование двух вариантов написания одного и того же слова объясняется в словаре по-разному:

а) экспрессивной окраской искажённого английского

Ср.: *yuppie*¹³ — *jařík* (*янти*)

Yuppies jako společenský jev se vynořili zhruba v době, kde mizí ze scény hippies // Českému jaříkovi do amerického yuppie něco chybí – často při nejmenším vyčištěné boty [SN, 120]¹⁴

б) параллельностью употребления

Ср.: *brífink*, *briefing* (брифинг)

Prezident seznámil na brífinku novináře s návrhy, které hodlá předložit parlamentu [SN, 49]¹⁵

Ср. *toaster*, *toustovač*

Nabídka *toasterů* a *kávovarů*; pořídít si *toustovač* [SN, 305]¹⁶

в) стилистической маркированностью

Ср.: *solárium* — *solárko*

В медицинских текстах (профессиональный стиль) используется только *solárium* как название прибора, служащего для получения ультрафиолетового и инфракрасного излучения, в то время как в обиходно-разговорной речи обычной формой является *solárko*: „Opalujeme-li se v soláriu, neměly by být na pleť nanášeny ochranné prostředky“ // „obden chodit do solárka“ [SN, 277]¹⁷.

Помимо использования разных вариантов написания, чешскому языку свойственно параллельное употребление заимствованного английского и «родного» слова. Как правило, выбор определяется несколькими моментами: стилистической принадлежностью высказывания, модой на иностранные слова, *prostředím*¹⁸.

основа не искажается: *ochranáři* a *greenpeaceové* protestovali proti *dostavbě* *jaderné* *elektrárny* [SN, 100].

¹³ В английском языке – сокращение от *Young Urban Professional* – *mladý ambiciózní muž* *usilující o profesionální kariéru*, *upozorňující na sebe uniformovaným oblékáním*, *životním stylem* ap. [SN, 338].

¹⁴ В русском переводе и в одном, и в другом контексте останется слово «яппи»: «Как только с общественной сцены исчезли хиппи, возникло новое явление – яппи» // «Чешским яппи далеко до американских – часто им не хватает, по крайней мере, начищенных ботинок».

¹⁵ На брифинге президент ознакомил журналистов с предложениями, которые он собирается вынести на обсуждение парламента.

¹⁶ Предлагаются (имеются в продаже) тостеры и кофеварки; приобрести тостер.

¹⁷ «При использовании солярия не следует наносить на кожу средства, защищающие от загара» // «через день ходить в солярий».

¹⁸ *Prostředí* – окружение, обстановка. В словаре неоднократно встречается помета „v českém prostředí se užívá běžnější výraz...“ (в чешской языковой среде чаще используется выражение...).

Сегодня в рекламных текстах туристических агентств предпочтение отдаётся «международной» лексике и на месте привычных „*permanentka*“¹⁹, „*bus*“ мы видим:

Ski pass platí čtyři nebo šest dní a je nepřenosný.

Doprava *skibusem* z města přímo k lanovce.

В спортивной среде степпер²⁰ называют в официальной обстановке — *stepper*²¹, а в неофициальной — *schody, šlapadlo*.

Обычные для специалистов в области телекоммуникаций и вычислительной техники *pagery (нейджеры)*²² в разговорном языке чаще называются *pírátko*²³. И подобных примеров немало.

Среди заимствований в чешском языке в отдельную группу можно объединить слова, связанные с именами собственными. Но если в одних случаях эта связь очевидна:

Obohatit *guinnessovské*²⁴ statistiky

V *orwellovském*²⁵ slovníku je ozbrojená intrvence bratrskou pomocí

Filmový svět očekává, jak dopadne kvapem se blížící *oscariáda*²⁶,

то в других имя постепенно приобретает нарицательное значение:

Symbolem naší kapely jsou *lennonky*²⁷ a trička.

Televize uvedla několik *bondovek*²⁸ za sebou.

Když jsem se hlásil na vojenskou akademii, představoval jsem si, že ze mě bude *rambo*²⁹.

Как следует из приведённых выше примеров, англоязычные заимствования в чешском языке ведут себя по-разному, и в рамках небольшой работы сложно рассмотреть все особенности их адаптации. Тем не менее, невозможно обойтись без сопоставления двух близкородственных славянских языков (чешского и русского), а потому — ещё два замечания:

¹⁹ Průkazka, opravňující lyžaře k užívání vleků a lanovek v určitém zimním středisku (билет на подъёмник на горнолыжной базе).

²⁰ Snář, имитирующий ходьбу по лестнице, служащий для поддержания физической кондиции.

²¹ V nabídce se objevily tři nové steppery [SN, 284].

²² Laptop vybavený pagerem; mobilní telefony jsou doplňovány pagery [SN, 198].

²³ Pípat – писать.

²⁴ Guinnessovský – vztahující se ke Guinnessově knize rekordů [SN, 100].

²⁵ Orwellovský – jsoucí v duchu díla anglického spisovatele G. Orwella [SN, 195].

²⁶ Oscariáda – události týkající se předávání filmových cen Oscarů, udílených americkou filmovou akademií [SN, 194].

²⁷ Lennonky – brýle s menšími kulatými skly v tenkých obroučkách. Název vznikl podle druhu brýlí, které nosil člen skupiny Beatles John Lennon [SN, 142].

²⁸ Bondovka – film s hlavní postavou agentem 007 Jamesem Bondem, obdobný dobrodružný, obvykle špionážní film [SN, 48].

²⁹ Rambo – neohrožený silák, mstitel. Z vlastního jména filmové postavy Rambo [SN, 241].

В чешском языке существуют заимствования из английского, которых нет в русском языке (или отсутствуют реалии, ими обозначаемые, или используются слова не английского происхождения): *Gofry* – вафли с шоколадом, взбитыми сливками³⁰; *Goodwill* – репутация³¹; *Fanzin* – журнал для „фанатов“³²; *Peplemetr* – техническая система, используемая для подсчёта рейтинга популярности телевизионного канала³³

Ряд слов, служащих для обозначения одних и тех же реалий, используются в чешском языке в английском варианте, а в русском – имеют перевод: *Bomber* – куртка -, пилот“³⁴; *Off-road* – внедорожник³⁵; *Handout* – конспект, раздаточный материал³⁶; *Bungee jumping* – „тарзанка“ (разновидность устройства для прыжков с высоты)³⁷

Возможен, правда, и такой вариант, при котором одно и то же слово обозначает совершенно разные понятия³⁸...

Использованный в этой статье материал даёт только общее представление об особенностях адаптации англоязычных заимствований в современном чешском языке, намечая возможные пути более глубокого и полного анализа чешских неологизмов на фоне русского языка.

Литература

- Martincová O., Mejstřík V.* Nová slova v češtině. Slovník neologizmů. Praha, 1998.
Mullerová O., Hoffmannová J. Mluvená čeština v autentických textech. Praha, 1992.
Savický N., Šišková R. Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů. Praha, 1999.
Sadlíková M., Savický N. Ke konfrontačnímu studiu dynamiky slovní zásoby // Československá Rusistika 33, 1988. Č. 2.

³⁰ Kopil si gofry se šleháčkou [SN, 98].

³¹ Budovat goodwill firmy [SN, 98].

³² Vydávat fanzin pro fanoušky metalu [SN, 87].

³³ Šokující výsledky měření sledovanosti pomocí peplemetrů [SN, 205].

³⁴ Skupina mladíků v bombrech [SN, 48].

³⁵ Obliba terénních vozidel neboli off-roadů u nás vzrůstá [SN, 192].

³⁶ Rozdat posluchačům handouty [SN, 101].

³⁷ Klub bungee jumping [SN, 50].

³⁸ Например, в русском языке bubble gum – это жевательная резинка, а в чешском – povrchní komerční populární hudba [SN, 50] т.е. «попса».

**Проблемы сопоставления
внутренней формы фразеологизмов
(на примере соматических фразеологических единиц,
образованных на основе слова «глаз»
в русском и корейском языках)**

© Чой Юн Хи (Республика Корея), 2001

В настоящее время фразеология современного русского языка как наука обогатилась множеством научных исследований. Направления же исследований с течением времени суживаются, и от широко поставленных проблем намечается переход к более углубленному и узкому изучению.

Данная статья посвящена проблемам, связанным с сопоставительной фразеологией, конкретно – с сопоставлением соматических фразеологизмов, образованных на основе компонента “глаз” в русском и корейском языках.

В последние годы усилился интерес к фразеологии, содержащей в своем составе имена существительные с исходным значением частей тела человека или животного. Продолжает оставаться актуальной и проблема системного и функционального подходов к изучению выразительных средств.

Соматизмы (от др. греч. –soma – “тело”) – имена существительные с исходным значением частей тела человека или животного. Под соматическими фразеологизмами понимаются фразеологические единицы (ФЕ), составными компонентами которых являются слова – наименования частей человеческого тела, тела животных.

Соматическая фразеология (СФ) составляет значительный пласт фразеологического состава языка. В русском языке она составляет около 25 % всей фразеологии. Такое же соотношение наблюдается и в других языках. Следует подчеркнуть, что в любом языке можно без сомнения утверждать, что соматическая фразеология – одна из языковых универсалий.

Удельный вес соматических фразеологизмов во фразеологическом составе языка объясняется прежде всего тем, что слова, называющие части тела, относятся к древнейшему пласту лексики языка. Они характеризуются устойчивостью, большой частотностью употребления и разветвленностью семантической структуры.

Соматические фразеологизмы возникают спонтанно, независимо друг от друга в разные периоды и в разных языках, так как имеют об-

щую основу в наблюдении человеком самого себя, частей своего тела, в общих физических и психических признаках человека, в общих условиях развития, в наблюдении жизни и поведения животных, наконец, в наблюдении действий и эмоций человека. Эти наблюдения лежат в основе общих семасиологических законов, по которым в лексемах развиваются переносные значения, становящиеся исходными при образовании фразеологизмов.

Активную роль соматизмов в образовании ФЕ отмечают исследователи многих языков, что дает право относить соматические ФЕ к числу языковых универсалий.

Соматическая фразеология вызывает определенный интерес среди исследователей языков различных систем. Впервые в лингвистику термин “соматический” был введен в финно-угроведении. Ф. Вакк, рассматривая фразеологизмы эстонского языка, имеющие в составе слова – названия частей человеческого тела (названные автором соматическими), делает вывод, что они являются одним из древнейших пластов фразеологического состава эстонского языка.

Исследователи русского и других языков часто обращали внимание на большую активность существительных-соматизмов в образовании фразеологизмов. Термин “соматический фразеологизм” в применении к материалу русского языка впервые употребляет Э. М. Мордкович в статье “Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов”, где утверждается, что большинство соматических фразеологизмов выступает в функции негативной характеристики.

Выбор в качестве материала исследования соматических фразеологизмов объясняется тем, что они представляют собой одну из продуктивных и в то же время специально не исследованных групп фразеологизмов.

Основным источником для анализа СФ русского языка послужил “Фразеологический словарь русского языка” [13], а для анализа СФ корейского языка – “Фразеологический словарь корейского языка” [16].

Необходимо учитывать всю сложность механизма формирования фразеологического значения, его обусловленность важнейшими аспектами семантической структуры ФЕ – внутренней формы, языковой мотивировкой фразеологического значения, фразеологической абстракцией. Исследование факторов, определяющих механизм формирования фразеологического значения, показывает, что оно может базироваться на разнообразных семах слов-компонентов ФЕ (дифференциальных и интегральных, ядерных и периферийных). Способность этих семантических компонентов входить в ядро фразеологического значения или занимать в нем периферийное положение, функционировать на уровне внутренней формы определяется особенностями процесса фразеологи-

зации и индивидуальной семантической структуры ФЕ.

На уровне значения внутренняя форма ФЕ, как правило, обладает смысловой расчлененностью: значения отдельных слов создают в совокупности образную картину, и все отношения внутри оборота (семантические и грамматические) подчинены ее созданию. Значение внутренней формы в процессе частого употребления фразеологической единицы в речи стирается для носителей языка, и для осознания соответствующего образа им приходится, по выражению А. А. Потебни, “задерживать на нем внимание”, “в случае надобности остановиться на нем и постепенно привести его в сознание” [7: 188].

Таким образом, переносное значение является особым значением по отношению к обычным лексическим значениям компонентов словосочетания. “С одной стороны, — пишет В. М. Огольцев, — оно опирается на значение лексических компонентов как значение производное, с другой же стороны, противопоставляет ему новое, иное значение. Поэтому и словосочетание, воспроизводимое в этом особом значении, оказывается особой единицей в отличие от свободного сочетания того же состава” [5]. “Бить в глаза”, “заглядывать в глаза”, “смотреть в глаза”. Эти отношения между свободным словосочетанием и фразеологически закрепленным отражаются и в терминологии. Переносное фразеологическое значение было названо Ш. Балли “новым”, т. е. новым по отношению к прямому [2: 97]. Б. А. Ларин назвал это значение “прибавочным” (“прибавочная значимость”), подразумевая “семантическое обновление” словосочетания [4], а В. М. Огольцев квалифицировал это значение как “суперсегментное”. Все эти термины подчеркивают некую обязательную связь между свободным словосочетанием и фразеологически закрепленным.

В. В. Виноградов многократно упоминает о “потенциальном смысле слов”, образующих фразеологические единства, о “потенциальной образности”, “потенциальной выводимости общего значения”, “семантической связи компонентов”, “потенциальной лексической делимости” как основном признаке фразеологического единства [24-25].

Таким образом, значение ФЕ в принципе всегда связано со значением свободного словосочетания того же состава. Эта связь зачастую является критерием классификации некоторых фразеологических явлений. Существует, например, мнение, что варианты фразеологизма будут до тех пор вариантами одного фразеологизма, пока сохраняется общая внутренняя форма.

Связь апплицируемых ФЕ со свободным словосочетанием того же лексического состава состоит в выводимости фразеологического значения из значения свободного словосочетания. Она составляет важнейшее свойство фразеологического значения, определяет образность фразеоло-

гизма, его экспрессивность и национальную самобытность фразеологии в целом.

Исходя из всего сказанного, мы можем предполагать, что выводимость / невыводимость или мотивированность / немотивированность значения вряд ли может считаться признаком, четко разграничивающим разряды ФЕ, поскольку практически все фразеологические единицы с преобразованным значением, хотя и в разной степени, но выводимы и мотивированы.

Если же внутренняя форма ФЕ совершенно затемнена, они быстро покидают язык. В большинстве же случаев, пусть даже с помощью этимологических изысканий, можно добраться до внутренней формы, мотивировать затемненное фразеологическое значение и таким образом определить, что его образная структура по природе своей ничем не отличается от подобных ФЕ с прозрачной внутренней формой, а следовательно, нет достаточных оснований механически отсекают одни ФЕ от других, руководствуясь лишь тем фактом, что одни появились несколько позже, а другие раньше, и внеязыковые реалии, положенные в основу образа, успели утратиться.

В конечном итоге, если темна реальная этимологическая внутренняя форма, то в результате народно-этимологического переосмысления появляется новая мотивировка.

Ясно одно: внутренняя форма может быть затемнена, но не может исчезнуть полностью.

Наличие фразеологизмов, обнаруживающих внутреннюю форму лишь в плане диахроническом (имеются в виду идиоматизмы), отнюдь не свидетельствует о принципиальном отсутствии семантической связи между фразеологизмами и свободными словосочетаниями. Факт существования идиоматизмов лишь свидетельствует об эволюции фразеологической системы, об историческом процессе разрушения этой связи вследствие исчезновения соответствующих свободных словосочетаний, уходящих вслед за исчезающими внеязыковыми реалиями. Этот процесс, в свою очередь, уравнивается противоположным явлением – возникновением новых ФЕ на базе живых словосочетаний.

Существуют иные взгляды на эту проблему. Иначе ее решает В. Н. Телия, которая пишет: "... к признакам, не имеющим функционального характера, относится, по-видимому, приписывание мотивированности значения фразеологизмам-идиомам. Эти обороты, на наш взгляд, претерпели опрощение – процесс, пронизывающий все уровни структуры языка... В системе языка всякий знак произволен и определяется через его отношение к другим знакам этой же системы, но не по отношению к прошлому состоянию этого знака" [9: 36].

Не соглашаясь с этим, Н. С. Туровская пишет: "Это утверждение

вызывает ряд возражений. Во-первых, попробуем рассуждать от противного. Нежелание считаться с тем, что некогда определенное слово имело определенное, ныне не существующее значение, само по себе также является ссылкой на историю, своеобразным списыванием некоторых не выясненных явлений языка на исторические процессы. Можно утверждать, что игнорирование этимологических факторов приводит даже к более частым отсылкам к истории, чем их изучение в диахроническом срезе. Это звучит парадоксально, но это так. Ссылаются на историю не те, кто ее учитывает, а те, кто игнорирует. Иными словами, мотивация того или иного фразеологического значения путем этимологического изыскания и, напротив, указание на отсутствие подобной мотивации ввиду ее этимологичности являются в равной мере ссылками на историю. Во-вторых, решая вопрос правомерности учета этимологического значения при мотивации ФЕ, следует иметь в виду ряд фактов. Язык при своей безусловной и очевидной связи с внеязыковыми историческими процессами все же представляет собой некую автономную сложную систему, развивающуюся по своим собственным языковым законам. Внеязыковые факторы являются по отношению к этой системе внешними. Мысль эта, сама по себе конечно, не нова, но представляется необходимым начать рассуждения о наличии внутренней формы у идиом именно с этой прописной истины” [10: 100-102].

“При исследовании системы как техники языковой деятельности необходимо прежде всего «остановить мгновение»” [9: 36]. Но существует еще и ложная мотивировка, которая, кстати, лишний раз подтверждает ее необходимость для существования ФЕ, мотивировка, возникающая стихийно в связи с ложными ассоциациями, неверными толкованиями фонетических совпадений, мотивировка достоверная или ложная, но необходимая, так как без нее фразеологическая единица перестает существовать.

Изучать проблему внутренней формы фразеологизма помогает сопоставительное изучение фразеологии различных языков (как одной системы, так и разных систем). Это сопоставление сложно, но важно не только в плане теоретического решения проблемы, но и в практическом аспекте (изучение языка как иностранного, при переводе и др.). Фразеологические единицы, образованные на основе соматизмов, есть во всех языках; обычно они частотны и разнообразны по значению. Рассмотрим ФЕ русского и корейского языков, образованных на основе слов *глаз/глаза* (русс.) и *нун*¹ (кор.).

В современном русском языке имеется большое количество ФЕ с компонентом *глаз*, в корейском — соответственно с компонентом *нун*.

¹ Корейские единицы даются в фонетической транскрипции на основе русского алфавита.

Многие из них совпадают не только по значению, но и по структуре. ФЕ, в состав которых входят слова *глаз* – *нун*, относятся к соматической фразеологии, являющейся одним из древнейших и очень существенных разрядов фразеологического фонда русского и корейского языков.

В русском языке лексема *глаз* имеет синонимы *буркалы*, *бельма*, *зенки*, *шары*, *око*, *вежды*, а также увеличительную *глазища* и уменьшительные формы *глазки*, *глазенки*, *глазоньки*. Из них *глазенапы*, *бельма*, *зенки*, *шары*, *око*, *очи* образуют единичные ФЕ, тогда как остальные члены синонимического ряда являются нефразеобразующими.

Слово *глаз* в значении “орган зрения” фиксируется в памятниках письменности с конца XVI в. Древнейшее общеславянское слово *око* употреблялось в то время уже не только в свободных сочетаниях, но и в составе ФЕ.

Появившееся в языке собственно русское слово *глаз* имело тот же семантический потенциал и сочетательные возможности, что и *око*, но их раннее функционально-стилистическое размежевание, реальное бытование слов *глаз* и *око* обусловили им неодинаковую возможность вхождения в словосочетания, способные фразеологизироваться. У слова *око* эти возможности были ограничены его функциональной и стилистической прикрепленностью (церковно-книжное, поэтическое слово). Нейтральное слово “глаз”, употреблявшееся в общенародном языке, обладало большей фразеологической валентностью, и группа фразеологических единиц с именным компонентом *глаз* оказалась более многочисленной, разнообразной по структурным типам, более богатой значениями, чем группа фразеологизмов с компонентом *око* [6].

В современном русском языке количество ФЕ с компонентом *око* (очи) незначительно²: *недреманное око*, (*беречь*) *как зеницу ока*, *дорожить как зеницей ока*, *в мгновение ока*, *око за око*, *зуб за зуб*, *свет очей*, *смежить очи*. Это объясняется тем, что ФЕ со словом *глаз*, активно употреблявшиеся в лексической системе языка, вытеснили ФЕ со словом *око*, так же, как слово *глаз* вытеснило слово *око* в свободном употреблении, ограничив его функционирование определенными стилями речи. В настоящее время параллельных образований *глаз* / *око* в фразеологии не наблюдается.

Русский соматизм *глаз* и его корейский эквивалент *нун* входят в состав значительного количества ФЕ, имеющих различную семантику. Вместе с тем, нужно отметить, что зона значений русского слова *глаз* не покрывает всех значений корейского слова *нун*.

Соотношение значений слов *глаз* – *нун* следующие:

² Фразеологический словарь русского языка под ред. *Молоткова А.И.* (“Русский язык”, 1986) отмечает всего пять единиц: “в мгновение ока”, “дорожить как зеницей ока”, “как зеницу ока”, “пуще ока”, “смежить очи”.

В русском языке по ССРЛЯ [11]: 1) орган зрения, состоящий из глазного яблока, закрываемого веками; 2) способность видеть, зрение, зоркость; 3) взгляд, взор.

В корейском языке слово *нун* по БКС [15] имеет те же три приведенных значения. И ещё: 4) указывать на поведение человека через глаза, взгляд. Например, *смотреть завистливым взглядом; опускать глаза; закатывать глаза* и т. п.

ФЕ с компонентами *глаз – нун* в сопоставляемых языках отличаются наибольшей продуктивностью и разнообразной семантикой. “Основное, что определяет развитую семантическую систему, порожденную словом “глаз”, и составляет ядро этого слова – это понятие “глубинной сущности вещей”. На этой семантической основе развиваются дальнейшие образно-символические значения сложных комплексов, группирующихся вокруг слова “глаз”. Глаз – это и “сущность мира (вселенной)” и “сущность души (зеркало души)”, а следовательно, и сущность микросфер: характера и поведения человека” [1: 6].

В тематических группах фразеологических единиц выделяются как общие для сопоставляемых языков, так и специальные для каждого языка по значению понятия.

1. СФЕ³ со значением зрения, способности видеть.

Семантическая сфера данной группы СФЕ является достаточно широкой и разветвленной. ФЕ, входящие в эту группу, обозначают естественную и главную функцию глаза – зрительного органа человека. Они сформировались на базе прямого значения этого слова. Иначе говоря, эти ФЕ в сопоставляемых языках выражают то, что обычно выражают глаголы “смотреть” и “видеть” (русс.), “бода” (кор.).

а) ФЕ этой группы имеют значение “направлять взор на кого, что, смотреть”. В сопоставляемых языках сюда относятся следующие русские СФЕ: *повести глазами, кинуть глаза, метнуть глазами, встречаться глазами, обводить глазами, раскидывать глазами, окидывать глазами, скользить глазами, играть глазами, запускать глаза*. Корейские СФЕ *нунгва гвирьель хандэ моййда*⁴ (букв. направлять глаза и уши в одну сторону) “вызвать интерес что-л.”, *нуньль матчхуда* (букв. совмещают взгляды) “1) переглядываться, бросать взгляды друг на друга; 2) строить друг другу глазки”, *нуни матта* (букв. совпадает взгляд) “1) встретиться взглядами; 2) симпатизировать друг другу”.

б) Часть ФЕ сопоставляемых фразеологических гнезд обозначает “пристальный взгляд на объект”.

³ СФЕ – соматическая фразеологическая единица.

⁴ В статье приводится буквальный перевод корейских ФЕ на основе [16], при этом мы иногда вынуждены нарушать правила грамматического построения русской фразы.

В русском языке *пялить глаза, смотреть во все глаза, есть глазами, сверлить глазами, пронизывать глазами, мерить глазами, навострить глаза, оцупывать глазами*.

В корейском языке *нуньль момчхуда* (букв. остановить взгляд на чем-л. или ком-л.) “смотреть с интересом (любопытством)”, *нуньль панччакгорида* (букв. блеснуть глаза) “интересоваться”, *нунккильыль ккылда* (букв. привлекать взгляд) “вызвать интерес”, *нунккильыль джуда* (букв. обращать взгляд) “выразить свою симпатию”, *нуньль джуда* (букв. бросать взгляд) “выразить свою симпатию”, *нуньль кыльда* (букв. привлекать взгляд) “вызвать интерес, внимание”, *нуни панччаккида* (букв. блеснуть глаза) “появляется какой-то интерес или жадность”, *нуньль дольрида* (букв. обращать глаза куда-л.) “обращать внимание, интерес на что-л. другое”.

В корейском языке через фразеологизмы с компонентом “глаза” выражается значение “интересовать”.

в) Близки к предыдущим ФЕ со значением “следить, наблюдать”: *не спускать глаз, не сходить с глаз, смотреть в оба глаза; нуни мусобда* (букв. бояться чужих взглядов) “бояться (опасаться) чужих взглядов”, *нуни мантха* (букв. много глаз) “много любопытных”.

2. СФЕ, связанные с понятием “память”, “воображение”.

ФЕ данной группы в сопоставляемых языках обычно выражают появление или возникновение чего-либо в памяти человека. В русском *вставить перед глазами, стоять в глазах*. В корейском *нунанхэ сонхада* (букв. стоять перед глазами) “запечатлеться в памяти”, *нунэ арынгорида* (букв. мелькать перед глазами) “вспоминать о незабываемых впечатлениях и т. п.; возникать в памяти”.

3. СФЕ, связанные с понятием “сон – пробуждение”.

В СФЕ данной группы обычно содержится упоминание о положении глаз при сне и пробуждении. Русские СФЕ следующие: *глаза слипаются, смежить глаза, протереть глаза, продирать глаза, не смыкать глаз*.

В корейском языке слово *нун* в составе СФЕ не имеет подобного значения. Есть фразеологизм *нуньль гамда* (букв. закрыть глаза), но передает совсем другое значение “умереть”.

4. СФЕ, связанные со значением “наедине, без свидетелей”.

Сюда относятся ФЕ, в которых соматизмы *глаз* – *нун* как бы отождествляются с другим лицом, собеседником: *в глаза, между четырем глазами, перед глазами, глаза в глаза, с глазу на глаз*.

В корейском языке слово *нун* в составе СФЕ не имеет подобного значения.

5. СФЕ, выражающие психологическое состояние человека.

Выразительность лексем *глаз – нун* сказывается также в появлении и функционировании в сопоставляемых языках многочисленных ФЕ, выражающих различные психологические состояния человека. Констатация психологического состояния субъекта – значение следующей группы ФЕ.

а) Отдельные ФЕ русского языка, содержащие слово *глаз*, передают значение “плакать”, *не осушать глаз, глаза на мокром месте*, что в основном не характерно для корейских ФЕ.

Хотя фразеологизмы *нунэсо пхинунмульи нада* (букв. выливаться кровавыми слёзами из глаз) “смертельная тоска на душе”, *нунэ исылби мэтхида* (букв. в глаза появляться роса) означает, что “на глаза навёртываются слёзы”.

б) Общими для сопоставляемых языков являются ФЕ со значением “различные степени удивления, смущения”: *делать большие глаза, хлопать глазами, не знать, куда глаза девать, не знать, с какими глазами появиться; нунальи наода* (букв. зрачки выйти из орбит) “очень удивляться, испугаться”, *нуни донъгырэджида* (букв. делать большие глаза) “удивляться, изумляться, испугаться”, *нуни дыньджанманхеджида* (букв. глаза стать как светильник) “очень удивляться”.

в) Широкое воплощение в корейских ФЕ получили понятия гнева, возмущения. Внутренняя форма обычно выражается резкими изменениями во внешнем облике человека: *нунальыль буралида* (букв. свирепо смотреть на кого-л.) “сердито, злобно смотреть на кого-л.”, *нунэ пульыль кёда* (букв. гореть огонь в глазах) “сердиться”, *нунэ пхитдерыль ольлида* (букв. глаза наливаются кровью) “сердиться”, *нуныль гондусэуда* (букв. глаза метать икры из глаз) “сердиться, злиться”, *нуныль нурыбттыда* (букв. тарашить глаза) “сердито, злобно смотреть на кого-л.”, *нуныль чхикёттыда* (букв. закатывать глаза) “не нравится, сердиться”.

Интересны фразеологизмы корейского языка, внутренние формы которых не известны в русском языке. Фразеологизм *гаджаминуныль ттыда* (букв. открывать глаза как камбала; прищуренный взгляд) “сердиться; косо смотреть на кого-л.”, *доккинуныль ттыда* (букв. глаза делает топором) “злобно смотреть”, *нунэ кхальыль сэуда* (букв. выступить нож в глазах) “сильно сердиться”.

В корейском языке есть и другие фразеологизмы с компонентом “глаз”, связанные с живыми существами. Так, *гаджаминуныль ттыда* (букв. открывать глаза как камбала; прищуренный взгляд) “сердиться; косо смотреть на кого-л.”, *нунэ хотгомига джабхида* (букв. быть пойманным пустых пауков глазами) “не может видеть (как слепой) от жадности или от голода”, *далтхэньи нуни дведа* (букв. глаза становятся как у улитки) “остолбенеть, оцепенеть от страха или упрёка”, *гэнун гамчхудыт* (букв. как краб прячет глаза) “быстро есть”.

г) Выражение понятия удовлетворения является характерным преимущественно для ФЕ корейского языка со словом *нун*. Степень удовлетворения чем-то может быть передана ФЕ, в которых создается образ “насыщенного глаза”: *нунэ дыльда* (букв. подходить в глазах) “нравиться; радовать взгляд”, *нунэ чхада* (букв. быть полностью в глазах) “быть удовлетворённым, быть по душе”, *нунэ ноходо апхыджи анта* (букв. не болит, если входит в глаза) “очень мило, миловидный”.

д) Характерным для корейского языка является ФЕ со значением “плохое состояние, самочувствие”: *нунапхи кхамкхамхада* (букв. очень темно перед глазами) “думать о безнадежном”, *нунапхи аччильхада* (букв. (все) закружиться перед глазами) “думать о безнадежном”, *нунэсо пхинунмульи нада* (букв. выливаться кровавыми слёзами из глаз) “смертельная тоска на душе”, *нуныль ттыго польсуга обта* (букв. открыв глаза, не может смотреть) “сильное горе (жесткость) или большая неприятность”. Ср. в русском: *в глазах темнеет*.

е) С лексемой “глаза” в сопоставляемых языках связано наличие ряда ФЕ со значением “терять разум”: *нундонъджага пхульлида* (букв. выпускать зрачки) “выйти из разума”, *нуни двиджибда* (букв. закрывать глаза) “увлечься чем-л., потерять разум”, *нуни пхульрида* (букв. выпускать глаза) “выйти из ума”, *нуни хыритхада* (букв. туманный взгляд) “выйти из ума, терять разум”. Ср. в русском: *в глазах темнеет*.

В корейском языке имеют СФЕ со значением “терять разум от жадности”: *нунэ хотгомига джабхида* (букв. быть пойманными пустых пауков глазами) “не может видеть (как слепой) от жадности”, *нуни мольда* (букв. ослепнуть от чего-л.) “терять разум (от жадности)”, *нуни ппида* (букв. подвернуться глаза) “терять разум (от жадности)”, *нуни одубда* (букв. глаза ослеплен) “терять разум (от жадности)”.

ж) СФЕ, выражающие понятие “состояние духа”.

В эту группу включаются корейские СФЕ: *нунман ккамбакгорида* (букв. только моргать глазами) “нет никаких мыслей (думы)”, *нундо ккамччак анхада* (букв. и глазом не моргнет) “не удивляясь, невозмутимо”, *нунапхэ боинынгокси обта* (букв. нет нечего видимого перед глазами) “не трусить”, *нуныль ттокбаро ттыда* (букв. прямо смотреть в глаза) “приходить в себя (сознание)”, *дальхэнъи нуни дведа* (букв. глаза становятся как у улитки) “остолбенеть, превратиться в столб, стал как вкопанный, оцепенеть от страха”.

6. СФЕ, выражающие отношения между людьми.

Семантическая структура этой группы ФЕ в сопоставляемых языках весьма разнообразна.

Общую для русского и корейского языков фразео-семантическую группу (ФСГ) образуют ФЕ, выражающие понятие “обманывать”. См. в русском языке: *пускать пыль в глаза, отводить глаза, замазывать гла-*

за. В корейском: *нунгаримыльхада* (букв. завязывать глаза повязкой) “обманывать другого человека”, *нуниль согида* (букв. обманывать глаза) “ввести в заблуждение”.

Широкое воплощение получили специфичные для корейского языка ФЕ, связанные с понятиями:

а) симпатии или положительной оценки: *нунэ дыльда* (букв. подходить в глазах) “нравиться; радовать взгляд”, *нунэ ноходо апхыджи анта* (букв. не болит, если входит в глаза) “миловидный, очень мило”, *нунэ чхада* (букв. быть полностью в глазах) “быть довольным; быть по душе”, *нунэ джалъ боида* (букв. хорошо видно в глаза) “быть признанным; вызвать симпатию”, *нунэ дыльо ода* (букв. входить в глаза) “нравиться; понимать”.

Ср. в русском: *ради прекрасных глаз* (делать что-л.), *за прекрасные глаза*, где *глаз* символизирует личную симпатию, но имеет стилистически ограниченное (часто ироническое) употребление;

б) антипатии или отрицательной оценки: *нунбаккэ нада* (букв. выходить вне глаз) “кто-то противен или неприятен; потерять веру (доверие)”, *нунэ госьльлида* (букв. противоречить в глазах) “быть противным, неприятным”, *нунэ гольрида* (букв. противоречить в глазах) “быть противным, неприятным”, *нунэтгаси* (букв. бельмо в глазу) “неприятный человек”, *нунчхорида ттагабда* (букв. колкие взгляды) “упрекать”, *нунчхорида чхагабда* (букв. взгляды холодные) “холодный, бесчувственный”, *нунчхонъиль джуда* (букв. бросать злобные взгляды) “смотреть с ненавистью (со злобой)”.

7. СФЕ, выражающие понятие “смерть”.

С понятием “смерти” связаны СФЕ: *нунэ хыки дыльогада* (букв. земля попасть в глаза) “умирать”, *нунэ хыки добхида* (букв. быть покрытым земля в глаза) “умирать”, *нуниль гамда* (букв. закрыть глаза) “умирать”, *нунджауйга ккоджида* (букв. вокруг глаз вваливаться) “подохнуть, околеть”. Есть фразеологизм *нуниль гамда* (букв. закрыть глаза), но этот фразеологизм имеет то же значение – “умирать”. Кроме этого фразеологизм *нунджавига ккоджида* (букв. глаза запasti) тоже означает “умирать”. Фразеологизмы *нунэ пхыки дыльогада* (букв. земля попасть в глаза) и *нунэ пхыки добхида* (букв. земля покрывает глаза) передают “погребать”.

8. СФЕ, выражающие понятие “ждать”, “ожидать”.

К этой ФСГ относятся следующие СФЕ корейского языка: *нуни ккамэджидорок гидарида* (букв. подждать до помутнения в глазах) “долго ожидать”, *нуни ппаджиге гидарида* (букв. подждать до помутнения в глазах) “долго ждать”.

9. СФЕ, выражающие понятие “опытность / неопытность, понимание / непонимание, знание / незнание”.

Со значение “опытность / неопытность” в русском языке встречаются следующие: *глаз набит, набивать глаз*.

Ср. в корейском: *нунэ икда* (букв. знакомо в глазах) “опытный, привычный”, *нунэ сольда* (букв. не опытно в глазах) “неопытный, непривычный”.

Следующие фразеологизмы передают значения “понимание / непонимание, знание / незнание”: *нунэ дыльо ода* (букв. входит в глаза) “запоминать”, *нунэ ан дыльо ода* (букв. не входит в глаза) “не запоминать”, *нуныль ттыда* (букв. открывать глаза) “прозревать; стать грамотным”, *нуни ттыида* (букв. быть открытым глаза) “осознавать, понимать”, *нуни пакда* (букв. глаза светлые) “выделяться способностью понимания”, *нуни ёльрида* (букв. быть открытым глаза) “понимать, иметь проницательный взгляд”, *нуни кхамкхамхада* (букв. глаза темные) “неграмотный”.

10. СФЕ, выражающие понятие “моментально”, “быстро”, “близко”.

СФЕ, раскрывающие понятие “моментально”, “быстро” в русском языке представлены в следующих примерах: *в мгновение ока, не успел глазом моргнуть*.

Ср. в корейском *нунккамчакхал саи* (букв. промежуток моргания глаз) “одно мгновение”, *гэун гамчхудыт* (букв. как краб прячет глаза) “быстро (есть и т. п.)”, *нунапхэ дуда* (букв. поставить перед глазами) “близко, рядом”, *нунапхэ боида* (букв. видеть перед глазами) “думать, что очень близко к кому-л.”, *нункхо саи* (букв. между глазами и носом) “близко (расстояние)”.

Таковы основные группы СФЕ с компонентами *глаз – нун* в сопоставляемых языках. Разнообразие структурно-грамматических типов, богатство значений, многочисленность ФЕ с именными компонентами *глаз – нун* дают возможность говорить о значимости этого фразеологического гнезда в разряде соматической фразеологии русского и корейского языков.

Слова *глаз – нун* легко сочетаются с другими словами и образуют разнообразные семантические типы. Приведенные примеры позволяют считать преобладающим семантический тип со значением основной функции глаза – способность видеть. Этот факт связи с важной функцией человеческого организма.

СФЕ, выражающие понятия “отношения между людьми”, “психологическое состояние человека”, “символизирующие человека” в корейском языке являются более продуктивным, чем в русском.

Большинство СФЕ русского языка, в которых семантическим центром является слово *глаз*, совпадает с корейскими единицами этого же

типа. Вместе с тем, в сопоставляемых языках имеется достаточно большое количество безэквивалентных ФЕ.

Л и т е р а т у р а

1. *Авалиани Ю. Ю.* Из этюдов по соматической фразеологии иранских языков // Труды СамГУ. Новая серия. "Вопросы востоковедения". Вып. 279. Самарканд. 1976.
2. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
3. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
4. *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии: о систематизации и методах исследования фразеологических материалов // Ученые записки ЛГУ № 198. Серия филологических наук. В. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. 1956. С. 215-218.
5. *Огольцев В. М.* Семантизация культурного компонента языковой единицы в учебном словаре устойчивых сравнений // Словари и лингвострановедение. М., 1982. С. 122-130.
6. *Перевозчикова Ф. Д.* Фразеологические единицы со словом "глаз" // Современная русская лексикография 1977. Л., 1979. С. 62-70.
7. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. Басня, пословица, поговорка. Харьков, 1894.
8. Проблемы фразеологической семантики. СПб., 1996.
9. *Телия В. Н.* Что такое фразеология. М., 1966.
10. *Туровская Н. С.* Роль метафоры в формировании соматических фразеологизмов с компонентом "глаз": Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996.
11. Словарь современного русского литературного языка. В 17-х тт. М.-Л., АН СССР, 1965.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка. / Под ред. *А. И. Федорова*. В 2-х тт. Новосибирск, 1995.
13. Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. *А. И. Молоткова*. М., 1987.
14. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1998.
15. Словарь корейского языка. Сеул, 1997.
16. Фразеологический словарь корейского языка. Сеул, 1997.

**Management: менеджмент или управление?
К проблеме перевода
американской управленческой лексики
на русский язык**

© кандидат филологических наук Е. В. Полищук, 2001

В настоящее время трудно переоценить роль языка управления в современном мире. По подсчётам американских статистиков (при этом сами учёные говорят об относительной приблизительности данных из-за широты и распространённости изучаемого явления в разных странах и в разных сферах деятельности), сегодня на языке управления разговаривают около 20 миллионов управляющих, осуществляющих руководство, планирование, координацию деятельности сотен тысяч фирм, магазинов, отелей. Этим целям служит *наука управления*, возникшая на стыке наук и, соответственно, оперирующая терминологией различных дисциплин – социологии, экономики, математики, кибернетики, психологии.

Управление как междисциплинарная наука берёт своё начало с исследований американского экономиста Ф. Тейлора об организации производства, давшего первые расширенные определения таких понятий, как *time study* (*хронометраж*), *equipment loading* (*загрузка оборудования*), *routing* (*маршрутизация*), и превратившего их тем самым в термины.

Такое положение науки управления на стыке дисциплин, разнообразие существующих школ и точек зрения в сфере данной проблематики, активное внедрение новых понятий и, соответственно, имеющее место отсутствие упорядоченности в английской терминологии приводят к серьёзным трудностям языкового порядка, получившим следующие определения в исследованиях, посвящённых данной теме, – *semantic jungles* (*семантические джунгли*), *Tower of Babel construction* (*Вавилонское столпотворение*). Подобные определения действительно характеризуют состояние терминологии в данной области.

Омонимия, синонимия, конкуренция терминов – в общем, несистемность терминологии – действительно свойственна английской (американской) терминологии. Это проецируется и на русскую терминологию, поскольку последняя является, главным образом, «следствием» первой. Терминологическая путаница в языке американского управления начинается *ab ovo*, иными словами, с самого названия науки – некоторые исследователи называют её *management science*, относя её, таким

образом, к научным дисциплинам, другие – как просто *management* или *management operations*, тем самым подчёркивая её прикладной характер¹. Таким образом, одному понятию *наука управления* в английском языке могут соответствовать три термина.

Термин *management* также имеет синонимы в английском языке – *governance* и *administration*. При этом последний термин употребляется, в основном, в двух значениях: во-первых, как *управление фирмой (организацией)*, и, во-вторых, как *ведение конкретных хозяйственных дел*. Существование этих двух значений часто приводит к путанице, заметной, например, в американских названиях должностей, – *Administrative assistant for administration* / *Административный ассистент по администрации*, *Administrative counselor for administrative affairs* / *Административный советник-посланник по административным делам*.

В настоящее время во всём мире, включая Россию, особенно активизируется интерес к американской практике управления. Формирующаяся в данной сфере русская терминология постоянно пополняется новой лексикой; при этом **активно происходит процесс заимствования терминологии из английского языка**. И характерно, что имеющая место в английском языке неупорядоченность терминологии ещё более усугубляет трудности в соответствующей русской терминологии. Так, нередко отмечаются случаи неудачного или неточного «терминотворчества» (coined terms); часто переводчики оказываются перед проблематичным выбором между вариантами транслитерации, калькирования или смысловой передачи одного термина, и при этом разные авторы часто субъективно отдают предпочтение какому-либо одному варианту. Так, среди специалистов по управлению и переводчиков нередко отмечаются случаи не совсем удачного «терминотворчества», например: часто используемый в сфере компьютерных технологий термин *hardware* имел следующие случаи передачи на русский язык – от транслитерации *хардвера* до усложнённого *электронно-механическое оборудование*, хотя отмечен и такой случай удачного перевода, как *техническое обеспечение*. С другой стороны, часто транслитерация оказывается наиболее приемлемым вариантом перевода. Так, важное понятие *file* наконец вошло в наш язык в оптимальном варианте *файл*, соответственно пройдя этапы — *массив*, *массив данных*, *папка данных* и некоторые другие. *On-line* калькировалось как *на линии*, переводилось как *в преде-*

¹ Интересным является тот факт, что представителями американской «эмпирической школы управления» используется термин «scientific management», т. е. делается акцент на практике управления, осуществляемой на научной основе. Известно, что «эмпирики» считают управление прежде всего искусством, а не наукой, и, соответственно, решающее значение придают анализу непосредственного практического опыта управляющих.

лах комплекса, неавтономный режим, пока к настоящему моменту не установился общепринятый транслитерированный вариант *он-лайн*.

Интересны также варианты перевода слова *supervisor* – отмечены такие случаи его передачи, как *супервайзер*, *руководитель*, *начальник*, *босс*. Нам представляется наиболее приемлемым первый вариант, т. к. остальные являются более широкими по содержанию понятиями, чем исходный американский вариант.

Для примера приведём образец части инструкции, изданной недавно Посольством США в Москве для русских сотрудников на английском и русском языках, в оригинале которой неоднократно употребляется слово *supervisor*.

*An employee cannot donate leave to his **supervisor**. Only his/her immediate **supervisor** is responsible for setting a sick or annual leave program for the FSNs (foreign service nationals).*

*Сотрудник не имеет права предоставить имеющиеся у него часы отпуска своему **супервайзеру**. Только непосредственный **супервайзер** отвечает за программу ежегодных отпусков и отпусков по болезни российских сотрудников.*

Таким образом, в переводах американских управленческих терминов следует избегать как минимум двух крайностей: с одной стороны, попыток «русифицировать» американскую терминологию, с другой – просто транслитерировать или транскрибировать американские термины в тех случаях, когда есть адекватные по смыслу и ёмкие по форме русские эквиваленты. Так, например, в этом смысле интересен пример с переводом ключевого для всей науки управления слова *management* – здесь наблюдается оправданная конкуренция терминов: наряду с широко употребляемой транслитерацией *менеджмент* используется адекватный русский переводной вариант *управление*. Так, например название книги “*The Theory and Management of Systems*” переведено как «*Теория систем и руководство системами*».

Однако при переводе слова *manager* уже нельзя согласиться с конкуренцией вариантов: встречающиеся в литературе и в практике такие эквиваленты, как *директор*, *руководитель*, *производственник*, не кажутся приемлемыми, т. к. несут в себе иной (часто более широкий или из другой сферы деятельности) смысл по сравнению с оптимальным вариантом *менеджер*.

Вообще многие ошибки в переводе управленческих терминов связаны с несовпадением самих понятий в русском и английском языках. Именно к сфере управленческой лексики относится важное предупреждение российского компаративиста А. В. Бельского о том, что понятия и слова родного и иностранных языков находятся между собой в слож-

ных, взаимокорреляционных связях, что усугубляет и без того многочисленные трудности, с которыми сталкиваются переводчики².

В ряде работ российских исследователей по вопросам американского опыта управления отмечается чрезмерная «американизация» русских текстов. Они часто изобилуют такими словами, как *тотальные цели, имидж, инициация, абсорбция*; в специализированных технических текстах это оправданно, однако в текстах управленческой тематики, возможно, более уместны будут их русские аналоги – *общие цели, репутация, начало, слияние*. Также нередко *technology* переводится как *технология*, хотя по смыслу это, очевидно, *техника*.

Управление принадлежит к числу наиболее активно развивающихся областей человеческой деятельности. Язык этой науки стремительно формируется, в нём возникают всё новые и новые термины, подвергаются смысловому и ситуативному переосмыслению старые, уже известные понятия. Терминология при этом не просто отражает возникающие новые понятия, но и активно воздействует на них, развивая таким образом саму науку.

От правильности и ясности принятой в данной сфере терминологии зависит многое: и адекватность передачи смысла, и, соответственно, адекватность коммуникации людей в данной сфере. А, как показывает опыт, к «Вавилонскому столпотворению» и «семантическим джунглям», имеющимся в американской терминологии, прибавляется неудачное «терминотворчество» и конкуренция терминов при переводе их на русский язык. Поэтому перед русскими переводчиками стоит важная задача не впасть ни в одну из перечисленных выше крайностей и в зависимости от передаваемого смысла и коммуникативной установки выбрать наиболее приемлемый в конкретной ситуации вариант перевода.

² В этой связи см.: Бельский А. В. Побудительная речь // Учёные записки МГПИИЯ им. М. Горького. № 7. М., 1953.

Метасемиотика описания в романе Айрис Мердок «Замок на песке»

© кандидат филологических наук А. А. Изотова, 2001

Как следует из названия, данная статья посвящена метасемиотическим характеристикам¹ описания конкретного и абстрактного в романе А. Мердок «Замок на песке»².

Необходимо отметить, что читатель нередко обнаруживает подобные примеры в романе, однако языковое мастерство А. Мердок в этом отношении несомненно требует тщательного анализа и комментирования.

Обратимся к примерам.

Mor turned back into the room. He surveyed the group by the lamp. His eyes still full of the night, he felt detached and superior. Miss Carter was sitting with her legs drawn up under her. Her skirt spread in a big arc about her, and the lamplight falling upon the lower half of it made it glow with reds and yellows. She looked, Mor thought, like some small and brilliantly plumaged bird.

В главе второй при знакомстве Билла Мора (преподавателя школы St. Bride) и Рейн Картер (художницы, приехавшей в Англию из Франции для написания портрета Димойта, бывшего директора названной школы) последняя описывается автором как маленькая птичка с великолепным оперением. В словосочетаниях *small bird* и *brilliantly plumaged bird* нет ничего необычного, однако их можно интерпретировать двояко. С одной стороны, Рейн действительно была маленького роста и благодаря одежде и освещению в комнате показалась Мору похожей на птичку с ярким оперением. Но с другой стороны, из последующих глав романа мы узнаем, что Рейн была подобна птице — свободный художник, а ее великолепное оперение — это огромный талант и те черты ее характера (доброта, понимание, глубина чувств), которые покорили сердце Мора. Таким образом, в данном случае можно говорить о метасемиотической окраске рассмотренных словосочетаний.

Nan said simultaneously, 'Don't bother, please. They would have been lovely, but now don't bother.' Mor knew that she was not interested in the roses. Nan thought on the whole that flowers were rather messy and insani-tary things.

В данном отрывке (также глава 2) мы сталкиваемся с непривычной сочетаемостью существительного *flowers*, когда цветы описываются как нечто антисанитарное и грязное, что противоречит стереотипу — представлению о них. Действительно, в английском языке прилагатель-

ные *insanitary* и *messy* всегда имеют отрицательный характер, например, *insanitary conditions, a messy room/business/divorce*³. Однако автор намеренно сталкивает существительное *flowers* с отрицательными определениями, чтобы раскрыть сущность характера Нэн, жены Б. Мора, женщины холодной, рассудочной, в высшей степени практичной, так как именно она относилась к живым цветам подобным образом. Поэтому в данном контексте цитированная фраза приобретает метасемиотическое звучание.

‘What did you make of Miss Carter?’ said Nan.

‘Not much,’ said Mor. ‘I found her a bit intimidating. Rather solemn.’

‘She takes herself seriously,’ said Nan. ‘But she’s really a little clown. She obviously gets on swimmingly with Demoyte when no one else is there.’

‘Maybe,’ said Mor, who hadn’t thought of that.

В той же второй главе Нэн делится с Мором своими первыми впечатлениями о Рейн Картер и сообщает, что она превосходно ладит с Димойтом. Наречие *swimmingly* (‘превосходно, гладко’) имеет в современном английском языке положительное значение, однако приобретает отрицательные метасемиотические коннотации, будучи вложенным в уста Нэн. Во фразе Нэн звучит ирония, направленная не только на Рейн, которую она также называет маленьким клоуном, но и на Димойта, неприязненное отношение к которому с ее стороны выявляется из текста романа.

‘Ah, but you were by the sea, were you not?’ said Evvy.

‘Yes,’ said Miss Carter, ‘but a melancholy sea as I remember it. A tideless sea. I can recall, as a child, seeing pictures in English children’s books of boys and girls playing on the sand and making sandcastles — and I tried to play on my sand. But a Mediterranean beach is not a place for playing on. It is dirty and very dry. The tides never wash the sand or make it firm. When I tried to make a sandcastle, the sand would just run away between my fingers. It was too dry to hold together. And even if I poured sea water over it, the sun would dry it up at once.’

В данном примере (глава 5) Рейн Картер описывает место, где она жила в детстве, юг Франции. При этом используется необычное, непривычное для языкового узуса словосочетание *a melancholy sea* (‘грустное море’) для обозначения Средиземного моря. Современные словари дают, например, следующее сочетание прилагательного *melancholy*: *alone and feeling melancholy/melancholy news*⁴. Метасемиотика описания, вложенная в уста Рейн, становится очевидной, так как в действительности она имеет в виду ‘море, навевающее грусть’. Дальнейший текст доказывает нам это положение, показывая, что Рейн не могла построить замок на песке, будучи на Средиземном море, а слово *a sandcastle* употребля-

ется как в прямом смысле, так и как символ крушения надежд в жизни Рейн.

With a roar of grinding tyres and tearing undergrowth and crumbling stones the Riley lurched over madly towards the river. Mor saw it rise above him like a rearing animal. He rolled precipitately back into the grass and came into violent contact with Miss Carter's knees. They both staggered up.

'Are you all right?' she cried.

Mor did not answer. They ran forward to see what had happened to the car.

В данном примере (глава 6) при описании совместной поездки Мора и Рейн за город автор, повествуя о поломке машины Рейн, сравнивает ее со вставшим на дыбы животным (a rearing animal). Здесь мы наблюдаем прием персонификации, так как Мор, несомненно, относится к машине как к живому существу. Его страх за судьбу машины, желание спасти ее естественно связаны с маленькой хозяйкой этого большого дорогого «животного» Riley.

The bell rang again. Mor went out on to the landing.

At the same moment the door of Felicity's room opened and Rain came out. She had already dressed herself. She must have heard the bell before he did. She was carrying her stockings over her arm as she had done on the day of the Riley disaster. He read upon her face the same frozen horror as he felt upon his own. The bell began to ring again and went on ringing. The whole neighbourhood must be being wakened by the sound. It rang out with violence in the dreary pallid silence of the morning.

При описании наступления утра после ночи, проведенной Рейн в доме Мора (глава 11) автор использует словосочетание *pallid silence of the morning*. Словарь Лонгмана представляет следующие значения прилагательного *pallid*: (of the face, skin) unusually or unhealthily pale; wan (e.g. a pallid complexion)/(fig.) She gave a pretty pallid (=dull and lifeless) performance⁵. Очевидно, что прилагательное *pallid* в данном контексте употребляется в своем переносном значении. Однако здесь можно говорить и о его функционировании на метасемиотическом уровне, так как его использование усиливает контраст между безжизненностью, тишиной наступившего утра и резким, неприятным звуком звонка, пробудившим всю округу и повергшим в страх и тревогу главных героев. Кроме того, словосочетание *dreary pallid silence of the morning* можно интерпретировать и в более широком плане: как чуждый внешний мир, который перестал существовать для Рейн и Мора, а резкий звонок пробуждает их не просто от реального сна, а и от сосредоточенности на их эмоциональных переживаниях.

'I shall come, I think,' said Nan. 'We'd better go on making life as normal as possible — it'll keep us from fretting too much. I even let Evvy

persuade me into saying a few words. I just hadn't the strength to say no. He said something very short would do.'

'You'll answer the toast!' said Mor. 'I'm so glad.' But he was not glad, he thought, any more about anything connected with Nan. He felt as if he were talking to someone who was already dead, but who didn't yet know it. He felt such intense sadness at this thought that he would have liked to ask Nan to comfort him in some way, but with the impulse he remembered that this too was impossible. Nan was the one person who could not ever give him ease for the pain that was in him now.

В приведенном выше отрывке (глава 17) Нэн описывается как «человек, который уже умер, но еще не знает об этом». Прилагательное *dead* употребляется в своем прямом значении, но несомненно приобретает метасемиотическую окраску, так как раскрывает эмоциональное состояние Мора и его отношение к жене, которая перестала для него существовать, а всё, связанное с ней, потеряло для него всякий смысл.

'It's useless, Mor,' said Rain. 'What am I doing in your life? I've often wondered this, you know, only I never told my doubts. You are a growing tree. I am only a bird. You cannot break your roots and fly away with me. Where could we go where you wouldn't always be wanting the deep things that belong to you, your children, and this work which you know is your work? I know how I would feel if I were prevented from painting. I should die if I were prevented from painting. I should die.'

В главе 19 Рейн Картер сравнивает Мора с растущим деревом, себя же она рассматривает как птицу. Оба определения являются метасемиотически насыщенными, в дальнейшем тексте Рейн говорит о том, что Мор не может оторваться от своих корней и улететь с ней. В данном контексте образ дерева символизирует дом, нечто незыблемое, пушенные корни — связь Мора с семьей и работой. Как уже упоминалось в начале статьи, образ птицы связан со свободой художника. Это динамика, постоянное движение, видение мира через призму своего творчества и воображения. Противопоставление определений 'дерева' и 'птицы' свидетельствует о невозможности Рейн и Мора быть вместе.

'You would be happy with me for a short while,' said Rain, 'but then what would happen? It's all dry sand running through the fingers. I can wander about the world and wherever I go I can paint. If we were together my work would continue. But what about yours? Would it in the end satisfy you just to be with me? Would you be able to write and to go on writing? If you had really wanted to write as much as I want to paint you would have written by now, you would have found the time somehow, nothing would have stopped you.'

В данном примере (также глава 19) Рейн рассуждает о возможной несовместимости двух творческих работ: ее как художника и писатель-

ского труда Мора. При этом Рейн сравнивает эту ситуацию с «сухим песком, рассыпающимся в руках». Словосочетание *dry sand* метасемиотически обозначает крушение надежд Рейн на будущее с Мором, ее несбывшуюся мечту быть вместе с ним, «построить их собственный замок».

Как мы видим, описание может быть метасемиотическим по своей сущности, а также может приобретать метасемиотические коннотации в контексте в зависимости от интенции автора.

Примечания

1. **Метасемиотика.** Отрасль семантики, изучающая такое использование знака, при котором содержание и выражение становится (в целом, совокупно) либо содержанием для нового (мета)выражения, либо выражением для нового (мета)содержания, см. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 230.
2. *Murdoch I.* *The Sandcastle.* Penguin Books.
3. *Longman Dictionary of Contemporary English.* М., 1992.
4. *Ibid.*
5. *Ibid.*

К вопросу о категории числа в английском и русском языках

© Н. В. Колесник, 2001

В связи с бурным развитием функционально-когнитивных исследований изучение традиционных грамматических понятий с новых позиций становится важной частью современной лингвистики. Категория числа как одна из важнейших характеристик имени существительного, давно привлекает внимание исследователей различных языков. В данном обзоре нам хотелось бы остановиться на рассмотрении категории числа в английском и русском языках. Теоретическая ценность сопоставительно типологических исследований, прежде всего, в том, что строй основного изучаемого языка открывает новые качества и свойства при взгляде на него "с точки зрения" или "через призму" разноструктурных языков; чем отдаленнее сопоставляемые языки, тем больше вероятности приблизиться к глубинным лингвистическим категориям (12).

Как в англистике так и в русистике категории числа имени существительного посвящены разделы грамматики, а также специальные исследования. Характерная противоречивость значений данной категории вызывает особый интерес лингвистов. Формы единственного числа могут обозначать множество предметов — англ. *army, tribe*; рус. *армия, племя* и др., тогда как формы множественного числа могут обозначать один предмет — англ. *glasses, shorts*; рус. *очки, шорты* и др. Иногда один и тот же предмет может быть обозначен и формой единственного и формой множественного числа — англ. *moustache — moustaches, rein — reins*; рус. *сеть — сети, утат — утаты* (штатное расписание) и др.

Проблематичность указания точной причины числового оформления того или иного слова или же отсутствие у ряда слов двух противопоставляемых форм позволяет лингвистам неоднозначно объяснять данное явление. Так, В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик считают, что неисчисляемые и отвлеченные существительные не могут характеризоваться категорией числа (5; 30). Г. Н. Воронцова высказывает мнение о том, что существительные *singularia tantum* и *pluralia tantum* лишены категории числа, а некоторые существительные в силу специфики их лексического содержания вообще не способны соотноситься со словами количественного значения и ассоциироваться с понятиями раздельности, делимости, считаемости (2; 108-109). Лингвисты высказывают различные мнения по поводу числовой реляционности некоторых словоформ. Так, Суит отмечает возможность сочетаний *a scissors, a hustings, a gallows* и т. д. (22; 47). Крузинга считает, что в подобных

случаях обычно используется выражение *a pair of*, которое часто встречается в современном языке (21; 33). Керм обращает внимание на то обстоятельство, что некоторые формы множественного числа по своим синтаксическим связям могут соответствовать и единственному и множественному числу (17; 58). Особое внимание стоит уделить таким сочетаниям как *15 pound, a few ton, 40 head of poultry, 20 head of game, a couple of year, a fleet of 20 sail*. М. М. Перельман определяет такие слова как "контекстные собирательные" (11; 25). Это такие случаи, когда слова, обычно не имеющие значения собирательности, то есть не обозначающие совокупного множества, а обозначающие один отдельный предмет, в определенном контексте становятся собирательными.

Керм высказывает мнение, что в подобном случае мы имеем дело с формами единственного числа, употребленными для обозначения меры и веса (17; 541). В свою очередь Суит, анализируя сочетание *40 head of poultry*, определяет слово *head* как особую неизменяемую форму множественного числа, обозначающую единицу измерения (22; 46).

Известно, что как в английском, так и в русском языках нередки случаи параллельного употребления обеих числовых словоформ для обозначения одного и того же предмета (явления) или одной и той же группы предметов (явлений), в зависимости от того, как этот предмет (явление) или группа предметов (явлений) осмысливаются. С другой стороны, можно привести примеры, в которых для обозначения одного и того же предмета или явления (группы предметов или явлений) употребляются разные числовые словоформы: *brain — brains, nerve — nerves, moustache — moustaches, ear — ears, eye — eyes* (формы *ear, eye* употребляются для обозначения обеих ушей, обеих глаз) и др. в английском языке, *сеть — сети, дверь — двери, штат — штаты* (штатное расписание) и др. в русском языке. Интересно, что в некоторых языках, например, в венгерском, все парные части и органы тела рассматриваются как одно целое и обозначаются формой единственного числа. Для обозначения же одной руки, одной ноги, одного глаза используется слово "половина" (6; 218). (Значения *ear — слух, eye — взор* здесь не рассматриваются.)

Подобные существительные давно уже привлекали интерес лингвистов и подвергались классификации. Есперсен обозначает такие предметы термином *composite object* и подразделяет их на 5 смысловых групп:

1. принадлежности одежды — *gloves, sleeves*;
2. инструменты, орудия — *arms, fetters, compasses*;
3. здания, сооружения, учреждения — *archives, barracks*;
4. части тела — *brains, lights (lungs)*;

5. занятия, действия, обряды, игры — *nuptials, obsequies, dominoes* (19; 90).

В системе русского языка в подобном случае Д. И. Арбатский использует термин "сложные предметы" и дает подробную классификацию данных существительных с точки зрения их семантики:

1. названия частей, органов тела человека или животных — *руки, ноги, лапы*;
2. название одежды, украшений — *туфли, жемчуга*;
3. названия орудий, приспособлений, инструментов — *цепи, вожжи*;
4. названия средств передвижения — *сани, нарты*;
5. названия сооружений — *горы, хоры*;
6. названия помещений — *комнаты, покои*;
7. названия текстов, изданий — *слова, куплеты, ноты*;
8. названия знаний, сведений, мыслей — *основы, виды, помыслы* (1; 32).

Академик В. В. Виноградов называет существительные, обозначающие части тела, принадлежности одежды, орудия, приборы и т. п. составными (3; 60). Данная группа существительных выделяется в работах А. А. Шахматова (15; 440), а также в Академической грамматике русского языка 1953 г. (4; 118), которая определяет их как "имена существительные, обозначающие парные или составные предметы" и приводит ряд примеров, типа *боты, брюки, грабли, кавычки, перила, соты* и др. в алфавитном порядке.

Согласно М. М. Перельман (11; 30), в английском языке слова со значением составных предметов по своему отношению к категории числа могут быть разделены на две группы:

1. Существительные *pluralia tantum*, то есть существительные, не имеющие соотносительных форм единственного числа, — *scissors, trousers* и др.;
2. Существительные, имеющие две соотносительные числовые формы — форму единственного и форму множественного числа, — *rein — reins, ear — ears, arm — arms* и др.

Вторая группа в свою очередь может быть разделена на две подгруппы:

а) существительные, формы множественного числа которых не имеют особых значений, отличных от значений форм единственного числа, — *rein — reins, door — doors, ear — ears, room — rooms*;

б) существительные, формы множественного числа которых имеют особое значение по сравнению с формами единственного числа, — *bath — baths* (ванна — бани), *troop — troops* (взвод — войска). Подобные слова в русском языке (например: *записка — ученые записки*) определяются академиком В. В. Виноградовым как существительные *pluralia tantum* (3; 160). Обе группы существительных: и существительные

pluralia tantum, и существительные, имеющие обе соотносительные числовые формы (обе подгруппы), — характеризуются тем, что словоформы множественного числа могут обозначать один предмет, и, по мнению М. М. Перельман (11; 37), в данном случае грамматическое значение формы множественного числа состоит в том, что она как бы вскрывает множество частей, из которых состоит предмет. Автор определяет подобный вид множества как множество ВНУТРЕННЕЕ, имеющее не чисто-количественное, но и качественное значение, причем существительные, обозначающие предметы, которые состоят из парных или из нескольких одинаковых частей, характеризуются возможностью синонимичного употребления обеих числовых форм.

А. В. Исаченко также приходит к выводу, что парадигма форм множественного числа может отражать особенности "внутренней структуры" предметов (7).

Другое мнение высказывает Керм. Он считает, что в подобных случаях числовая форма находится в противоречии со значением слова (17; 539).

Имеет смысл упомянуть о разногласии лингвистов по поводу способности собирательных существительных иметь две соотносительные формы.

Крузинга полагает, что все собирательные существительные могут иметь только одну числовую форму, слова, типа *family* — *families*, он считает промежуточным классом между собирательными и несобирательными и называет их *individual collective nouns* (21; 23-24). Точку зрения Крузинга разделяет отечественный лингвист М. Н. Клаз: "Носителем значения собирательности так или иначе является форма единственного числа, даже если существительное оформлено как множественное число" (8; 42). Подобное мнение в отношении собирательных существительных в русском языке высказывает А. А. Реформатский: "...те слова, которые имеют соотносительные числовые формы не могут быть собирательными" (13). По определению авторов Академической грамматики 1953 г. (4; 118), существительные, имеющие только форму множественного числа, представляются как существительные с собственно-собирательным значением. В число таких существительных включены названия парных и составных предметов и ряд существительных, не имеющих соотносительных форм единственного числа, например, *джунгли*, *деньги*, *кудри* и др.

Другая точка зрения изложена в теоретическом курсе грамматики английского языка: все собирательные существительные могут быть разделены на два типа слов: слова, обозначающие определенные ограниченные группы, например, *government*, *army*, и слова, обозначающие неопределенное количество единиц как нечто целое или обозначающие

понятие в целом — *clergy, infantry* (5; 28-29). Первые (слова, типа *team, flock, herd, horde* и др.) могут иметь обе соотносительные формы, вторые "имеют только форму единственного числа, так как обозначаемые ими понятия не могут быть представлены множественно".

Еще один случай параллельного употребления соотносительных числовых форм — синекдоха — не находит однозначного объяснения у грамматистов. На примере таких предложений, как "*Некогда было чистить птицу*", "*Ручьи поднимали прелый лист*", Л. В. Якимова определяет это явление в русском языке как "синекдохическую собирательность" (16; 10). Н. Ш. Читалина усматривает в подобном случае у существительных в форме единственного числа в английском языке особое видовое значение: "Форма единственного числа имени существительного может иметь значение представителя вида, представителя «класса» однородных предметов или лиц, которому присущи типичные черты этого «класса»" (14; 5). Г. Н. Воронцова разделяет мнение вышеуказанного автора и добавляет, что в случае синекдохи, например: *The peasant was treated as a dumb brute for centuries* — слово *peasant* в данном случае "лишено категории числа", поскольку оно употребляется "в значении представителя вида", а не реальной единичности (2; 122).

Данная позиция представляется М. М. Перельман неправомерной. Исследователь считает, что в приведенном примере словоформа *peasant* отнюдь не лишена категории числа, поскольку именно категория единственного числа обладает способностью достичь большей степени отвлеченности от лексического значения слова, обладает способностью обозначать не предметную, а понятийную соотнесенность (11; 45).

В последние годы всё больше набирает силу когнитивная лингвистика. Когнитивная лингвистика — это лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент — система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации (9; 53). Как известно, в современной науке существуют различные толкования понятия "когнитивная грамматика". Согласно Е. С. Кубряковой, термин используется как в более широком, так и в более узком и специальном смысле. В первом случае имеются в виду грамматические концепции или же грамматические модели описания языков, ориентированные, как и вся когнитивная лингвистика, на рассмотрение когнитивных аспектов языковых явлений, т. е. на их объяснение по их связи и сопряженности с процессами познания мира и такими когнитивными феноменами, как восприятие, внимание, память, мышление и т. п. У истоков когнитивной грамматики считаются тогда стоящими такие ученые, как Рэй Джекендофф, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, У. Чейф и др. В более узком смысле слова когнитивную

грамматику считают, однако, детищем Рона Лангакера, и тогда имеется в виду особый тип грамматического описания языка, в котором — в противовес генеративной грамматике и в отличие от нее — делается попытка дать объединенное описание лексикона и синтаксиса, предлагая для характеристики участвующих в их строении единиц понятие двустороннего знака, или символов (9; 49).

Одной из значительных фигур в современной когнитивной науке является Анна Вежбицкая. В своей книге "The semantics of Grammar" А. Вежбицкая выдвигает идею о том, что морфологическая сочетаемость может быть предсказана из семантики слов. Речь идет о выборе числа существительных — названии овощей. Почему, например, в (2а) существительное в единственном числе, а в (2б) — во множественном; почему (3а) допустимо, а (3б) — нет.

(2) а. Я люблю морковь; б. Я люблю огурцы.

(3) а. Возьми две свеклы; б. Возьми две капусты.

Вежбицкая выделяет два диагностических контекста — контекст родового употребления, как в (2), и контекст счета, как в (3). Обнаруживается, что выбор числа существительного определяется следующими двумя признаками соответствующих овощей: 1) размером "овоща" и 2) обычным для данного языкового коллектива способом употребления его в пищу. По первому признаку овощи среднего размера (такие, как *свекла* или *морковка*) противопоставлены как слишком крупным (как *капуста*), так и слишком мелким (как *горох*, *фасоль*). По второму — овощи, которые в России могут употребляться в пищу целиком в сыром виде (как *огурец*, *помидор*) противопоставлены таким, которые употребляются в вареном и измельченном.

Таким образом, получается два крайних класса слов:

класс 1 — слова, обозначающие овощи среднего размера, употребляемые целиком, допустимы в контекстах типа (3), т. е. счетны, и в родовом употреблении, как в (2), требуют множественного числа;

класс 2 — это овощи крупного или мелкого размера, употребляемые в вареном или измельченном виде; сюда относятся существительные, которые не счетны, т. е. недопустимы в контексте типа (3), и в родовом употреблении требуют единственного числа.

Промежуточный класс 3 составляют слова типа *свекла* — среднего размера, но употребляемые в вареном или измельченном виде: они счетные, но в родовом контексте имеют единственное число. Получается следующая таблица:

	Родовое употребление	Счет
1. огурец	Pl.	+
2. горох, капуста	Sg.	-
3. свекла, морковка	Sg.	+

Четвертое мыслимое сочетание <Pl, — > по естественным причинам исключено: множественное число в родовом контексте бывает только у счетных существительных.

Таким образом, рассмотрение категории числа в английском и русском языках с когнитивных позиций позволяет по-новому взглянуть на природу этого традиционного грамматического понятия и выявить интересные культурно-национальные особенности двух народов. Вероятно, дальнейший анализ лексики прольет свет на явление категоризации человеком окружающей действительности и, как нам кажется, представит собой увлекательное научное исследование.

Л и т е р а т у р а

1. *Арбатский Д. И.* Значения форм множественного числа имен существительных в современном русском литературном языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954.
2. *Воронцова Г. Н.* Очерки по грамматике английского языка. М., 1960.
3. *Виноградов В. В.* Современный русский язык. М., 1947.
4. Грамматика русского языка. Т. 1. Морфология. АН СССР. М., 1953.
5. *Жигадло В. И., Иванова И. П., Иофик Л. Л.* Современный английский язык. Теоретический курс грамматики. М., 1956.
6. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
7. *Исаченко А. В.* О грамматическом значении // Вопросы языкознания. 1961, № 1.
8. *Клаз М. Н.* Средства выражения числовых значений имен существительных в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954.
9. *Кубрякова Е. С. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
10. *Падучева Е. В.* Феномен Анны Вежбицкой // *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 18-20.
11. *Перельман М. М.* Категория числа имени существительного в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1965.
12. *Реформатский А. А.* О сопоставительном методе // Русский язык в школе. 1962, № 5.
13. *Реформатский А. А.* Число и грамматика // Вопросы грамматики. Сборник статей, посвященный 75-летию И. И. Мещанинова, М., 1960.
14. *Читалина Н. Ш.* Значение имени существительного в форме единственного числа и их применение в различных синтаксических функциях в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1961.
15. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
16. *Якимова Л. В.* Значение единственного числа имен существительных в современном русском литературном языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1961.
17. *Curme G. O.* A Grammar of the English language. P. 2. New York, 1935.
18. *Jespersen O.* A Modern English Grammar on Historical Principles. P. 2. Copenhagen, 1954.
19. *Jespersen O.* A Modern English Grammar on Historical Principles. P. 7. Copenhagen, 1949.
20. *Jespersen O.* Essentials of English Grammar. London, 1933.
21. *Kruisinga E.* A Handbook of Present Day English. P. 2. Groningen, 1932&
22. *Sweet H.* A New English Grammar. Logical and Historical. P. 1. Oxford, 1903.
23. *Wierzbicka A.* The Semantics of Grammar. Amsterdam: John Benjamins, 1988.

Японские невербальные средства общения

© кандидат филологических наук Н. Н. Rogozная,
Мацура Аки (Япония), 2001

Жест, мимика и интонация являются самыми древними средствами общения. До сих пор, когда человеку не хватает собственно языковых средств, он прибегает к невербальным средствам общения и достигает часто взаимопонимания гораздо быстрее, чем при словесном объяснении. У каждого народа есть свой набор жестов. Некоторые жесты могут быть универсальными, встречаясь у разных народов (например, поклон).

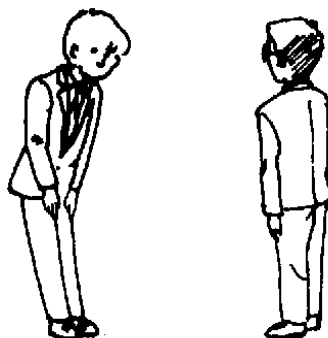
Жест является достаточно частотным невербальным средством общения, поэтому изучающий иностранный язык должен быть знаком с семантикой жеста и условиями его использования, поскольку речь, лишенная мимики и жестов, кажется по меньшей мере неестественной, а иногда и просто невежливой. Незнание, неумение пользоваться жестами может сыграть и негативную роль при общении с носителем языка. Так, например, характерный для русских жест пожатия руки не принят у японцев. Японцы вообще стараются избегать телесных прикосновений. Приветствие выражается с помощью поклонов под разным углом: 15, 30, 45, 90 градусов. В книге «Протокол и этикет для деловых людей» под ред. Т. И. Холоповой и М. М. Лебедевой ошибочно указывается, что японцы совершают огромное количество поклонов (вероятно, слово «градус» было переведено как «раз»). В этой же книге авторы обвиняют японцев в отсутствии у них чувства юмора. С этим трудно согласиться, т. к. японцам, как и любой нации, присуще чувство юмора; возможно, оно немного отличается от русского, но ведь и французский юмор не такой, как, скажем, русский. Там, где смеется француз, русскому может быть совсем не смешно. Следовательно, говорить об «отсутствии чувства юмора» у японцев неправомерно. Огромную роль в восприятии «иного» играет разница культур. Постигание «инокультурного» пласта так или иначе сталкивается с «инферентными» явлениями и проходит сквозь сито родных культурных знаний.

Русский читатель недостаточно знаком с японским характером, знанием этикета, традиций, обычаев, культуры Японии и т. д., что объясняется недостатком литературы по этой теме.

В данной статье предложено описание и изображение в виде рисунков 25 самых распространенных японских жестов.

1. Жест приветствия.

Больше всего японцы кланяются при встрече. В последнее время начали пожимать друг другу руки.

2. Жест расставания.

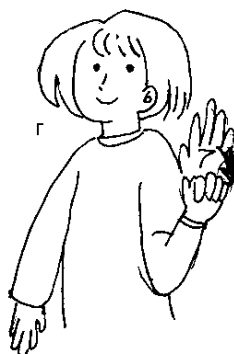
а) Подносят правую руку к груди ребром, затем резко опускают вниз. Этот жест особенно часто используют взрослые мужчины при общении с друзьями.

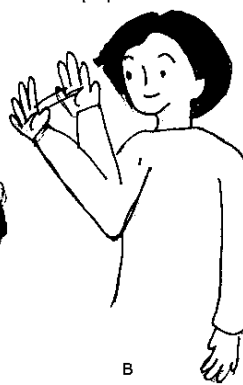
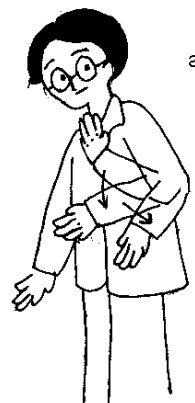
б) Поднимают одну руку снизу вверх, ладонью вперед, до уровня плеча.

в) Поднимая одну руку, машут слева направо.

г) Поднимая одну руку, ладонью вперед, сжимают и распрямляют четыре пальца, кроме большого, который прижат к ладони. Этот жест особенно часто используют молодые девушки при общении с подругами.

д) Поклон (см. 3).

3. Поклон. Существует несколько способов поклона. Кланяются, прижав руки к бокам. Угол наклона обуславливается степенью официальности, возрастом и положением того, кому кланяются, местом, где совершается поклон.

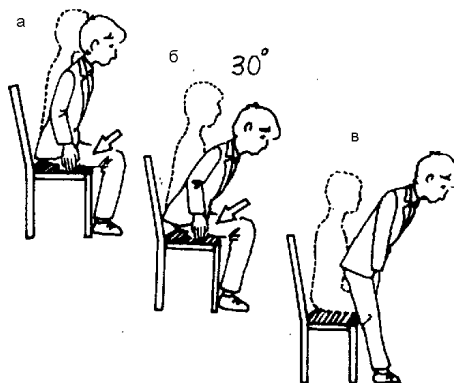
3.1. Поклон стоя:

- а) 15° – легкий поклон, предназначен только знакомым, встречаемым по дороге;
- б) 45° – средний поклон, предназначен тем, кто стоит выше на служебной лестнице, а также гостям, преподавателям и другим официальным лицам;
- в) 90° – глубокий поклон, делается во время различных обрядов, адресуется официальным важным гостям и в случае обращения с серьезной просьбой.

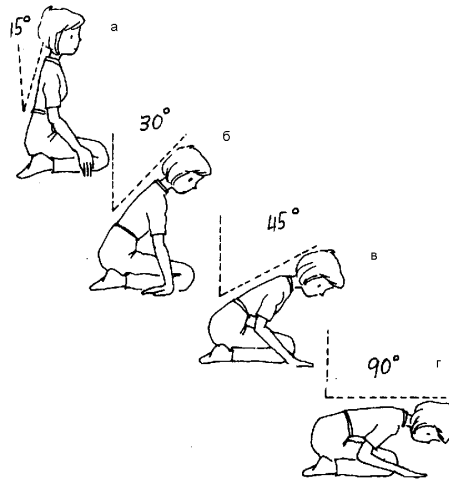
3.2. Поклон сидя на стуле:

- а) 15° – легкий поклон, для подчиненных и знакомых;
- б) 30° – средний поклон, более вежливый, предназначен гостям, приходящим в учреждение.
- в) Если поклон адресуется старшим по службе, полагается встать.

3.3. Поклон сидя на полу:

- а) 15° – легкий поклон; сидят согнувшись, подогнув под себя ноги, кончики пальцев опускаются на пол;
- б) 30° – средний поклон; кончики пальцев рук повернуты назад и находятся на полу;
- в) 45° – глубокий поклон; кончики пальцев рук обращены вперед;
- г) 90° – глубокий поклон; спина принимает положение параллельно полу, кисти рук находятся перед коленями и направлены вперед; этот поклон совершают во время обрядов и для приветствия важных гостей.

4. Жест согласия.

- а) Хлопок в ладони один или много раз.
- б) Кивок головой один или несколько раз. Иногда этот жест означает только то, что человек слышит рассказ собеседника.
- в) Поднимают руки над головой, образуя круг. Этот жест означает успех в деле, согласие на просьбу. Адресуется тем, кто находится далеко.

5. Жест отрицания.

а) Двигают запястьем вверх и вниз. Взрослые женщины обычно используют этот жест, когда им говорят комплименты.

б) Покачивают головой.

в) Перед лицом двигают слева направо одной рукой, при этом иногда еще покачивают головой.

г) Перед грудью образуют крест указательными пальцами. Этот жест означает запрет, отмену дела или несогласие.

д) Перед грудью образуют руками крест, иногда двигают локтями слева направо. Адресуется тем, кто находится далеко.

6. Как позвать человека или животное. Когда зовут кого-либо, поднимают руку тыльной стороной вверх и, плотно держа вместе четыре пальца, сжимают и разжимают кисть. А когда приказывают уйти, поднимают руки тыльной стороной вверх и машут кистью.

7. Бан-зай! (Ура!)

При возгласе “Бан-зай!”, поднимают руки. Жест используется, когда поздравляют с победой, успехом и т. д.

8. Извинение.

- а) Поднимают одну руку, поднося к груди, затем отводят руку вперед два или три раза, как режут.
- б) Поклон.
- в) Соединяют ладони.
- г) Хлопают себя в лоб один или несколько раз.
- д) Поднимая руки на головой, соединяют ладони.

9. **Деньги.** Этот жест раньше означал только металлические монеты. А сейчас означает также и бумажные деньги. Иногда означает требование заплатить. Этот жест особенно часто используют мужчины при общении с друзьями.

10. Счет.

Начинают с большого пальца, по очереди сгибают остальные пальцы, считая до пяти. Продолжая считать дальше, по очереди разгибают пальцы, начиная с мизинца.

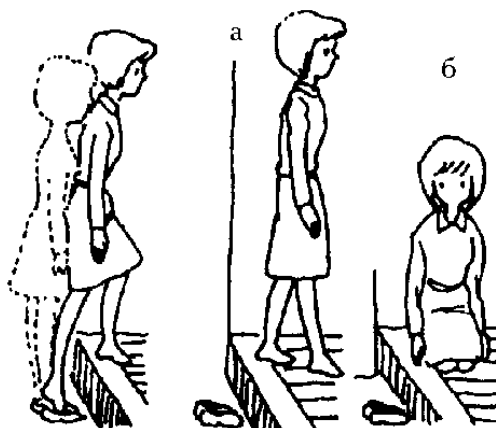
11. Прикрытие рта рукой.

Считает неприличным и невежливым, когда женщина открывает рот и показывает зубы. Раньше женщины мазали зубы черным. Сейчас только закрывают рот рукой, когда смеются или зевают.

12. Как снимать обувь при посещении японского дома.

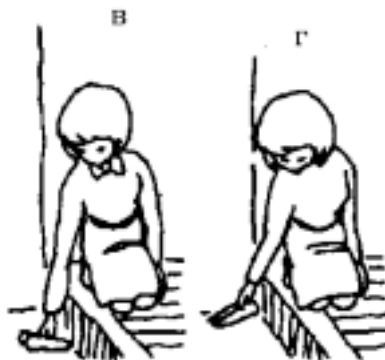
а) Поставить ноги носками вперед, снять обувь и подняться на ступеньку (в японской прихожей есть ступенька, определяющая место, где нужно разуваться).

б) Сесть на колени боком к обуви, стоящей перед ступенькой.

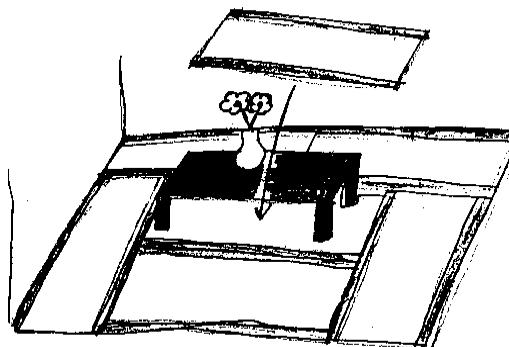
в) Развернуть обувь каблуками к себе.

г) Поставить обувь правее или левее, ближе к стене, где есть свободное место.

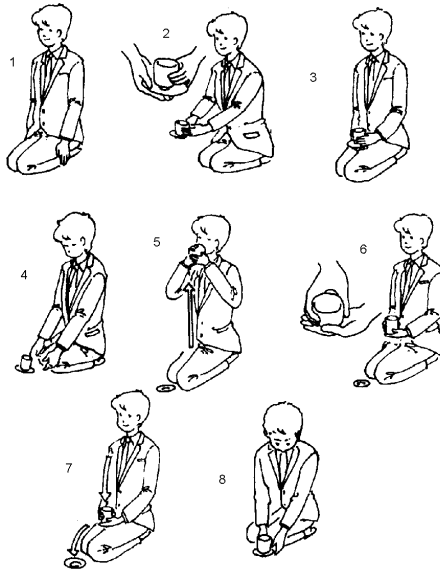
13. Татами.

В японской традиционной комнате настилают татами (соломенный мат). Не полагается входить в тапочках в эту комнату, только в носках или босиком.

14. Чайная церемония.

- 1) Сидят согнувшись, подогнув ноги под себя.
- 2) Держат чашку левой рукой, блюдце или дно чашки правой.
- 3) Подносят чашку с чаем к коленям.
- 4) После небольшой паузы ставят чашку по пол.
- 5) Затем, держа чашку правой рукой, пьют, затем снова подносят к коленям. И так каждый раз.
- 6) Держат дно чашки левой рукой, пьют не спеша, один-два раза делая несколько глотков.
- 7) Все время возвращают чашку к коленям.
- 8) Ставят чашку на блюдце или пол.

15. Молитва.

15.1. В синтоистском храме:

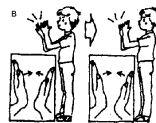
а) сначала делается денежное пожертвование;

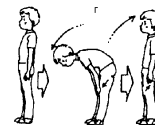
б) глубокий двукратный поклон;

в) хлопок в ладони два раза;

г) в конце делают глубокий поклон один раз.

15.2. В буддийском храме:

а) делается денежное пожертвование;

б) ладони соединяются вместе, глаза закрывают.

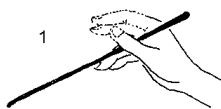
16. Увольнение с работы.

Подняв руку и повернув тыльной стороной вверх, проводят ребром ладони по шее (словно режут бритвой).

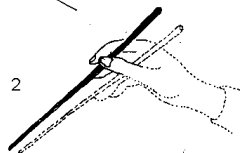

17. Использование палочек.

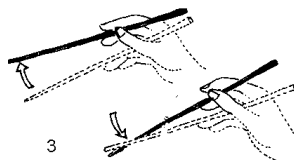
17.1. Положить одну палочку в место соединения между большим и указательным пальцами и на конец безымянного пальца.

17.2. Положить другую палочку между средним и указательным пальцами (параллельно первой), затем положить большой палец на палочку.

17.3. Когда пользуются палочками, то двигают только средним и указательным пальцами.

18. Перед едой и после еды.

Соединяют ладони и подносят к груди, благодаря за еду того, кто ее готовил.

19. Саке.

Когда отказываются от саке, ставят рюмочку вверх дном (это значит, что человек не пьет). Когда пьют саке, поднимают рюмочку. Когда предлагают выпить саке, поднимают бутылку, держа ее обеими руками. Когда произносят тост, говорят «Кан-пай». В Японии не принято наливать спиртное или пиво самому себе. Это должен сделать кто-либо из присутствующих.

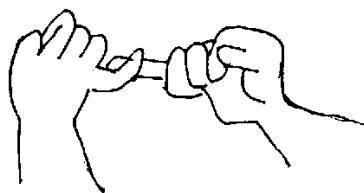
20. Жан-кэн.

В Японии нет орлянки, вместо нее есть жан-кэн. Говорят «Жан, кэн, пон!» и сразу показывают одну из трех фигур: 1) Гу (камень), 2) Чоки (ножницы), 3) Па (бумага). Фигуры обладают разной «силой»: камень выигрывает у ножниц, ножницы — у бумаги, бумага — у камня. Если все показали одинаковые фигуры, то никто не выиграл и игра повторяется еще раз.

21. Жест обещания.

Когда дети обещают что-либо, они сцепляют мизинцы и, покачивая «сцепкой», поют песенку, которая в переводе звучит так: «Клятвенное обещание пальцами. Если совершь, примешь тысячи иголочек». После окончания песенки мизинцы расцепляют.

22. Пощипывание щеки.

Щиплют щеку, когда не могут поверить во что-то. Например, человек сдал экзамен, хотя вероятность успеха была мала. Человек не верит, что это произошло, и щиплет себя за щеку. Если он чувствует боль, то значит, это наяву, а не во сне, в это можно верить.

23. Я.

Говоря о себе, японцы часто показывают указательным пальцем на нос, что означает «я». Реже – на грудь.

24. Если человек хочет есть.

Смотря на стол, показывают указательным пальцем на рот. Этот жест используют дети и шутники.

25. Кагэ – теневые картины.

Образуют руками фигуры животных и направляют тень на сёудзи. Сёудзи – раздвижная бумажная перегородка, которая есть в японском доме.

Литература

1. *Stephen N. Williams* The Illustrated Handbook of American and Japanese Gestures. Japan, Kodansha, 1998.
2. *Огасавара Киёнобу* Свод домашних и официальных манер. Киото, 1987.
3. *Акишина А., Широко Каноу* Словарь русских жестов и мимики. Токио, 1997.

ЛИНГВОПОЭТИКА

О чем прошумела «Гроза» А. Н. Островского?

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 2001

И критики, и литературоведы рассуждают об этом давно и, кажется, продолжают рассуждать до сих пор. Итоги неутешительны, ибо тривиальны, как и любое сверхсоциологизированное объяснение. Упоминаются по привычке “темное царство”, бездуховность, власть денег и деспотизм старших, от которых спасаются двуличностью / фальшью и изворотливостью. Не забывают, конечно, и о “луче” в этом “темном царстве” — сомнительном утешении от всех скорбей.

С такими “итогами” можно было бы согласиться, как соглашаются с ними многие, для которых художественная литература – лишь форма существования обыденного инобытия, измеряемого постепенно и соизмеряемого рефлексивно с другим сходным или несходным инобытием. Словом, эти “итоги” заставляют считать, что сопоставление “образца” (среды в широком смысле этого слова) и “копии” (редупликации среды) позволяет вполне уверенно судить о той сверхзадаче, которую решал писатель (в данном случае драматург Островский) с помощью “игры в персонажи”. И даже суммировать результаты этой игры и выявить ее правила. Короче говоря, предполагается, что художественная игра похожа на шахматную партию (собственно, литературоведение и стремится к тому, чтобы стать учебником, в котором разбираются ходы в этой партии), разыгрываемую фигурами – персонажами с оговоренной зоной компетенции.

Принять такую точку зрения можно, но она, по-видимому, непродуктивна. И прежде всего потому, что рационализирует художественную литературу, лишая ее *символического измерения*, а именно оно и является ядром любого поэтического и прозаического текста. И особенно драматического, в котором символическое существует в профанно-детальной форме, дробно имитирующей спонтанное вербальное и невербальное поведение. Как и всякая имитация / копия, оно стремится к очевидности, к тому, чтобы быть лишь тем, что оно есть, стремится замаскировать мотивы и цели неосознаваемого его эксплицитными / вразумительными подобиями. “Грех” – это и есть одно из таких подобий. И оно не менее важный персонаж пьесы, чем все остальные. Коли это так, то пьеса Островского — прежде всего рассказ о прираще-

нии греховности, спровоцированном излишне частым упоминанием о ней. Рассказ о “вербальном событии”, освобождающемся от своего автоматизма и становящемся объектом интериоризации. Если от слишком частого использования / употребления слова-образа / слова-понятия происходит аннигиляция его смысла в обыденном / узуальном общении, то в художественной речи частота использования слова-образа приводит к его сверхфокусировке и сверхусилению. Иначе говоря, слово-образ “грех” становится сверхнагруженным и сверхчетким в семантико-аксиологическом отношении и интериоризуемым именно в этом своем качестве – в качестве внезапно или постепенно осознаваемой ценности / установки. Это состояние выхода из автоматизма обыденности отнюдь не является комфортным. А учитывая интравертивный тип личности Катерины – невыносимым. И гроза не могла не прийти.

Примечание. Рефлексирующие персонажи крайне редко встречаются в пьесах Островского, что, по-видимому, естественно: существование-в-обыденности запрещает выход за свои пределы, препятствует установлению, говоря словами В. С. Соловьева, сизигических отношений (см.: Соловьев 1991: 138), оставляя человека наедине с самим собой. Правда, выход все же возможен: Аристарх, мастеровой-самоучка из “Горячего сердца”, находит его, “исправляя” реальность ирреальностью, пытаясь внести в сценарий пьесы обыденности элементы игры (см. действие четвертое в “Горячем сердце”; Островский, 1935: 259-268).

Конечно, стократ благороднее тот,
Кто не скажет при блеске молнии:
“Вот она, жизнь!” (Басё. Бусон. Исса... 1993: 91),

но если приходит гроза, то не до слов. Да их и не успевают найти. И не до раздумий о благородстве в условиях пограничной – экзистенциально неустойчивой – ситуации.

Именно в этих условиях совершаются деструктивные – вплоть до самоубийства – поступки, ибо, выламываясь из нахождения-в-обыденности, можно или опуститься ниже нуля существования, или подняться выше его. Словом, возможно или осознание того, что “... исключительно духовная любовь есть, очевидно, такая же аномалия, как и любовь исключительно физическая и исключительно житейский союз” (Соловьев 1991: 139), или самоуничтожение. Катерина выбирает второе. И иного выбора у нее не было, ибо жить, принимая неизбежность этой аномалии, можно лишь в том случае, если и окружающие соглашаются быть аномальными: “Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно, всем нашим существом признать за другим то безусловное центральное значение, которое в силу эгоизма мы ощущаем только в самих себе” (Соловьев 1991: 119).

В “Грозе” вдоволь “своего” эгоизма, не признающего “чужого”, споров и конфликтов одного эгоизма с другим, вдоволь обыденности, исчерпавшей свои возможности. “Гроза” – это обещание времени, в котором не будут признавать то *центральное безусловное значение*, о котором говорил В. С. Соловьев, времени, когда “женщины перестают быть женщинами. Они покидают дом и уходят на форум. Мужчины перестают быть мужчинами. Они покидают форум и возвращаются домой. Женщины хотят быть социально полноценными. Мужчины возвращаются к очагу, к дому, чтобы не быть пустыми. Нет больше ни мужчин, ни женщин; ни общества, ни дома” (Гиренок 1995: 99). Словом, время “Грозы” – это антисизигическое время.

Предугадав наступление этого времени, А. Н. Островский намекнул – в манере, свойственной лишь художнику, – и на глубинные причины деформации межличностных / семейных отношений.

Если “Гроза” – один из видов “бытовой” сказки, а это так, то стоит приглядеться к ее архетипическим составляющим (см. в связи с этим: Франц 1998: 6-68, 97-101, 116-138, 176-188, 257-260), “распределенным” за персонажами пьесы.

Вот семья Кабановых: Марфа Игнатьевна Кабанова (вдова), ее сын Тихон Ильич, Катерина, жена Тихона, Варвара, его сестра. Классический четырехугольник.

Для рассмотрения этого четырехугольника особенно важным, на мой взгляд, оказываются понятия *анима* и *анимус* (см. в связи с этим: Юнг 1994): “Анима в качестве категории женского рода есть фигура, компенсирующая исключительно мужское сознание. У женщин же такая компенсирующая фигура носит мужской характер, поэтому ей подойдет такое обозначение, как *анимус*” (Юнг 1999: 135, прим. № 1). Иными словами, и мужчина, и женщина есть совокупность / целостность и анимы, и анимуса, точнее говоря, анимус есть *женское представление* о мужчине, а анима — *мужское представление* о женщине.

Так как в нашем четырехугольнике соотношение женщин и мужчин равно 3 : 1, то оказывается, что семья Кабановых – это семья-анимус, семья, преимущественно ориентирующаяся на женские представления о мужчинах. Мужские представления о женщинах (Тихон) или осуждаются (см. диалоги Марфы Игнатьевны и Тихона, Тихона и Катерины), или оцениваются как предосудительные (упреки адресуются и Борису Григорьевичу, и Ване Кудряшу).

Катерина пытается даже не уравновесить, а лишь усомниться в целесообразности / комфортности таких непаритетных отношений. И проигрывает: она не нужна подступающему феминистическому будущему.

Л и т е р а т у р а

- Басё. Бусон. Исса.* Летние травы. Японские трехстишия. М., 1993.
Гиренок Ф. И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека). М., 1995.
Островский А. Н. Сочинения. М., 1935.
Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991.
фон Франц Мария-Луиза Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке. СПб., 1998.
Юнг К. Г. Психология бессознательного. М., 1994.

**Сознание и язык.
О явлениях динамики и статики
в языке М. Цветаевой**

© кандидат филологических наук О. К. Грекова, 2001

“Динамика поэтической речи сама по себе есть форма реорганизации времени, – считал И. Бродский, – поэтому в конечном счете каждый поэт стремится к одному и тому же: достигнуть или удержать утраченное или текущее время” [Бродский 1979: 60-61].

В русской языковой картине мира выделены 3 модели восприятия времени [Падучева 1999: 98-101]. **Модель 1** текущего времени представляет время как метафизический процесс, субъектом которого является мир, проходящий через последовательность моментов. По Е. В. Падучевой, этот процесс развития (на наш взгляд – изменения; О. Г.) язык представляет как движение, поскольку он имеет направление. Когда говорят “время идет”, оно движется, по умолчанию, вперед. Вместе с миром движется, глядя вперед, находящийся в мире наблюдатель. Модель текущего времени объясняет пример *У нас еще две недели впереди* и вообще большую часть дейктических употреблений временных слов. Представление о будущем, как о месте, куда мы должны прийти, отражено и в выражении *по достижении намеченного срока*.

Модель 2 скалярная статична, слова *следующий* и *предыдущий* выражают соотношение между точками и отрезками на неподвижной шкале. Эта модель не требует наблюдателя.

Модель 3 встречного движения. Движение мира с впередсмотрящим наблюдателем порождает встречное как бы движение засечек на шкале времен. Когда человек плывет в лодке по реке, ему навстречу как бы движется все, что стоит на берегу. Одна и та же ситуация может концептуализироваться в разных моделях времени: *Жизнь вступила в новую фазу* (модель 1) – *Наступила новая фаза жизни* (модель 3).

На наш взгляд, концептуализация действий и состояний многоплатна: помимо выбора модели времени (происходящего на уровне сознания говорящего) она включает выбор динамического или статического регистра и желание / нежелание проработать и прописать языковыми средствами тип протекания действия или состояния (т. е. дать аспектуальную характеристику). Мы рассмотрим, главным образом, первые два аспекта применительно к поэтическому творчеству М. И. Цветаевой.

В поэтическом языке М. И. Цветаевой преобладающей представляется модель текущего времени 1. *Христос и Бог! Я жажду чуда / Теперь,*

сейчас, в начале дня! / О дай мне умереть, покуда / Вся жизнь как книга для меня. / Ты мудрый, ты не скажешь строго: / “Терпи, еще не кончен срок” / Ты сам мне подал – слишком много! / Я жажду сразу – всех дорог! / Всего хочу: с душой цыгана / Идти под песни на разбой, / За всех страдать под звук органа / И амазонкой мчаться в бой; / Гадать по звездам в черной башне, / **Вести детей вперед**, сквозь тень... / Чтоб был легендой – день вчерашний, / Чтоб был безумьем – каждый день... (1909). Звенят-поют, забвению мешая, / В моей душе слова: “пятнадцать лет”. / О, для чего я выросла большая? / Спасенья нет!... / **Что вперед?** Какая неудача? / Во всем обман, и, ах, на всем запрет! / – Так с милым детством я прощалась, плача, / В пятнадцать лет... (1911) ... И так же будут таять луны / И таять снег, / **Когда промчится этот юный, / Прелестный век.** (1913). Как правая и левая рука / Твоя душа моей душе близка. / Мы смежены, блаженно и тепло, / Как правое и левое крыло. / Но **вихрь встает** – и бездна пролегла / От правого – до левого крыла! (1918).

Из строгого, стройного храма / Ты вышла на визг площадей... / Свобода! – Прекрасная Дама / Маркизов и русских князей. / Свершается страшная спевка, – / Обедня еще **вперед!** / – Свобода! – Гуляющая девка / На шалой солдатской груди! (1917). Нам бессонница – не бремя, / Отродясь кипим в котле. / Так-то лучше. **Будет время** / телу выспаться в земле (1917). Модель текущего времени связана с динамическим аспектом мироощущения и использованием глаголов интенсивного действия (см. в приведенных отрывках – мчаться, жажду, кипеть), а также слов иных частей речи с той же семантикой (*вихрь, шалый*).

Течение времени может ощущаться автором и как повернувшее вспять, надвигающееся (т. е. модель 3): *Стать тем, что никому не мило, / – О, стать, как лед! / – Не зная ни того, что было, / Ни что придет.* (1913). **Настанет день**, – печальный, говорят! – / Отцарствуют, отплачут, отгорят, – / Остужены чужими пятаками, – / Мои глаза, подвижные, как пламя. / И – двойника нащупавший двойник – / Сквозь легкое лицо проступит – лик. / **О, наконец**, тебя я удостоюсь, / Благообразия прекрасный пояс!... (1916).

Модель 3 встречного движения “проступает” как в глагольных формах (*настанет, придет*), так и в лексических средствах (*О, наконец!* – наступление долгожданного, приближавшегося). Модель 3 связана также с одним постоянно присутствующим образом, образом помехи (препятствия), которую мы понимаем, вслед за Н. К. Рябцевой, как “все, что встает или возникает на пути, перегораживает, замедляет, мешает, осложняет, затрудняет, сдерживает, оказывает сопротивление, во что упираются, что надвигается (разрядка наша. – О. Г.) и нависает, ограничивает возможности и свободу действия [Рябцева 1999: 119].

В следующих ниже примерах чувство долга “нависает” над лирическим героем, его возможности ограничены (“Я не посмела... не сумела”, “тщета – во мне она, везде...”), жизнь осложняется тем, что “душу терзало и жгло”, запреты ограничивают свободу (“смеяться, когда нельзя”, “я с вызовом ношу его кольцо”), некая сила мешает (“сотни разъединяющих верст, разъединяющих лет”, “пригвождена”, “что-то цепью за мной волочится”, “дорого дается жизнь”, “...буду брать труднейшую ногу”). *Рыцарь ангелоподобный – / Долг! – Небесный часовой! / Белый памятник надгробный / На моей груди живой. / За моей спиной крылатой / Вырастающий ключарь, / Еженощный соглядатай, / Ежеутренний звонарь...* (1911). *Ни с кем кивком не обменяйся смело, / В себе тоску о прошлом усыпи. / Будь той ему, кем быть я не посмела: / Его мечты боязнь не сгуби! / Будь той ему, кем быть я не сумела: / Люби без мер и до конца любви* (1909-1910). *Это чувство сладчайшим недугом / Наши души терзало и жгло. / Оттого себя чувствовать другом / Мне порою до слез тяжело* (1911). *Идешь на меня похожий, / Глаза устремляя вниз, / Я их опускала – тоже! / Прохожий, остановись! / ... Не думай. Что здесь – могила, / Что я появлюсь, грозя... / Я слишком сама любила / Смеяться, когда нельзя...* (1912). *Я с вызовом ношу его кольцо! / – Да, в вечности жена, не на бумаге. – / Его чрезмерно узкое лицо / Подобно шаге... / В его лице я рыцарству верна, / – Всем вам, кто жил и умирал без страху! – / Такие – в роковые времена – / Слагают стансы – и идут на плаху* (1914). *Никто ничего не отнял – / Мне сладостно, что мы врозь! / Целую вас через сотни / Разъединяющих верст... / На страшный полет крещу вас: / – Лети, молодой орел! / Ты солнце стерпел, не цурясь, – / Юный ли взгляд мой тяжел? / Нежней и бесповоротней / Никто не глядел вам вслед... / Целую вас – через сотни / Разъединяющих лет* (1916).

Пригвождена к позорному столбу / Славянской совести старинной, / С змеею в сердце и с клеймом на лбу, / Я утверждаю, что – невинна (1920). *Не хочу ни любви, ни почестей; / Опьянительны. Не падка! / Даже яблочка мне не хочется / – Соблазнительного – с лотка... / Что-то цепью за мной волочится, / Скоро громом начнет греметь. / – Как мне хочется, / Как мне хочется – / Потихонечку умереть* (1920). *Некоторым – не закон. / В час, когда условный сон / Праведен, почти что свят, / Некоторые не спят... / Некоторым, без кривизн – / Дорого дается жизнь* (1922). *... Какие чаянья – когда насквозь / Тобой пропитанный весь воздух свыкся! / Раз Наксоном мне собственная кость! / Раз собственная кровь под кожей – Стиксом! / Тщета! Во мне она! Везде! / закрыв / Глаза: без дна она! Без дня! И даже / Лжет календарная... / Как ты – разрыв. / Не Ариадна я и не... / Утрата!...* (1923). *А покамест еще в тенётах / Не увязла – людских кривизн, / Буду брать – труднейшую ногу, / Буду петь — последнюю жизнь* (1923).

Помеха и препятствие, встречающиеся в поэтических строках М. И. Цветаевой, есть также косвенное проявление динамики. Помешать и препятствовать можно только движущему (в том числе к определенной цели) или просто меняющемуся (что тоже есть динамика) объекту.

При выборе статического концепта окружающего мира М. Цветаева все же стремится придать ему динамичность. Одной из скрытых пружин такой динамики нередко является предпочтение, отданное автором собирательному множеству явлений (т. е. представлению всех их в совокупности) перед разделительным множеством (т. е. представлением каждого из них в отдельности). *Бездумье – и благоразумье, / Позор – и честь, / Все, что наводит на раздумье, / Все слишком есть – / Во мне! – Все каторжные страсти / Слились в одну! / Так в волосах моих – все масти / Ведут войну! Я знаю **весь** любовный шепот / – Ах, наузуть! – / Мой 22-летний опыт / – **Сплошная** грусть* (1915). *Знаю **все**, что было, **все**, что будет, / Знаю **всю** глухонемую тайну, / Что на темном, на косноязычном / Языке людском зовется – Жизнь* (1918). *Так из дому, гонимая тоской, – тобой! – **всей** женской памятью, **всей** жаждой, / **Всей** страстью – позабыть! – Как вал морской, / Ношусь вдоль **всех** итышков, мешков и граждан... Так, в скудном труженичестве дней, / Так, в трудной судорожности к ней, / Забудешь дружественный хорей / Подруги мужественной своей... / **Все** древности, кроме: дай и мой, / **Все** ревности, кроме той земной, / **Все** верности, — но и в смертный бой / Неверующим Фомой... (1922). *Чтоб высказать тебе... Да нет, в ряды / И в рифмы сдавленные... Сердце – шире! / Боюсь, что мало для такой беды / **Всего** Расина и **всего** Шекспира* (1923).*

Описание статических ситуаций может быть связано и с глаголами интенсивного действия и логическим оператором **так всегда**. *Так **вслушиваются** в исток / Вслушивается – устье. / Так **внюхиваются** в цветок: / Вглубь – до потери чувства! / Так в воздухе, который синь – / Жажда, которой dna нет. / Так дети, в синеве простынь, / **Всматриваются** в память. / Так **вчувствуется** в кровь / Отрок – доселе лотос. / Так **влюбливаются** в любовь: / **Впадываются** в пропасть...* (1923). Здесь и далее следуют глаголы той же семантики: ***вглатываются, вработываются, вплакиваются.***

“Нетипичная” для поэзии М. Цветаевой статичная модель времени 2 имеет лишь одиночные проявления, которые, отрицая временные связи, похожи на отрицание логики миропорядка: *Нету для души моей спасенья. / **Нету за субботой воскресенья*** (1916). Подобные редкие случаи, видимо, можно было бы поставить в один ряд с “брожениями по шкале времен”, когда личностная оптика автора позволяет ему укрупнять события и уменьшать их, видеть их то реальными, то метафизическими (или и теми, и другими одновременно). В этом случае в сознании и речи автора возни-

кает принцип эха: реальное событие откликается эхом в вечности и, наоборот, целый космос кристаллизуется в одном событии: *Я Вас люблю всю жизнь и каждый день. / Вы надо мною как большая тень, / Как древний дым полярных деревьев. / Я Вас люблю всю жизнь и каждый час. / Но мне не надо Ваших губ и глаз. / Все началось и кончилось – без Вас* (1918). *Я с вызовом ношу его кольцо! / – Да, в вечности жена, не на бумаге...* (1914). *И не раскроются – так надо – / О, пожалей! – Ни для заката, ни для взгляда / Ни для полей – / Мои опущенные веки. / Ни для цветка! – Моя земля, прости навеки, На все века... Над Феодосией угас / Навеки этот весенний день* (1914).

Статичному полотну, заполненному стативами-результативами, динамику придают протяженные ряды однородных сказуемых, создающих эффект “расширения территории слова”, когда происходит нанизывание на длинные нити разных имен действия: *Рас-стояние: версты, мили... / Нас рас-ставили, рас-садили, / Чтобы тихо себя вели / По двум разным концам земли. / Рас-стояние: версты, дали... / Нас расклеили, распаяли, / В две руки развели, распяв, / И не знали, что это – сплав / Вдохновений и сухожилий... / Не рассорили-рассорили, / Расслоили... стена да ров / Расселили нас, как орлов...* (1925). Особый эффект этого приема связан с тем, что расширение происходит по-разному. Кроме расширения на метафорической основе, возможно расширение как уточнение состава предмета: *Где – ты? Где – тот? / Где – сам? Где – весь? / Там – слишком там, / здесь – слишком здесь...* (1935) – и другие типы.

Говоря о предпочтении, отданном М. Цветаевой определенным временным концептам, о статичности и динамичности ее поэтической речи, надо отметить многообразие ее динамики. Это динамика движения в пространстве, динамика изменения с преодолением помех и препятствий, динамика смены состояний. Динамика интенсивных действий на фоне статичных полотен, динамика “эха события”.

Концептуализация русскоязычной картины мира занимает сейчас многих славистов. Одна из ярких ее страниц – концепт мира М. И. Цветаевой.

Л и т е р а т у р а

1. Бродский И. Поэт и проза // Бродский о Цветаевой. М.: Независимая газета, 1997
2. Падучева Е. В. Глаголы движения и их стативные дериваты (в связи с так называемым движением времени) // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Наука, 1999.
3. Рябцева Н. К. Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве. Там же.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Эстетическая деятельность читателя художественной литературы и её методическая интерпретация

© кандидат педагогических наук Н. В. Кулибина, 2001

1.0. Эстетический аспект деятельности писателя и читателя

Под эстетической речевой деятельностью обычно понимается деятельность автора, писателя, направленная на создание художественного произведения¹. Однако многими исследователями подчёркивается, что эстетическая ценность произведения художественной литературы выявляется только в процессе его восприятия ([Пищальникова 1992; Исаева 1996] и др.). Исходя из этого, следует признать, что и деятельность, направленная на понимание литературного произведения, иными словами, чтение художественной литературы должно носить особый – эстетический – характер, что, на наш взгляд, в первую очередь связано со спецификой когнитивной деятельности читателя при восприятии словесных образов².

Если рассматривать акты представления смыслов средствами языкового выражения художественного текста как действия, составляющие эстетическую речевую деятельность писателя [Пищальникова 1992], то акты извлечения смыслов из соответствующих языковых средств можно представить как действия, составляющие эстетическую речевую деятельность читателя.

Иная деятельность по эстетическому освоению художественного произведения (например, познание художественного текста в категориях стилистики художественной речи, т. е. выявление в нём определённых тропов, стилистических фигур, метафор и др.) выходит за рамки собственно речевой деятельности и нами не рассматривается как не имеющая прямого отношения к лингводидактике. Считаем необходимым пояснить, что именно мы имеем в виду.

¹ Например, В. А. Пищальникова пишет: «Целью эстетической речевой деятельности является адекватная репрезентация личностных смыслов, а результатом её – художественный текст как совокупность эстетических речевых актов, представляющая определённое содержание концептуальной системы автора» [Пищальникова, Сорокин 1993: 7].

² О словесных образах см. [Кулибина 1987; Кулибина 2000].

Нередко обучаемые (это относится прежде всего к студентам-филологам) вместо ответа на вопрос, как они понимают то или иное выражение (словесный образ) текста или чем отличаются синонимы от использованного автором слова, кратко отвечают на первый вопрос: “Это метафора!”, а на второй – “Стилем (Стилистической окраской)!” Несмотря на то, что эти ответы, как правило, верны, мы считаем их неполными, так как они отнюдь не свидетельствуют о понимании смысла разбираемых выражений.

Мы исходим из того, что эстетическое восприятие текста – это прежде всего выявление или воссоздание (а в условиях учебной деятельности и вербализованное описание) скрытых смыслов, образов, представлений, передаваемых средствами языкового выражения, а не просто квалификация того или иного выражения как “метафорического”, “стилистически окрашенного” и т. п.

Для того, чтобы избежать двусмысленности (ввиду многозначности термина “эстетический”) в ходе дальнейших рассуждений, обозначим аспект деятельности читателя художественного текста, обеспечивающий восприятие образности (словесных образов) художественного текста, как психопоэтический.

1.1. Понимание термина «психопоэтика»

Валерий Брюсов писал в книге «Ремесло поэта»: «Навеки останется незаполнимая пропасть между идеей (поэтической мыслью) и словом; слово навсегда останется неадекватным переживанию, всегда будет выражать мысли и чувства лишь приблизительно. Но задача поэта – выразить себя именно в слове».

Позволим себе продолжить рассуждения поэта: задача читателя – извлечь поэтическую мысль и переживания писателя из сказанных им слов.

По мнению Е. Г. Эткинда, проблемами связи мысли со словом, которое её вербализует, должна заниматься психопоэтика, а именно: “область филологии, которая рассматривает соотношение мысль – слово, причём термин “мысль” здесь означает не только логическое умозаключение (от причин к следствиям или от следствий к причинам), не только рациональный процесс понимания (от сущности к явлению и обратно), но и всю совокупность внутренней жизни человека” [Эткинд 1999: 12].

Этим же термином «психопоэтика» разные исследователи называют различные, не всегда совпадающие объекты: «обычно имеется в виду раздел психологии художественного творчества или психологии восприятия художественной литературы, связанный с психологической

интерпретацией композиции, сюжета, образа автора и т. д.» [Леонтьев 1999: 199].

В. А. Пищальникова понимает психопэтику как психолингвистику художественной речи (художественного текста) [Пищальникова, Сорокин 1993].

А. А. Леонтьев предлагает более узкое понимание этого термина: «Мы понимаем под психопэтикой психолингвистику не всякой художественной речи, а только стихотворной. Иначе говоря, в нашем понимании психопэтика занимается психолингвистическими особенностями стиха» [Леонтьев 1999: 199].

Наиболее близкой нам является интерпретация психопэтики, предлагаемая В. А. Пищальниковой; однако мы также несколько сужаем сферу психопэтики, но с других позиций: исходя из приоритетных для нас лингводидактических задач, вопросы психолингвистики художественного творчества нами не рассматриваются.

1.1.1. Наше понимание психопэтики

Под психопэтическим аспектом чтения художественной литературы мы понимаем смысловое восприятие образного плана средств языкового выражения художественного текста: восприятие слов художественного текста как словесных образов, иными словами, восприятие стоящих за словами, как правило, эксплицитно не выраженных мыслей, чувств, переживаний и др.

Выделяя наряду с когнитивным аспектом чтения художественной литературы психопэтический аспект, который также предполагает определённого рода когнитивную обработку языковых данных, мы вполне отдаём себе отчет в известной искусственности этого разделения. Однако оно представляется нам оправданным, так как позволяет более точно представить структуру деятельности читателя и, соответственно, смоделировать её (при помощи вопросов и заданий) на этапе притекстовой работы над художественным текстом на языковом учебном занятии.

В реальной практике чтения литературного произведения носителем языка процессы восприятия понятийного и образного планов средств языкового выражения причудливым образом переплетаются. Причём понимание на понятийном уровне происходит как бы подсознательно, а светлое поле сознания фиксирует прежде всего воспринимаемые образы. Сознательные усилия, направленные на коррекцию восприятия на понятийном уровне, обычно требуются от читателя лишь при наличии затруднений в связи с тем, что в этом случае необходимые образы-представления у него просто не возникают (т. е. ситуация аналогична той, которая имеет место при восприятии текста читателем-

инофоном). Нередко читателю носителю языка бывает трудно объяснить, почему при чтении текста у него возникают те или иные образы, представления; предложение объяснить, каким образом он пришёл к ним, ставит читателя в тупик.

Например, мы неоднократно предлагали носителям языка (как филологам, так и представителям других специальностей, а также старшим школьникам) после чтения стихотворения Б. Пастернака «Зимняя ночь» ответить на вопрос: «О чём оно?» Единодушие было удивительным: все (!) говорили о любви, о любовном свидании, о влюблённых, о мужчине и женщине и т. п., но мало кто, даже обратившись к тексту, сразу мог объяснить, на основании чего появились эти образы. Однако возможность более длительных размышлений позволяла читателям ответить и на этот вопрос.

Читатель-инофон, как показывает наша практика, приходит к воссозданию словесных образов текста через осмысление значений мотивирующих их языковых единиц. Однако в связи с тем, что комбинаторика смыслов не имеет для него своей «магической обязательности» (Б. А. Ларин), результат не всегда получается удовлетворительным³.

Приведённый (и подобные ему) пример указывает на наличие двух планов мыслительной деятельности читателя: «логического» и «образного», или в нашей терминологии – когнитивного и психопоэтического. Важное значение для первого имеет категория понятия, для второго – представления.

2.0. Роль понятий и представлений в мыслительной деятельности читателя

С. Л. Рубинштейн писал: «Всякое мышление совершается в более или менее обобщённых, абстрактных понятиях, и во всякое мышление включаются более или менее наглядные чувственные образы; понятие и образ-представление даны в нём в неразрывном единстве» [Рубинштейн 1999: 334].

Понятие и представление «не тождественны, но между ними существует единство; они исключают друг друга, как противоположности, поскольку представление образно-наглядно, а понятие не наглядно, представление – даже общее – связано более или менее непосредственно с наглядной единичностью, отражает явление в его более или менее

³ В нашем архиве есть следующие интерпретации словесных образов того же стихотворения иностранными читателями:

- «скрещение рук» вызывает представление о лежащем в гробу покойнике;
- «падали два башмачка» объясняется так: «он сидит в кресле, поджав ноги, и у него упали тапочки»;
- «жар соблазна» – это эротические видения монаха и т. п.

непосредственной данности, а в понятии преодолевается ограниченность явления и раскрываются его существенные стороны в их взаимосвязи» [там же: 329].

Основное различие между представлением и понятием заключается в том, что первое – это образ, который возникает в индивидуальной сознании, а второе – “опосредованное словом образование, продукт исторического развития” (С. Л. Рубинштейн).

Таким образом, в реальном процессе мышления представление и понятие существуют в некотором единстве как явление и сущность, единичное и общее в самой действительности. Представление “имеет тенденцию к понятию, к тому, чтобы в единичном представить общее, в явлении – сущность, в образе – понятие» [там же]. По мнению С. Л. Рубинштейна, связь между понятием и представлением особенно ярко проявляется в моменты затруднений, когда “протекающая в понятиях мысль” прибегает к наглядным примерам с тем, чтобы “отдельные детали, данные в представлении и утраченные в абстрактном понятии, как бы натолкнули мысль на решение задачи, указали выход из затруднения...” [там же: 330].

Образ не просто иллюстрирует мысль, он её обогащает. В этом можно убедиться на примере любой метафоры. Возьмём начало стихотворения О. Э. Мандельштама:

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлений,
Что над Элладою когда-то поднялся.

Выделенная метафора не только представляет «голый» факт: порядок, последовательность движения кораблей, но и передаёт эмоциональное состояние поэта, его отношение к описываемому. Сравнение строя боевых кораблей с выводком утят, плывущих за матерью, довольно неожиданно, однако оно позволяет читателю понять, что чувствует поэт по отношению к ахейцам: сочувствие, сострадание, жалость, тревогу за их судьбу, т. е. чувства, которые мы испытываем к тем, кто слабее, беззащитнее нас. Поэт ощущает себя мудрым пророком, он предвидит будущее, да просто знает, какая трагедия совершится, и хотел бы предостеречь их, но ахейцы безрассудно стремятся навстречу неизвестности и гибели.

Метафорические образы имеют смысл потому, что они передают больший объём информации, чем формулировка мысли в общем положении. Спецификой художественного образа является не наглядность, а выразительность.

«Образное мышление», по словам С. Л. Рубинштейна, является «специфическим видом мышления» [там же: 336].

3.0. Понятийный и образный уровень смыслового восприятия

В процессе смыслового восприятия результата художественного творчества – текста литературного произведения – деятельность читателя (в том числе и читателя-инофона) протекает как бы в двух плоскостях: на понятийном и образном уровнях, оперируя то понятиями, то представлениями.

В случае, если обучаемым неизвестна сама языковая единица, на базе которой возникает словесный образ, применяется одна (при необходимости — несколько) из стратегий идентификации слова [Кулибина 2000]. После того, как значение соответствующей языковой единицы становится для обучаемых понятным, наступает черёд выявления её смысла, для чего могут быть использованы как когнитивные стратегии выявления смысла словесного образа, так и собственно психоэстетические стратегии воссоздания читательских представлений.

3.1. Когнитивные стратегии выявления частного смысла словесного образа

Стратегии выявления смысла словесного образа обеспечивают понимание словесных образов на понятийном уровне. Они представляют собой некоторые общие инструкции, которыми следует руководствоваться читателю-инофону в случае затруднений с идентификацией словесных образов художественного текста.

3.1.1. Подбор синонимов

В процессе восприятия иноязычного художественного текста, мы нередко (в силу разных причин) довольствуемся пониманием лишь некоторых общих языковых значений, не задумываясь о том, почему автором выбраны именно эти слова, почему так сказано и т. п. Заметить и оценить особенность использованного писателем языкового средства, его уникальность и точность, а также осознать невозможность замены помогает такой несложный приём как подбор синонимов, т. е. выстраивание цепочки языковых единиц, близких по значению, но отличающихся оттенками (семантическими, стилистическими и др.).

Например, для глагола «бродить» в стихотворении А. А. Ахматовой «Смуглый отрок бродил по аллеям» можно подобрать следующие синонимы: «ходить», «гулять», а для авторской номинации главной героини из рассказа В. Распутина «Рудольфио» – «девчонка» – выстраивается такой синонимический ряд: «девушка – девочка – девица – дева – девка»; для последнего слова последней строчки стихотворения Дм. Пригова («А завтра, может, и помрёт») подбирается стилистически нейтральный вариант «умрёт» и т. п.

Использование этой стратегии помогает читателю оценить богатство возможностей, которое предоставляет писателю язык. О пользе применения этой стратегии для достижения собственно лингводидактических целей думается и говорить излишне.

3.1.2. Анализ различий в значениях синонимов

Уяснение оттенков значений синонимов помогает читателю представить, какие дополнительные смыслы возникают (или исчезают) в тексте благодаря их подстановке вместо использованного автором.

Например, с использованием стилистически нейтрального глагола «умрёт» вместо просторечного варианта «помрёт» конец стихотворения Дм. Пригова теряет значительную долю экспрессивности: он перестаёт быть шоком для читателя, который благодаря грубому слову гораздо острее может почувствовать трагическую несправедливость жизни.

Особый интерес представляет тот случай, когда сам автор использует в тексте весь синонимический ряд: например, в стихотворении Б. Пастернака «Зимняя ночь» «И всё терялось в снежной мгле Седой и белой». «Избыточное» (на первый взгляд) использование синонимов показывает, что для текста существенно не только и не столько их общее значение, сколько те оттенки, нюансы, которые каждый из них вносит в текст. «Снежная (мгла)» — скорее всего, именно прямое значение, т. е. «воздух, потерявший свою прозрачность из-за снега»; «седая» — смыслы, возникающие по ассоциации: «старая (древняя, вечная), мудрая»; «белая» — также ассоциативные оттенки: «чистая, непорочная, юная».

Для большей наглядности может быть использован стилистический эксперимент (термин А. М. Пешковского), т. е. подстановка в текст вместо использованного автором слова его синонимов.

3.1.3. Выявление смысла единицы языкового выражения с опорой на художественный контекст (ситуацию или тему художественного текста)

Рассмотрим действие этой стратегии на примере стихотворения Дм. Пригова:

*Ел шашлык прекрасный сочный
А быть может, утром рано
Эти бедные кусочки
В разных бегали баранах
Разно мыслили, резвились
А теперь для некой цели
Взяли да объединились
В некий новый, некий цельный
Организм.*

Первую строку этого стихотворения читатель воспринимает как начало монолога гурмана, описывающего великолепный стол, и в этом контексте понимание слова «шашлык», как правило, не вызывает затруднения⁴. Однако после первой строки текст, а вслед за ним и мысль читателя делают крутой поворот, оказывается: «бедные (т. е. несчастные) кусочки» шашлыка – это частички «мыслящих (да ещё по-разному!) и резвящихся баранов», которые «взяли (добровольно) да объединились» в некое организованное целое, оказавшееся «сочным шашлыком», «для некой цели» — очевидно, чтобы быть съеденными. Опора на художественный контекст – абсурдистские (на первый взгляд) построения поэта – и контекстуальный синоним «организм (да ещё новый и цельный)» позволяют выявить скрытые смыслы, понять метафору «шашлык».

3.1.4. Привлечение фоновых (экстралингвистических внетекстовых) знаний для уточнения смысла слова

Слово «бараны» появилось в этом контексте явно не случайно: во-первых, настоящий шашлык (так сказать, “родной”) – это шашлык из баранины;

во-вторых, и это более важно, в русской разговорной речи слово баран/бараны используется не только в своём прямом значении, но и в переносном, т. е. в тех случаях, когда говорящий с презрением отзывается о людях, глупых, слепо следующих за кем-то, безропотно подчиняющихся чужой воле и т. п.

Опора на указанные фоновые знания обогащает смысловое восприятие стихотворения, однако ещё большую глубину оно получает, если читатель вновь обращается к художественному контексту: «бараны» здесь удивительные, они беззаботно резвятся, как дети, и обладают способностью «мыслить», а не просто думать, да ещё «разно» и т. д.

Благодаря опоре на художественный контекст и привлечению фоновых знаний читатель может постичь действительный смысл этого стихотворения, который оказывается глубже и трагичнее, чем кажется на первый взгляд. Оно о людях, разных, мыслящих и наслаждающихся жизнью, однажды решивших совершенно свободно, как им казалось, создать некую организацию для достижения высокой благородной (по их мнению) цели. Их вина или беда в том, что результат их усилий был использован не так, как они предполагали, и что они оказались слепыми исполнителями чужих желаний, чужой злой воли, которая привела их к гибели.

⁴ Название популярного блюда кавказской кухни (в некоторых странах его рекламируют как блюдо русской кухни) проникло во многие языки.

Нами были перечислены основные стратегии выявления смысла словесного образа. Этот список нам представляется открытым, каждый преподаватель может дополнить его своими приёмами, выработанными либо в ходе собственной читательской деятельности, либо в результате анализа действий обучаемых при чтении художественных текстов.

Наблюдение над восприятием художественного текста читателями-инофонами в условиях языкового учебного процесса приводит нас к тем же выводам, которые сделаны В. А. Пищальниковой: «Понимание языковых выражений, которые представляют действия эстетической речевой деятельности, приводит к определению воспринимающим смыслов художественного текста. Смысл художественного текста можно рассматривать и как результирующую смыслов отдельных языковых выражений, составляющих его, рассмотренных во взаимоотношении» [Пищальникова, Сорокин 1993: 9].

Однако восприятие средств языкового выражения художественного текста только на понятийном уровне не даёт читателю полноценного его постижения: перевод словесных образов текста на обычный язык лишает их восприятие читателем живости, яркости, интимности, выразительности и объемности.

Художественный текст должен переживаться читателем, а не просто пониматься. И важную роль в этом процессе играют «читательские представления» (термин О. И. Никифоровой).

3.2. Понятие «читательских представлений».

Как известно, основное отличие представления от понятия заключается в том, что представление – это образ, который возникает в индивидуальном сознании и несёт отпечаток порождающего его воображения, оно субъективно, тогда как понятие – объективно, оно «принадлежит» всем.

В процессе художественного творчества происходит «осознание мира через освоение его путём творческого воссоздания» [Виноградов 1981: 119]. В результате возникает особый мир, который В. Г. Белинский называл «художественным миром», а А. И. Герцен – «эстетической реальностью». Движущей силой этого процесса, по мнению В. В. Виноградова, является творческая фантазия писателя, которая ведёт «к формированию образов и символов – конкретных и вместе с тем многозначных» [Виноградов 1981: 120]. Материалом для создания этих образов и символов являются писательские представления.

Многие исследователи отмечают принципиальную близость процессов создания и восприятия художественных произведений. «Давно известно, что понимание художественного произведения есть в некото-

рой мере повторение творчества художника” (Овсянико-Куликовский, цит. по [Левидов 1983: 288]).

Почему произведение искусства оказывается способным пробудить “художественную мысль” у простого читателя, т. е. человека, не занимающегося творческой деятельностью?

К. Колдуэлл так отвечает на этот вопрос: “... поэзия, чтобы стать таковой, должна обладать чем-то большим, нежели непосредственная эмоциональная сила, происходящая от индивидуального опыта, не раскрываемого или не раскрытого в социальной форме... И поэтическое я — это я, общее для эмоциональных миров всех людей, находящихся в процессе общения... Этим определяется устойчивый, социально обусловленный и объективный характер эстетических эмоций” (цит. по [Леонтьев 2000: 331]; выделено нами. – Н.К.).

Сотворчество при восприятии литературного произведения заключается в том, что в сознании читателя возникают представления, аналогичные тем, которые были положены писателем в основу создания образной ткани художественного произведения. Данные психологических экспериментов показывают, что это происходит в процессе первого чтения, или “непосредственного восприятия” (термин О. И. Никифоровой), произведения, когда образы текста усваиваются читателем в форме читательских представлений [Никифорова 1972].

По своей природе и назначению читательские представления должны соответствовать содержанию текста, т. е. быть объективными. В художественном произведении всегда (хотя бы “пунктиром”, по выражению В. Ф. Асмуса) намечено направление творческой работы читателя: содержание произведения воссоздаётся читателем по ориентирам, данным в самом произведении.

Однако конечный результат этой работы определяется “умственной, душевной, духовной деятельностью читателя” [Асмус 1961: 42]. Образы текста воссоздаются читателем на основе индивидуального, в каждом конкретном случае различного жизненного опыта. Следовательно, они субъективны. Чем богаче и разнообразнее жизненный и читательский опыт личности, тем большее число художественных образов и большая глубина постижения их объективного содержания доступны ей.

Различия в восприятии произведения литературы могут быть обусловлены не только субъективными причинами. Они могут быть порождены самим произведением, его содержательностью, глубиной проникновения в психологию персонажей, богатством изобразительных средств, а также заложенным в нём изначально многообразием путей его восприятия и осознания [Асмус 1961]. Иначе говоря, мера

субъективного, индивидуального в читательских представлениях может быть объективно обусловлена особенностями художественного текста.

Таким образом, читательские представления есть “субъективные образы объективного содержания художественного текста” [Никифорова 1972: 13].

Объективность содержания делает их средством познания образного плана художественного текста, а индивидуальный, субъективный момент в них обуславливает яркость, живость и интимность переживания образов текста.

В процессе восприятия текста потерь тем меньше, чем больше общего в жизненном опыте писателя и читателя, а также чем разнообразнее читательский опыт адресата художественного творчества, чем лучше его знакомство с культурой страны, национальными литературными традициями и эстетическими ресурсами общенационального языка.

Если человек бывал в стране, о которой он читает, если он видел улицы её городов, сельские пейзажи или интерьеры квартир, знает, какая там погода зимой или летом, пробовал пищу, которую едят её жители, и т. п., ему будет гораздо проще представить при чтении всё это и многое другое.

Однако, как показывает практика, читатель-инофонец не всегда соотносит безусловно известные ему сведения о культуре страны с текстом читаемого литературного произведения, фоном для которого (а иногда и частью содержания которого) они являются: первыми в светлом поле сознания попадают образы, ассоциации и оценки, присущие родной культуре.

С другой стороны, и читатель, который никогда не бывал в чужеземных краях, может, и не без успеха, попытаться вообразить то, о чём читает. И в том, и в другом случаях помогут психопоэтические стратегии воссоздания читательских представлений

3.2.1. Действие психопоэтических стратегий воссоздания читательских представлений.

Образы-представления той или иной степени яркости, интенсивности, осознанности и т. п. – “образные отклики” (Б. М. Гаспаров) – потерь возникают в человеческом сознании не только при чтении художественной литературы; это в известной степени закономерность нормальной речевой деятельности.

Способность человека “откликаться на каждую отдельную частицу языкового материала и на композиции, которые возникают из их объединения в речи, образными представлениями, спонтанно возникающими в сознании, составляет неотъемлемую черту языковой дея-

тельности, столь же необходимую для её успешного осуществления, как владение множеством коммуникативных фрагментов и умение интегрировать их в высказывание” [Гаспаров 1996: 246]. Каждый может убедиться в этом на собственном опыте, постаравшись зафиксировать те мысленные «иллюстрации» — образные отклики, которые возникают в сознании при предъявлении того или иного слова: например, Б. М. Гаспаров описывает собственные образные представления, вызываемые словом трава [там же: 247-248 и далее].

В обыденном речевом общении эти «образы» имеют «эфирно-текучую природу» (Б. М. Гаспаров): они очень подвижны, изменчивы, складываются («перетекают») во всё новые, бесконечно разнообразные очертания, практически не фиксируются мыслью.

При чтении художественной литературы их роль возрастает. При восприятии метафорических выражений в сознании читателя возникают образные отклики на все возможные планы метафоры, они как бы накладываются друг на друга; например, при восприятии уже упоминавшейся нами метафоры О. Э. Мандельштама «... список кораблей, Сей длинный выводок...» читатель одновременно «видит» и строй движущихся кораблей, и выводок плывущих за матерью утят «как бы в виде нескольких фотографических снимков, снятых на один кадр. Если такой эффект возникает он переживается говорящим субъектом как эффект «переноса» значения» [там же: 264].

Способность человеческого сознания создавать при чтении художественной литературы читательские представления представляется нам дальнейшим развитием присущего ему свойства “образно” откликаться на каждую частицу языкового материала.

Когнитивной основой воссоздания читательских представлений является житейский (включая и читательский) опыт человека, а также его способности “разумного рассуждения” и воображение.

При чтении мы представляем, например, не того самого человека, которого изображает писатель (мы его никогда не видели), а создаём нечто своё “по мотивам” авторского описания. Осмысляя то, что сообщает нам автор, мы отыскиваем в “архивах” нашего воображения подходящие представления о внешности персонажа, его одежде, голосе, запахе, поведении и др. или создаём новые представления, так или иначе комбинируя элементы имеющихся.

При чтении художественного произведения на родном языке читательские представления возникают подсознательно, как бы автоматически, обычно осознаётся только результат, тот зрительный, слуховой и пр. образ, который отпечатывается в воображении. При работе в иностранной аудитории обучаемых, даже имеющих соответствующий опыт чтения художественной литературы на родном языке, необходимо ори-

ентировать на сознательное проведение действий по воспроизведению читательских представлений.

Связь между наличным опытом читателя, когнитивной основой имеющихся у него представлений, полученных в результате всей предыдущей жизни, и “новым гносеологическим опытом” (Г. И. Богин) (в нашем случае – ситуацией текста) устанавливается в результате действия рефлексивного механизма.

Рефлексия выполняет роль своеобразного “канала связи”, благодаря которому к читателю поступают представления, необходимые для освоения того или иного фрагмента текста: “новый образ окрашивается наличным опытом, а опыт обновляется и пополняется” [Богин 1991: 21].

Необходимо иметь в виду, что рефлексия пробуждается только при возникновении затруднений в восприятии как способ их преодоления. Вместе с тем каждому преподавателю известно, что далеко не всегда читатель-инофон замечает неполноту или искажённость собственного восприятия художественного текста. Поэтому преподаватель должен с помощью соответствующих вопросов и заданий провоцировать ситуацию непонимания, заставляя тем самым обучаемых объяснять, толковать, интерпретировать потенциально “тёмный” фрагмент текста, дополняя понятийный ряд описанием образов-представлений, возникающих в воображении.

В реальной педагогической практике возможны два варианта (типа) ситуаций.

Первый связан с тем, что у читателя-инофона имеются необходимые (подлинные), соответствующие ситуации текста образы-представления. Это бывает в случаях либо совпадения культур (1), либо хорошего знакомства читателя-инофона с культурой автора текста (2).

Например, восприятие (понимание и переживание) стихотворения Б. Пастернака «Зимняя ночь» предполагает ряд представлений, связанных с образами русской зимней ночи, снежной, метельной, а также вообще с картинами русской зимы и эмоционально-приподнятыми оценками этого времени года у русских в духе: «Татьяна (русская душою, / Сама не зная почему) / С её холодной красотою / Любила русскую зиму».

(1) Жителю, например, Финляндии, природа и климат которой похожи на российские, не сложно вообразить всю эту красоту и вызвать в воображении необходимые эмоции.

(2) Читатель, на родине которого никогда не бывает снега, в том случае, если он бывал в России в зимнее время или видел зимние пейзажи в кино и т. п., также в состоянии воссоздать необходимые читательские представления.

Преподавателю следует помочь обучаемым «вспомнить» нужное, т. е. актуализировать и активизировать нужные (имеющиеся у читателя) представления, как бы подтолкнуть читателя к рефлексии.

Второй вариант представлен ситуациями, когда конкретный объект (явление и т. п.) не известен читателю-инофону, однако в его культуре может быть найден некий аналог.

Здесь можно привести пример самостоятельного понимания читателями-инофонами названия цикла стихотворений А. А. Ахматовой «В Царском Селе»⁵. После того, как на понятийном уровне обучаемыми достигнуто понимание того, что речь идёт о летней резиденции русских царей, следует предложить им представить и описать, как, по их мнению, выглядит это место.

Даже при условии, что человек никогда не бывал там и не видел даже на фотографиях и т. п., для него существует вполне реальная возможность вообразить, как жили известные своей роскошью русские цари: прекрасные дворцы, великолепные парки и т. п. Возможно, фантазии будут существенно отличаться от реальности: прежде всего по части архитектуры и пород деревьев, но эмоции будут подлинные: восторг, восхищение... Именно те, которые требуются для полноценного восприятия стихотворения.

Воображение, фантазия у разных людей действует по-разному. Как существуют различные стили восприятия, так неизбежно должны существовать и разные стили воссоздания воспринятого и моделирования нового по ассоциациям известного.

Причём действие тех механизмов, которые можно назвать психопоэтическими, отнюдь не ограничивается только воображением «живых» картинок, иллюстраций и т. п. Они затрагивают ту глубинную ментальную область человеческой личности, доступ в которую возможен лишь на уровне образов-представлений, т. е. туда, где хранится как бы «невывразимое словом».

Мы полагаем, что у каждого читателя существует своя система приёмов управления работой собственной фантазии, которая обусловлена его психологическим типом, жизненным (в том числе и читательским) опытом и др. Таким образом, в задачу преподавателя, на наш взгляд, входит не столько обучение читателя-инофона психопоэтическим стратегиям воссоздания читательских представлений, сколько активизация имеющихся у него приёмов управления собственной фан-

⁵ Методическая интерпретация (т. е. вопросы и задания, направленные на использование когнитивных стратегий идентификации слова) представлена в [Кулибина 1994; Кулибина 1999], описание психологических процессов, происходящих при этом, в [Кулибина 2000].

тазией и демонстрация возможностей их применения при чтении художественной литературы.

В связи со сказанным мы не считаем необходимым (а не исключено, что и возможным) описание перечня стратегий этого типа.

В реальном процессе смыслового восприятия художественного произведения, которое происходит в естественных условиях (а не в учебных или экспериментальных), мысль читателя, или фокус его восприятия, постоянно перемещается с понятийного уровня мышления на уровень образов-представлений, в поисках наиболее оптимального способа познания как отдельных единиц текста, так и текстового смысла в целом.

4.0. Составляющие текстового смысла (для читателя).

В. А. Пищальникова пишет: «Смысл художественного текста можно рассматривать и как результирующую смыслов отдельных языковых выражений, составляющих его, рассмотренных во взаимоотношении» [Пищальникова, Сорокин 1993: 9].

На стадии непосредственного восприятия (или собственно чтения) художественного текста у читателя складывается собственная проекция текста, которая может быть представлена как определённым образом организованная совокупность частных смыслов отдельных (по преимуществу ключевых) единиц текста – словесных образов, соответствующих им читательских представлений, а также связей между ними.

Причём «увязывание» этой совокупности частных смыслов, читательских представлений и связей между ними в определённую систему происходит именно в процессе деятельности читателя, т. е. в процессе чтения. Как справедливо пишет А. А. Леонтьев: «Поэтический⁶ текст не есть система: эта система возникает и существует только в искусстве, реализующемся как деятельность, в общении искусством. Поэтический текст – лишь форма, в которую отливается живой процесс поэтического общения...» [Леонтьев 2000: 309] (выделено нами. – Н.К.).

Именно в результате как осознанных усилий, так и бессознательных действий читателя эта совокупность частных смыслов и читательских представлений (а также связей между ними), может превратиться и превращается в некоторую систему, ядро которой может быть осмыслено и выражено как смысл прочитанного художественного текста, личностный смысл – результат деятельности конкретного читателя.

Таким образом, нельзя извлечь из текста смысл, как нечто окончательно сформированное автором, застывшее как гипсовый оттиск. То, что хотел сказать автор, – лишь один из личностных смыслов текста, а

⁶ Представляется, что сказанное справедливо не только по отношению к стихотворным текстам, но шире — к художественному тексту вообще.

именно авторский личностный смысл, имевший место в процессе писательской деятельности.

Однако авторский личностный смысл представляет для читателя несомненный интерес. Здесь, как в реальном разговоре: чтобы он стал настоящим общением, необходимо стремиться понять, что говорит тебе собеседник.

«Человек, который воспринимает искусство, тоже его творит, и нам нужно научить его творить искусство. Мы даём ему вместе с произведением искусства определённую программу, позволяющую ему получить в процессе восприятия нечто максимально близкое к тому, что в это произведение было вложено его творцом» [Леонтьев 2000: 300].

Как показывает практика, успешность коммуникации при чтении художественной литературы в большей степени зависит не от предварительного знания читателя, а от его умения использовать имеющиеся у него знания, а также соответствующие когнитивные стратегии для извлечения необходимой информации из текста. В связи с этим для языкового учебного занятия с использованием художественного текста более продуктивной и целесообразной, по нашему мнению, будет методика, ориентированная на обучение когнитивной деятельности, направленной не на переработку информации, находящейся вне текста, а на поиск и декодирование опорных пунктов понимания внутри самого текста.

Таким образом, чтение художественной литературы предполагает интенсивную работу мысли читателя, напряжённую когнитивную творческую деятельность. Смысловое восприятие художественного текста представляет собой не процесс усвоения готового продукта мысли, а, по словам Д. Н. Овсяннико-Куликовского, ответ на образно выражённую мысль автора «аналогичными движениями моей художественной мысли, которая при всей своей слабости и незначительности, всё-таки соответствует мысли художника» (цит. по [Левидов 1983: 288]).

Л и т е р а т у р а

- Асмус 1961 – *Асмус В. Ф.* Чтение как труд и творчество // Вопросы литературы. 1961 № 2.
Богин 1991 – *Богин Г. И.* Рефлексия и понимание в коммуникативной подсистеме “человек – художественный текст” // Текст в коммуникации. Сборник научных трудов. М., 1991. С. 2-40.
Виноградов 1981 – *Виноградов В. В.* Проблемы русской стилистики. М., 1981.
Гаспаров 1996 – *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
Исаева 1996 – *Исаева Л. А.* Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте: Дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1996.
Кулибина 1987 – *Кулибина Н. В.* Методика лингвострановедческой работы над художественным текстом. М., 1987.

- Кулибина 1994 – *Кулибина Н. В.* Читаем стихи русских поэтов серебряного века. Четыре урока русского языка. М., 1994.
- Кулибина 1999 – *Кулибина Н. В.* Читаем стихи русских поэтов. Пособие по обучению чтению художественной литературы. СПб., 1999.
- Кулибина 2000 – *Кулибина Н. В.* Художественный текст в лингводидактическом осмыслении: Монография. М., 2000.
- Левидов 1983 – *Левидов А. М.* Автор – образ – читатель. Л., 1983.
- Леонтьев 1999 – *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М., 1999.
- Леонтьев 2000 – *Леонтьев А. А.* Психология общения. М., 2000.
- Никифорова 1972 – *Никифорова О. И.* Психология восприятия художественной литературы. М., 1972.
- Пищальникова 1992 – *Пищальникова В. А.* Проблема смысла поэтического текста. Психолингвистический аспект: Дисс. ... д-ра фил. наук. Барнаул, 1992.
- Пищальникова, Сорокин 1993 – *Пищальникова В. А., Сорокин Ю. А.* Введение в психопэтику: Монография. Барнаул, 1993.
- Рубинштейн 1999 – *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб., 1999.
- Эткинд 1999 – *Эткинд Е. Г.* «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психопэтики русской литературы XVIII-XIX веков. М., 1999.

Как обеспечить средствами самоучителя ориентацию автолингводидакта в условиях его деятельности?

© кандидат педагогических наук А. В. Рябоконт, 2001

Самообучение представляет собой особую форму овладения языком, которая требует методического обеспечения, адекватного ее специфике. Методическое обеспечение самообучения призвано содействовать оптимизации внутренних и внешних условий самостоятельного овладения языком. В числе функций автолингводидакта (самообучающегося субъекта) весьма важную роль играет гностическая функция, которая предполагает следующее.

1. Выявление характера коммуникативной деятельности, в рамках которой предполагается использовать избранный для самообучения язык. Например, человек, желающий получить работу в фирме, имеющей контакты с зарубежными партнерами, даже не будучи социолингвистом или лингводидактом, так или иначе, пусть на уровне обыденного сознания, сталкивается с проблемой определения круга сфер, тем, ситуаций и видов речевой деятельности, актуальных для его будущей профессии, которая связана с использованием иностранного языка, а также с проблемой выяснения требуемого уровня владения этим языком.

2. Ориентация в средствах информационного, в том числе методического, обеспечения самообучения иностранному языку. Даже неопытный автолингводидакт, каковых большинство, вынужден оперировать такими понятиями, как "наиболее эффективные и рациональные методы самообучения иностранным языкам", выясняя с помощью родных, знакомых, специалистов в области методики, рекламных проспектов, объявлений, рекламных роликов, аннотаций и предисловий к учебникам, какие методы самообучения существуют, какие из них зарекомендовали себя наилучшим образом, какие самоучители следует приобрести/взять в библиотеке/одолжить для качественного овладения языком в приемлемые сроки. Автолингводидакт также выясняет наличие другой учебной и неучебной литературы на данном языке, радио- и телевизионных программ учебного и неучебного характера, возможности приема этих программ, в том числе из других стран и/или отдаленных регионов своей страны.

3. Диагностирование автолингводидактом своих знаний, навыков и умений по данному языку, различных индивидуально-психологических

свойств как факторов предстоящей деятельности. Мы отдаем себе отчет в том, что "средний" самообучающийся вряд ли оперирует этими понятиями, пытаясь выяснить степень своей готовности к самообучению, но тем не менее он так или иначе анализирует и осмысливает свой предшествующий опыт изучения иностранных языков, попытки, возможно неудачные, самообучения в прошлом. При этом он, как правило, имеет представление о том, какой режим учебной деятельности является для него наиболее приемлемым, какие виды работ представляют наибольший / наименьший интерес, наибольшую / наименьшую трудность. Ко времени самообучения у автолингводидакта уже, по-видимому, сформировались и представления о своих волевых качествах, особенностях внимания, памяти, мышления, информацию о чем он мог получить как на основе самонаблюдений, так и от родителей, преподавателей и других лиц, с помощью различных психологических и лингвистических тестов, публикуемых, например, в популярных журналах. В целом автолингводидакта в данном случае больше всего интересует, обладает ли он тем, что и на быденном языке, и в научных терминах именуется "языковыми способностями". Если же автолингводидакт желает совершенствовать свое владение данным языком, он может воспользоваться входными тестами, помещаемыми в начале некоторых самоучителей.

4. Предварительное рассмотрение организационных моментов – времени (его продолжительности и концентрации), места самообучения с учетом трудоемкости предстоящей деятельности, жилищных условий автолингводидакта, возможностей занятий вне дома и других факторов.

5. Ориентация в структуре и методическом аппарате учебников и учебных пособий, в структуре и лексикографическом аппарате общих и специальных словарей.

Представляется, что адекватность методического обеспечения условий реализации гностической функции автолингводидакта может быть достигнута следующими средствами и способами.

1. В оглавлении указывается, из каких макро- и микрокомпонентов состоит учебник, какую программу самообучения иностранному языку предлагает автор, какой материал и в какой последовательности предназначается для усвоения, какие способы контроля, оценки и коррекции результатов своей деятельности сможет использовать самообучающийся; оглавление дает автолингводидакту возможность в считанные минуты сопоставить авторскую концепцию с моделью своей предполагаемой иноязычной коммуникативной деятельности и, в частности, определить, представлены ли в учебнике актуальные для него сферы, темы, ситуации и виды речевой деятельности, а также виды учебной информации, прежде всего автолингводидактическая, без которой данный учебник не может быть отнесен к самоучителям.

2. Используются условные обозначения и символы для обозначения компонентов учебного комплекса и рубрик базового учебника, что позволяет быстро и эффективно ориентироваться в структуре и содержании самоучителя (цифры, номера, параграфы, стилизованные изображения учебных принадлежностей и людей, совершающих те или иные действия с этими предметами). Так, средства, в принципе не являющиеся знаковыми, становятся ими в силу регулярности их использования в тех или иных функциях.

3. В предисловии, наряду с адресатом и мотивационно-целевой направленностью самоучителя, описываются структура и содержание учебника, дается информация об истории, генетических связях и основных особенностях изучаемого языка в сопоставлении с родным языком автолингводидакта, о распространенности и сферах использования изучаемого языка, его статусе среди других языков мира, о выдающихся политических и общественных деятелях, ученых, писателях, поэтах, артистах, художниках, спортсменах, врачах и т. д. страны изучаемого языка. Здесь же в доступной форме сообщаются сведения из психологии овладения иностранным языком, по организации и осуществлению самостоятельной познавательной деятельности, рекомендации по самостоятельному овладению иностранным языком вообще и по использованию данного самоучителя, в частности.

4. В учебник включаются фотографии и рисунки ситуативного и тематического характера, а также контуров той или иной страны (территории) с целью ориентации автолингводидакта в проблемах, обсуждаемых в данном разделе, уроке, тексте и т. д.

5. Названия уроков помогают автолингводидакту определить их место в рамках цикла и концентра, ориентируют его, наряду с анонсом, в основном содержании урока, его задачах и этапах; в рамках уроков даются ссылки на источники дополнительной учебной информации (приложения, комментарии, пособия-спутники); активно используется символика и полиграфические средства выделения информации с целью лучшей ориентации в характере изучаемого материала и упражнений по его усвоению, их типологии и последовательности выполнения.

6. Для впервые приступающих к изучению данного языка предлагается тест, диагностирующий способности к овладению иностранным языком. При этом используются: материальные средства тестирования — слова, словосочетания, предложения (фразы), микродиалоги (микротексты), предъявляемые в письменной и/или устной форме; операциональные средства тестирования — анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, составление целого из элементов, прогнозирование.

Тестируемым предлагается, исходя из общности и частичного сходства родного и иностранного языков, опираясь на свой априорный коммуникативный опыт:

- а) семантизировать слова, словосочетания и предложения (фразы);
- б) составить сочетания из слов, предложения из слов и словосочетаний, микротексты из предложений;
- в) определить тему микротекста (микродиалога);
- г) определить адресата и адресанта речевого высказывания;
- д) определить место развертывания диалога, соотнести письменное речевое высказывание с функциональным местом описываемых событий и др.

В соответствии с результатами диагностического тестирования способностей к овладению иностранным языком автолингводидакту даются рекомендации в отношении индивидуализации самообучения вообще и по данному самоучителю в частности с целью ориентации автолингводидакта в параметрах самоучителя, дифференцируемых на основе типологии индивидуально-психологических свойств личности.

7. Лицам, продолжающим изучение данного языка, предлагается входной тест, предназначение которого – определение уровня владения данным языком. На основе полученных результатов автолингводидакту даются общие и частные рекомендации по самообучению, его индивидуализации в опоре на дифференцируемые по уровням сложности параметры самоучителя.

8. В самоучитель и пособия-спутники включаются рекомендации автолингводидакту в отношении ориентации во внешних и внутренних условиях своей деятельности.

Проиллюстрируем последнее положение конкретными примерами таких рекомендаций.

1. Для того чтобы двигаться по намеченному пути не вслепую, а осознанно и планомерно, вам необходимо как можно лучше представлять себе, в каких условиях будет протекать ваша учебная деятельность. Условия эти бывают как внешними, так и внутренними. Зная эти условия, можно сознательно изменять их в лучшую, разумеется, для себя сторону, правильно планировать свою работу и осуществлять ее на всех этапах с наибольшей отдачей.

2. Задумайтесь над теми преимуществами, которые даст вам изучение избранного языка. При этом попытайтесь дать себе ответы и на следующие вопросы:

- ◇ *каков уровень и характер политических, торгово-экономических и культурных связей вашей страны и страны изучаемого языка?*
- ◇ *каковы исторические корни и перспективы этих связей?*

- ◇ каковы возможности осуществления контактов граждан двух стран на частном, общественном и государственном уровнях?
 - ◇ насколько востребованы специалисты разных профессий, знающие данный иностранный язык?
 - ◇ каков количественный и качественный состав носителей изучаемого языка, постоянно или временно проживающих в вашей стране?
 - ◇ насколько престижно владение данным языком в вашей стране?
 - ◇ каков количественный и качественный состав ваших соотечественников, владеющих в той или иной мере этим языком?
 - ◇ к какой группе языков — легких, средних, трудных для изучения — принято относить в вашей стране этот язык?
 - ◇ насколько близки по происхождению и структуре ваш родной и изучаемый языки?
 - ◇ существует ли для вас графический барьер в овладении этим языком, иными словами, пользуются ли его носители тем же алфавитом, что и вы?
 - ◇ насколько близки друг другу культура и национальный менталитет (образ мышления, характер) носителей вашего родного и изучаемого языков?
 - ◇ каковы возможности изучения избранного языка в вашей стране: обучение в школе, техникуме, вузе, на курсах, заочно, под руководством частного преподавателя, только самообучение?
 - ◇ имеются ли в наличии и насколько доступны учебные и неучебные источники устной и письменной информации на данном языке (в том числе зарубежные)?
 - ◇ каковы традиции, современное состояние и господствующие тенденции в преподавании иностранных языков в вашей стране, какие методы обучения и самообучения языкам считаются наиболее эффективными?
3. Определите, по возможности, также:
- ◇ в каких сферах вам придется использовать данный язык (в социально-бытовой, социально-культурной, учебной, профессиональной, административной и др.)?
 - ◇ на какие темы вы будете общаться ("Семья", "Литература и искусство", "Расписание занятий", "Рекламная деятельность", "Паспортно-визовый режим" и т. п.)?
 - ◇ в каких ситуациях будет происходить общение ("В магазине", "У кассы кинотеатра", "В деканате", "На производственном совещании", "В офисе адвоката" и т. д.)?
 - ◇ в какой роли вы будете выступать в общении (слушающего, читающего, говорящего, пишущего)?

- ◇ какие задачи могут возникнуть в процессе общения (попросить или понять просьбу о чем-либо, объяснить что-либо или понять объяснение чего-либо, поздравить кого-то, ответить на поздравление и т. д.)?
- ◇ какой уровень владения языком требуется для удовлетворения ваших потребностей в нем (начальный, средний, продвинутый, высший)?
- ◇ каким временем вы располагаете для овладения языком в требуемом объеме и на требуемом уровне (время не ограничено, ограничено и насколько)?
- ◇ как часто (ежедневно, один раз в два дня и т. д.) и сколько времени (час, два) сможете посвящать изучению иностранного языка с учетом трудоемкости предстоящей деятельности, ваших жилищных условий и семейных обстоятельств, необходимости совмещать самообучение с работой и учебой, возможности заниматься вне дома и т. д.?

4. Если раньше речь шла о выяснении внешних условий вашей будущей деятельности, то теперь поговорим о том, как определить ее внутренние условия, то есть вашу внутреннюю готовность к самообучению. Задайте себе следующие вопросы и постарайтесь дать на них ответы:

- ◇ изучали ли вы этот язык раньше, насколько успешным, по вашему мнению, было ваше обучение?
- ◇ приходилось ли вам ранее самостоятельно изучать этот или другой язык, насколько успешными были эти попытки?
- ◇ какой режим учебной деятельности является для вас наиболее приемлемым (утром, днем, вечером, ночью, редкая или частая смена времени, места и видов работы)?
- ◇ какие виды работы представляют для вас наибольший / наименьший интерес, наибольшую / наименьшую трудность (чтение, перевод, устное и письменное составление рассказов, разгадывание кроссвордов, решение проблемных задач и т. д.)?
- ◇ как вы оцениваете свои волевые качества, способны ли вы подчинить свое поведение достижению определенной цели, решению определенной задачи (сильная, средняя, слабая воля)?
- ◇ как вы предпочитаете (как вам легче, удобнее) воспринимать информацию — на слух, зрительно, одновременно слушая и читая?
- ◇ как вы легче запоминаете информацию — на основе каких-либо образов, ассоциаций, на основе усвоенных правил и закономерностей, на основе механического заучивания?
- ◇ как вам легче осваивать иностранный язык — идя от целостной системы к отдельным примерам, либо наоборот — от частных примеров к обобщениям?

- ◇ как вы оцениваете свои способности к овладению иностранным языком — высокие, средние, низкие?
- ◇ как в целом для вас предпочтительнее овладевать языком — в процессе общения на нем при минимуме известных правил или их отсутствии, в процессе прохождения курса учебника с тщательным усвоением правил и лишь затем с переходом к общению на этом языке?

Л и т е р а т у р а

- Арутюнов А. Р.* Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. М., 1990.
- Витлин Ж. Л.* Обучение взрослых иностранным языкам. М., 1978.
- Вятютнев М. Н.* Новый этап в развитии методики // Русский язык и литература в современном диалоге культур. Тезисы докладов ученых России. VIII конгресс МАПРЯЛ. М., 1994.
- Гохлернер М. М., Ейгер Г. В.* О выявлении и развитии лингвистических способностей при обучении иностранному языку // Вопросы психолингвистики и преподавания русского как иностранного / Под ред. А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой. М., 1971.
- Елинек С.* О роли учебника в процессе обучения русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 1995. № 1.
- Клобукова Л. П.* Российская государственная система уровней владения русским языком как иностранным в контексте европейских образовательных стандартов и тестов // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Доклады и сообщения российских ученых. М., 1999.
- Куринский В. А.* Автодидактика: Часть первая. М., 1994.
- Ломб К.* Как я изучаю иностранные языки. М., 1978.
- Рябокоть А. В.* Методическое обеспечение самообучения иностранному языку: теоретические основы конструирования оптимального самоучителя, практические рекомендации авторам самоучителей и самообучающимся. Винница, 1998.
- Украинцев Б. С.* Особенности самоуправляемых систем. М., 1970.

Категория модальности в современном чешском языке: программа спецкурса

© кандидат филологических наук В. В. Белоусова, 2001

В каждом языке существует определённый набор средств, позволяющих модифицировать высказывание в соответствии со стремлением говорящего выразить своё отношение к действительности, т.е. актуализировать тот или иной аспект (необходимость, возможность, желательность и т.п.). Особенно важно научиться правильно определять эти нюансы значений (модальные оттенки) специалистам по межкультурной коммуникации, изучающим близкородственные языки, т.к. сходство на уровне системы и расхождения в области функционирования языковых единиц создают немало трудностей. Данный спецкурс должен углубить общетеоретическую и богемистическую подготовку студентов, ознакомить их с понятийно-терминологическим аппаратом, сформировать практические умения и навыки сознательного применения полученных знаний.

В основу курса положен функциональный подход к изучению языка, предполагающий ориентацию на изучение и описание закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующими в передаче смысла высказывания, а также проведение лингвистического анализа высказываний не только в направлении от формы к значению (от средств к функциям), но и от значения к форме (от функций к средствам).

Спецкурс предназначен для студентов-богемистов третьего курса факультета иностранных языков, читается на чешском языке и рассчитан на 32 часа аудиторных занятий. Помимо лекционного материала студентам предлагаются практические задания.

Содержание курса

Введение. Общее представление о модальности. Основные элементы, формирующие коммуникативный процесс: говорящий (*mluvčí*) – высказывание (*výpověď*) – реальная действительность (*realita*). Две картины объективной реальности в нашем сознании: концептуальная (логическая) и словесная (языковая). Инвариантность логической модели, её независимость от языка. Роль лингвистических средств в создании языковой картины мира. Понимание языковой модальности как способности языка специализировать некоторые средства для выражения аспекта говорящего.

Различные трактовки категории модальности.

Модальность как логическая категория. Онтологическая модальность и персуазивная модальность. Каждый тип — совокупность однородных взаимоисключающих значений: возможность, действительность и необходимость в рамках объективной модальности; сомнение, проблематичность (вероятность) и категоричность в рамках субъективной модальности.

Модальность как грамматическая категория. Модальность в ряду предикативных категорий. Граница между модальностью и предикативностью: предикативность — логико-синтаксическая категория на уровне языка, модальность — коммуникативно-синтаксическую категорию на уровне речи. Характеристика степени реальности или нереальности содержания высказывания.

Модальность как психолого-грамматическая категория. Проявление основных модальных значимостей в разных типах высказываний. Цель и установка коммуникации. Выражение «интеллектуальных чувств», постоянно сопровождающих коммуникативную деятельность человека.

Модальность как функционально-семантическая категория.

Определение границ функционально-семантической категории (ФСК) модальности. Сущность взаимоотношений со смежными категориями: модальность и оценочность (*hodnocení*); модальность и эмоциональность (*emocionalita*); модальность и область утверждения / отрицания (*negace*).

Концепция Я. Светлика: синтаксическая, лексическая и морфологическая модальность.

Концепция Л. Адамеца: три уровня модальности, выделяемые с учётом актуального членения предложения – предикатная, рематическая, диктальная модальность.

Концепция М. Грeпла: критерии разграничения модальных типов (характер выражаемых отношений, обязательность/факультативность, средства выражения).

Типы отношения говорящего к пропозиционному содержанию высказывания: коммуникативно-интенционный (KIP – *komunikativně-intenční postoj*); эмоционально-оценочный (EHP – *emocionálně-hodnotící postoj*); выражающий степень убеждённости говорящего в истинности содержания (JMP – *jistotně-modalitní postoj*).

Основные типы модальных значений. Субъективная модальность (отношение говорящего к сообщаемому содержанию — *vztah mluvčího k sdělovanému obsahu*) и объективная модальность (отношение сообщаемого содержания к реальности — *vztah sdělovaného obsahu k realitě*).

Целеустановочная модальность (*postojová modalita*) как отношение говорящего к содержанию высказывания с точки зрения целевой установки. Различия в способе выражения целеустановочной модальности в славянских языках: степень использования отдельных средств при реализации конкретных модальных статусов.

Персуазивная модальность (*jistotní modalita*) как отношение говорящего к содержанию высказывания в плане оценки его достоверности / недостоверности.

Волонкативная модальность (*voluntativní modalita*) как отношение производителя действия к его реализации, выражающееся в значениях необходимости, возможности, намерения.

Основные средства выражения модальности (грамматические, лексические, интонационные). Обобщённая (абстрактная) модальная схема предложения: (Partikule) + Modus + Druh koncové intonace, реализуемая во всех славянских языках.

Логическим продолжением данного спецкурса является спецсеминар «Средства выражения модальности в современном чешском языке», в рамках которого студенты имеют возможность провести самостоятельные исследования, опираясь на теоретические основы, изложенные в лекционном курсе.

Средства выражения модальности в современном чешском языке: программа спецсеминара

© кандидат филологических наук В. В. Белоусова, 2001

Семинар рассчитан на 64 часа аудиторных занятий (пятый и шестой семестры). Работа проводится по трём основным направлениям:

а) Теоретическая подготовка – углублённое изучение лингвистических работ, посвящённых как общим вопросам модальности, так и отдельным средствам её выражения.

б) Методическая подготовка – знакомство с основными принципами и методами лингвистического исследования; анализ структуры научных работ; составление библиографии.

в) Практикум – выбор (обоснование) темы и написание курсовой работы.

Содержание семинара

Модальность как отражение реальной действительности в сознании говорящего. Отношения, в которые вступает субъект с объективной реальностью: выражение эмоций, волеизъявления, уверенности в достоверности сообщаемого. Специфика отражения взаимоотношений между реальной действительностью и субъектом в сознании говорящего.

Комплексный характер категории модальности: влияние сочетаемости различных элементов на общий модальный смысл высказывания. Необходимость анализа возможных комбинаций модальных средств в рамках основной коммуникативной единицы речи – высказывания.

Основные средства выражения модальности на разных уровнях: грамматическом, лексическом и интонационном. Анализ репертуара этих средств с учётом их совокупной роли в оформлении высказываний.

Классификация высказываний по модальности с опорой на формальные признаки. Обобщённая (абстрактная) модальная схема, предложенная М. Греллом: (Partikule) + Modus + Druh koncové intonace

Различные варианты наполнения и развёртывания базовой модели в зависимости от целевой установки высказывания. Четыре конкретных модальных статуса (declarativní, interogativní, imperativní, optativní), реализующихся в повествовательном, вопросительном, побудительном или желательном коммуникативных типах высказываний.

Средства выражения целеустановочной модальности (postojová modalita): глагольные наклонения, тип конечной интонации, частицы и порядок слов.

Специфика глагольных наклонений. Элементарные дистинктивные признаки, проявляющие взаимоотношения индикатива, императива и кондиционала: нереальность действия – *fiktivnost* и обращённость действия на адресат – *apel*. Неполное распределение семантического пространства между членами грамматической категории наклонения, вызывающее необходимость подключения лексики, контекста и других средств. Понятие морфологического и синтаксического наклонения.

Частицы как модификаторы значения и эмоционального статуса высказывания. Репертуар частиц в чешском языке; их характер, объём функций и комбинаторика.

Интонационные средства. Взаимодействие модальной и эмоциональной характеристик; его влияние на изменение интонационной конструкции. Специфика инфинитивных конструкций.

Особенности выражения волонкативной модальности (*voluntativní modalita*). Модальные глаголы *mušet, moci, mít, smět, chtít, hodlat, umět, dovést* и словообразовательные форманты как средства выражения необходимости (*nezbytnost, očekávanost, vhodnost*), возможности (*možnost, schopnost, dovolení*), намерения (*záměr*).

Средства выражения персуазивной модальности (*jistotní modalita*). Формальные показатели, свидетельствующие о разной степени убеждённости говорящего в достоверности содержания пропозиции.

Эмоционально обусловленная актуализация высказываний. Модификации и транспозиции модальных схем.

Сходство средств выражения модальности в славянских языках. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя родственных славянских языков. Понятие функционально-семантического эквивалента.

Л и т е р а т у р а

- Барнет В.* К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983.
- Бондарко А.В.* и др. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990
- Беляева Е.И.* Модальность в различных типах речевых актов // Филологические науки, 1987, № 3.
- Бубновская Э.Ф.* Модальность высказывания как одно из проявлений прагматического аспекта речевого акта // Тезисы 5-й Всесоюзной конференции по романскому языкознанию. Калинин, 1986.
- Войскунский А.Е.* Коммуникативный контакт и средства его установления // оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

- Григорьев Е.И., Тычинина В.М.* Семантическое функционирование речевой просодии // Функциональная характеристика языковых единиц и категорий. Днепропетровск, 1988.
- Дёмина Е.И.* К теории сопоставительных исследований по грамматике // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
- Ляпон М.В.* Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Молошина Т.Н.* Об аналитических формах сослагательного наклонения в славянских языках // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
- Мразек Р.* Эмоциональность предложения и перспективы её сравнительного исследования // *Otázky slovanské syntaxe IV/2*. Brno, 1980.
- Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985.
- Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
- Функциональная семантика: пропозициональные структуры и модальность. М., 1988.
- Цейтлин С.Н.* Некоторые типы модальных ситуаций в современном русском языке // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. Л., 1985.
- Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
- Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1992.
- Широкова А.Г.* Некоторые вопросы эквивалентности в связи с транспозицией форм наклонений // *Съпоставително езиковзнание 1980*, № 3.
- Широкова А.Г.* Сопоставительное изучение вторичных функций грамматических категорий глагола в славянских языках. М., 1983.
- Широкова А.Г.* Сопоставительное изучение структурных и функциональных особенностей неполнознаменательных частей речи в славянских языках (на материале частиц чешского и русского языков) // *Вестник МГУ. Филология*. 1988, № 4.
- Широкова А.Г.* Проблемы сопоставительного изучения образно-экспрессивного употребления форм грамматических категорий // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
- Широкова А.Г.* Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя родственных славянских языков // *Очерки по сопоставительному изучению грамматического строя и лексикологии (номинации) в русском и западных славянских языках (в синхронии и диахронии)*. М., 1997.
- Barnet V.* K pojetí komunikace a postoje. Komunikativní situace a výpověď // *Otázky slovanské syntaxe IV/1*. Brno, 1979.
- Bauer J., Grepl M.* Komunikativně pragmatické aspekty výpovědi // *Otázky slovanské syntaxe IV/1*. Brno, 1979.
- Bauer J., Grepl M.* Skladba spisovné češtiny. Praha, 1980.
- Běličová H.* Modální báze jednoduché věty a souvětí. Praha, 1983.
- Buráňová-Benešová E.* Vztah postojové modality a emcionality // *Otázky slovanské syntaxe IV/2*. Brno, 1980.
- Daneš Fr.* Intonace v textu // *Slovo a slovesnost*, 1985, roč. 46, 2.
- Klívar M.* Emocionálnost jako sémanticky modifikující komponent větné struktury // *Slovo a slovesnost*, 1985.
- Otázky slovanské syntaxe III*. Brno, 1973.
- Panevová J.* Formy a funkce ve stavbě české věty. Praha, 1980.